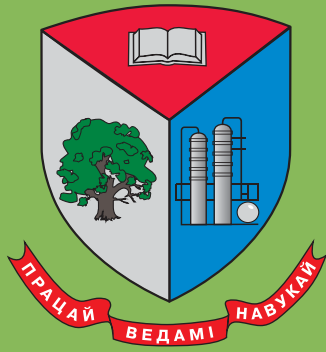

ISSN 2520-6885

ТРУДЫ БГТУ

Научный журнал

Серия 6

ИСТОРИЯ,
ФИЛОСОФИЯ

№ 2 (215) 2018 год

Рубрики номера:

История
Философия

Минск 2018

Учреждение образования
«Белорусский государственный
технологический университет»

ТРУДЫ БГТУ

Научный журнал

Издается с июля 1993 года

Серия 6

**ИСТОРИЯ,
ФИЛОСОФИЯ**

№ 2 (215) 2018 год

Выходит два раза в год

Минск 2018

Educational institution
“Belarusian State Technological University”

PROCEEDINGS OF BSTU

Scientific Journal

Published monthly since July 1993

Issue 6

**HISTORY,
PHILOSOPHY**

No. 2 (215) 2018

Published biannually

Minsk 2018

ИСТОРИЯ

УДК 630-057.86:378.662(476)

В. Е. Козляков

Белорусский государственный технологический университет

ИЗ ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ В БЕЛАРУСИ СИСТЕМЫ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ ЛЕСНОГО ХОЗЯЙСТВА И СТАНОВЛЕНИЯ БЕЛОРУССКОГО ЛЕСОТЕХНИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА ИМЕНИ С. М. КИРОВА

В статье раскрываются основные этапы становления Белорусского лесотехнического института имени С. М. Кирова в 1930 – июне 1941 г. Это учебное заведение позднее было преобразовано сначала в Белорусский технологический институт имени С. М. Кирова, а затем в Белорусский государственный технологический университет. Автор полагает, что подготовка специалистов по лесному делу в Беларуси началась в декабре 1859 г. в Горы-Горецком земледельческом институте, затем она была прервана восстанием 1863–1864 гг. и возобновлена в советский период, начиная с 1919 г. После ряда реорганизаций в 1930 г. был создан Белорусский лесной институт, заложивший основы будущего технологического университета.

Ключевые слова: земледельческий институт, высшее образование, институт, университет, лесное хозяйство.

U. Ye. Kazliakou

Belarusian State Technological University

FROM THE FORMATION HISTORY OF FORESTRY'S SPECIALISTS SYSTEM TRAINING OF S. M. KIROV'S BELARUSIAN FORESTRY INSTITUTE IN BELARUS

The article reveals the main stages of the formation of the S. M. Kirov's Belorussian Forestry Technical Institute in 1930 – June 1941. This educational institution was transformed firstly to the S. M. Kirov's Belarussian Technological Institute, then to the Belarussian State Technological University. The author believes that the forestry's specialists training in Belarus had started from December 1859 at the Gori-Gorki Agricultural Institute, was interrupted by the uprising of 1863–1864, and resumed in the Soviet period, in the beginning of 1919. After a number of reorganizations Belarussian Forest Institute was established in 1930, which was foundation of the Technological University in future.

Key words: Belarussian Forestry Institute, higher education, university, forestry.

Введение. В 2020 г. мы будем отмечать 90-летие создания Белорусского государственного технологического университета (БГТУ). Возникнув как Белорусский лесотехнический институт, наше учебное заведение прошло несколько этапов развития и превратилось в один из ведущих технологических вузов Республики Беларусь и стран СНГ. БЛТИ – БТИ – БГТУ подготовил за почти 90-летний период своего существования несколько тысяч специалистов, работавших и работающих в различных хозяйственных отраслях, науке и культуре. История БГТУ, начало его становления нашли отражение в юбилейных сборниках, посвященных университету, многочисленных брошюрах и статьях. Значительный интерес представляет брошюра, выпущенная еще в 1940 г. и приуро-

ченная к 10-летию Белорусского лесотехнического института [1]. Особенно следует отметить работу А. Д. Янушко и Е. А. Дашкевич, посвященную истории БГТУ с 1920 по 2000 г. Эта работа включает в себя уникальные документальные материалы, воспоминания специалистов, другие интересные сведения [2]. Непосредственно первому десятилетию деятельности БЛТИ посвящена также статья А. Д. Янушко [3]. Однако накопленный опыт нашего учебного заведения, как и всей системы в Беларуси, в деле подготовки специалистов технологического профиля требует дальнейшего обобщения и анализа.

Основная часть. Белорусские земли издавна славилась продуктивным сельскохозяйственным производством и лесными богатствами,

дававшими сырье для переработки и другие необходимые материалы. Вступление белорусского края, входившего в состав Российской империи, в индустриальную эпоху продиктовало его специализацию по указанным отраслям и необходимость подготовки соответствующих специалистов. Не случайно взоры российских чиновников обратились к Беларуси.

15 августа 1840 г. состоялось открытие Горы-Горецкой земледельческой школы, включавшей в себя учеников двух разрядов. Первый разряд призван был готовить «земледельческих учеников» и давал им основы агрономии. В течение 3 лет учащиеся изучали общеобразовательные и специальные хозяйственные дисциплины, проходили практику на опытных полях и фермах. Успешно окончившие первый разряд, кроме крестьян, имели доступ во второй разряд, который готовил агрономов-практиков. Учащиеся второго разряда изучали химию, зоологию, ботанику, агрономию, лесоводство, историю сельского хозяйства, статистику.

А 20 июня 1848 г. высший разряд Горы-Горецкой земледельческой школы был преобразован в земледельческий институт – первое в России высшее сельскохозяйственное учебное заведение с правом университета и четырехлетним периодом обучения. По учебному плану института лесоводство становилось обязательным курсом.

По новому Положению, утвержденному 8 декабря 1859 г., Горы-Горецкий институт и состоявшее при нем земледельческое училище должны были служить «обучению молодых людей разным способам в деле сельского хозяйства и лесоводства, вообще для распространения как теоретических, так и практических сведений о сих предметах» [4, с. 56]. После 2 курса студенты должны были выбрать себе одну из четырех специальностей: земледелие, скотоводство, лесоводство, экономика [5, с. 14–15]. Предметам лесоводства и лесоустройства отводилось 5 часов в неделю. Студенты института, по отчетам 1853/1854 учебного года, изучая лесоводство, упражнялись в дендрологическом питомнике, в посевах и посадке деревьев. Кроме того, на лесной даче института обращалось внимание студентов на ботанические признаки и отличительные свойства древесных пород, разные способы лесовозобновления, определение возраста леса и его качества. Подробно изучались науки, непосредственно связанные с лесом: лесоводство и лесоохранение, правила управления казенными лесами [4, с. 32–33, 51, 67–68].

Есть основания полагать, что лесотехническое образование в Беларуси берет свое начало в декабре 1859 г., и в декабре 2019 г. мы вправе отметить 160-летие возникновения этой отрас-

ли образования и одновременно технологического образования в Беларуси.

В связи с начавшимся восстанием 1863 г. в Польше и Беларуси (в Беларуси участие в восстании приняли студенты Горы-Горецкого института) Александр II отдал распоряжение о переводе Горы-Горецкого института в Санкт-Петербург. Тем не менее в Горках было сохранено земледельческое училище, в котором продолжали преподавать лесоводство. Одновременно здесь были организованы так называемые землемерные классы [5, с. 26].

Любопытно, что Санкт-Петербургский земледельческий институт возник на основе переведенного из Горок института и руководствовался «Положением о Горы-Горецком земледельческом институте 1859 г.». Санкт-Петербургский земледельческий институт, с одной стороны, стал продолжением Горы-Горецкого института, а с другой, занял место закрытой Лесной академии и превратился в приемника высшей лесохозяйственной школы в России.

От Горы-Горецкого института Санкт-Петербургский земледельческий институт получил существенное пополнение библиотеки, часть учебных пособий, значительное оборудование химической лаборатории, сельскохозяйственные орудия. Из Горок в Санкт-Петербург переехало 6 преподавателей и 33 студента 3-го курса [6, с. 130].

Что касается Беларуси, то тут подготовка специалистов по лесному делу была временно приостановлена, если не считать земледельческое училище, в котором преподавалось лесоводство.

Дальнейшее формирование высшего лесотехнического образования в Беларуси было продолжено уже в советский период. В январе 1919 г. коллектив преподавателей и учащихся Горецких сельскохозяйственных учебных заведений выступил с инициативой о воссоздании Горы-Горецкого сельскохозяйственного института на базе имевшихся средних учебных заведений. Эта идея была поддержана Временным рабоче-крестьянским Советом Народных Комиссаров БССР. 7 апреля 1919 г. решением коллегии Наркомпроса РСФСР ходатайство было удовлетворено: сельскохозяйственный институт в Горках был восстановлен. Учебные занятия начались 3 октября 1919 г. В возрожденном институте открылись четыре факультета: агрономический, лесной, мелиоративный и сельскохозяйственного машиноведения [5, с. 32].

Чуть позже, в 1920 г., создан Белорусский государственный политехникум, который вскоре был отнесен к числу высших технических учебных заведений. В состав политехнического техникума (института) вошли следующие факультеты: механический, электротехнический, химико-технологический, инженерно-строительный,

инженерно-мелиоративный и лесной [7, л. 18]. Однако в 1922 г. в связи со слабой материальной базой и острой потребностью в специалистах сельскохозяйственного производства и лесного хозяйства на базе Политехнического института создается в г. Минске Белорусский государственный институт сельского хозяйства (БГИСХ). Поначалу БГИСХ состоял из одного агрономического факультета с секциями: лесоводства, инженерно-мелиоративного, сельскохозяйственного машиностроения и сельскохозяйственной технологии [7, л. 4].

Официальное открытие Белорусского государственного института сельского хозяйства (БГИСХ) состоялось 7 ноября 1922 г. А в декабре 1922 г. по решению ЦИК БССР он стал называться Белорусским государственным институтом сельского хозяйства имени Октябрьской революции. Из Политехнического института перешли на работу в БГИСХ профессор В. И. Переход, возглавивший кафедру лесозащиты и лесоустройства, и профессор Т. К. Армусельд, ставший во главе кафедры геодезии. Кафедрой почвоведения стал заведовать профессор В. Г. Касаткин, кафедрой ботаники – профессор Н. М. Гайдуков, кафедрой физики – профессор Е. Е. Сироткин, минералогии и геологии – профессор Б. К. Терлецкий [2, с. 15].

Однако поиск форм подготовки специалистов лесного профиля на этом не закончился. На основании постановления Совнаркома БССР от 6 августа 1924 г. было решено перевести лесной факультет из Горецкого института в Белорусский государственный институт сельского хозяйства в г. Минск и объединить с имевшейся здесь лесной секцией. После этого решения институт стал именоваться «Белорусский государственный институт сельского и лесного хозяйства имени Октябрьской революции» [8, л. 1].

Спустя год, 21 августа 1925 г., было принято совместное постановление ЦИК и Совнаркома БССР, согласно которому Белорусский институт сельского хозяйства имени Октябрьской революции государственный институт сельского и лесного хозяйства и Горецкий государственный сельскохозяйственный институт объединялись в одно высшее учебное учреждение, местом нахождения становился г. Горки. Новому объединенному учреждению давалось название «Белорусская государственная академия сельского хозяйства имени Октябрьской революции».

Лесной факультет в составе Белорусской сельскохозяйственной академии (БСА) просуществовал пять лет (1925–1930 гг.). В его состав входили следующие кафедры: общего лесоводства и дендрологии (зав. кафедрой профессор С. П. Мельник), частного лесоводства (зав. кафедрой профессор А. В. Костяев), эко-

номики и статистики лесного хозяйства (зав. кафедрой профессор В. И. Переход), таксации и лесоустройства (зав. кафедрой профессор В. К. Захаров), лесной технологии (зав. кафедрой профессор В. В. Шкателов). В качестве учебно-опытной базы факультета использовано Горецкое учебно-опытное лесничество. Результаты научных исследований публиковались в «Трудах по лесному опытному делу». Факультет имел ботанический сад, дендрологический парк, лесной питомник.

Лесной факультет БСА готовил специалистов широкого профиля для лесного хозяйства, лесозаготовительной промышленности, деревообработки, лесохимии и подсочки леса. Он сыграл важную роль в подготовке инженерных и научных кадров, развитии научной и технической базы для дальнейшего совершенствования высшего лесотехнического образования. Всего за период существования факультета в рамках БСА было подготовлено 230 специалистов, из числа которых вышли известные ученые [2, с. 25–27].

К концу 20-х гг. XX в. в народном хозяйстве БССР резко возросла потребность в квалифицированных инженерно-технических кадрах. Этого требовала развернувшаяся индустриализация страны. Республика ускоренными темпами развивала лесную и деревообрабатывающую промышленность, металлообработку и машиностроение. В этих условиях правительство республики приняло решение о расширении высших и средних специальных заведений, в том числе и для подготовки инженерных кадров для лесной и деревообрабатывающей промышленности, лесного хозяйства.

Постановлением Совета Народных Комиссаров БССР от 21 июня 1930 г. было принято решение реорганизовать Лесной факультет Горецкой сельскохозяйственной академии в Лесной институт и открыть его в Гомеле [9, л. 217].

В развитии высшего лесотехнического образования наступил новый этап – создание и развитие отдельного специализированного вуза. При организации института в его составе были образованы следующие отделения: лесного хозяйства, механизации лесозаготовок, механической обработки древесины, лесохимическое и лесозащитное. Уже тогда, в 1930 г. закладывались основы будущего технологического университета со специализацией в области химии и экономики.

Открытие института состоялось 1 октября 1930 г., а в ноябре этого года начался учебный процесс. Однако для полноценной научной и научно-педагогической деятельности не хватало опытных кадров, научного и учебного оборудования. Очень слабой была материально-

техническая база. Институт располагался в арендованных зданиях квартирному и учрежденческого типов, которые не были приспособлены для ведения учебного процесса. На 15 ноября 1931 г. общее количество студентов составило 353 человека [10, л. 15–31].

После ряда организационных перестроек к 1932 г. число отделений сократилось. Сделав один выпуск, экономическое отделение закрылось. Лесохимическое отделение переведено в Ленинградскую лесотехническую академию. Таким образом, структура Белорусского лесного института определилась в составе трех факультетов: 1) механической обработки древесины; 2) механизации лесоразработок и сухопутного транспорта леса; 3) лесного хозяйства [1, с. 8].

Одновременно на единой кадровой и производственной базе в Гомеле был организован Научно-исследовательский институт лесной промышленности и лесного хозяйства, который в 1933 г. был полностью перепрофилирован на обслуживание лесного хозяйства и стал называться Белорусским НИИ лесного хозяйства.

В 1934 г. состоялся первый выпуск молодых специалистов Белорусского лесного института. Диплом № 1 получил Ф. Б. Трибушевский, позже удостоенный звания «Заслуженный лесовод Беларуси», длительное время возглавлявший Управление лесного хозяйства республики. Всего в 1934 г. защитили дипломные проекты 53 молодых специалиста. В том же 1934 г. Белорусский лесной институт был переименован в Белорусский лесотехнический институт (БЛТИ), а в марте 1935 г. решением ЦИК СССР ему было присвоено имя Сергея Мироновича Кирова.

Тридцатые годы прошли в условиях необоснованных репрессий, которые не обошли стороной и коллектив института. За десятилетний период сменились пять директоров института: Д. Р. Гранковский (1930–1931 гг.), Б. Г. Калманович (1931–1935 гг.), П. В. Карг (1936–1937 гг.), П. Я. Нечуятов (1938–1939 гг.), А. К. Лобасенок (1939–1941 гг.). В эти годы подверглись необоснованному разгрому научные труды профессора Г. Ф. Морозова – основоположника учения о лесе, профессора М. М. Орлова – создателя научных основ организации лесного хозяйства, профессора В. И. Перехода – автора первого лесозащитного учебника в СССР. Дискуссии 1925–1935 гг. проходили под знаком борьбы с «буржуазными теориями лесного хозяйства». Принципы постоянства и равномерности лесопользования, теория «нормального леса» были объявлены «буржуазно-вредительскими, неприемлемыми для социалистического лесного хозяйства» [2, с. 32–35].

Однако такие трагические проявления не могли остановить развитие наук о лесе, подго-

товку специалистов для лесной отрасли. Тогда, в 1938 г., в БЛТИ имени С. М. Кирова велась подготовка по следующим специальностям: 1) инженеры лесного хозяйства; 2) инженеры-технологи; 3) инженеры транспортники леса; 4) инженеры-механики по технической обработке древесины [11, л. 64].

Принимались меры по развитию института на государственном уровне. Совет Народных Комиссаров БССР своим постановлением от 29 ноября 1938 г. вышел с ходатайством в Наркомлес и Совнарком СССР о выделении необходимых средств для строительства новой базы института. Ровно через год, 29 ноября 1939 г., Совнарком БССР принял второе постановление о необходимости осуществления указанного выше строительства в кратчайшие сроки. Необходимость развития БЛТИ и его строительства вызывалась все возрастающей потребностью в лесотехнических кадрах высшей квалификации для БССР вообще и в особенности для западных областей.

В 1940 г. Белорусский лесотехнический институт имени С. М. Кирова отметил свой десятилетний юбилей. В это время институт имел в своем составе 24 кафедры, 15 учебных лабораторий и кабинетов, заводскую лабораторию механической обработки древесины, лабораторию тяговых машин. Библиотека института насчитывала около 50 тысяч томов учебной и научной литературы.

Профессорско-преподавательский состав БЛТИ включал в себя 6 профессоров, 36 доцентов, 11 преподавателей и ассистентов. В числе профессоров были такие крупные ученые, как И. А. Яхонтов, В. А. Ульяницкий, В. К. Захаров, П. П. Роговой, К. Н. Коротков.

За этот период была проделана большая научно-исследовательская работа в различных отраслях лесного хозяйства и промышленности. Особенно широко развернулась эта работа в конце 1930-х гг. Если в 1937 г. по институту разрабатывалось только 6 научных тем, то в 1939 г. – уже 26, а в 1940 г. – 30. При этом разрабатываемые темы отвечали проблемам производства. Научные достижения преподавателей находили воплощение в учебном процессе [1, с. 9, 20].

Заключение. Формирование системы подготовки специалистов по лесному делу в Беларуси началось еще в конце 50-х гг. XIX в. Оно было прервано по политическим причинам, но возобновлено в советский период. В 30-е гг. XX в. в результате поиска различных форм образовательных учреждений возник БЛТИ имени С. М. Кирова, где сформировался квалифицированный профессорско-преподавательский состав, развертывалась научно-исследовательская работа.

Литература

1. 10-летие Белорусского лесотехнического института имени С. М. Кирова и 20-летие высшего лесного образования в БССР. Гомель, 1940. 76 с.
2. Янушко А. Д., Дашкевич Е. А. История Белорусского государственного технологического университета в документах и фактах (1920–2000 гг.). Минск: БГТУ, 2008. 175 с.
3. Янушко А. Д. Первое десятилетие института: страницы истории // Технолог. 1989. № 26. С. 3.
4. Высшее сельскохозяйственное образование в России и за границей / сост. И. И. Мещерский. СПб.: Типогр. В. Киршбаума, 1893. 464 с.
5. Герасимович А. А., Добролюбов Н. А., Глушакова Н. А. Академия: история и современность / под общ. ред. П. А. Сакевича. Минск: Печатный центр «Полиграф», 2015. 196 с.
6. Санкт-Петербургская лесотехническая академия. Страницы истории / отв. ред. В. И. Онегин. СПб.: ЗАО «Хромис», 2003. 815 с.
7. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 209. Оп. 1. Д. 8.
8. НАРБ. Ф. 208. Оп. 1. Д. 369.
9. НАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 807.
10. НАРБ. Ф. 1691. Оп. 1. Д. 2.
11. НАРБ. Ф. 756. Оп. 1. Д. 77.

References

1. *10-letije Beloruskogo lesotekhnicheskogo instituta imeni S. M. Kirova i 20-letije vysshego lesnogo obrazovaniya v BSSR* [The 10th anniversary of the Belorussian Forestrytechnical Institute name after S. M. Kirov and the 20th anniversary of forestry education in the Belorussian SSR]. Gomel, 1940. 76 p.
2. Janushko A. D., Dashkevich E. A. *Istoriya Beloruskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta v dokumentakh i faktakh (1920–2000)* [The history of the Belarusian State Technological University in documents and facts (1920–2000)]. Minsk, BGTU Publ., 2008. 175 p.
3. Janushko A. D. The first decade of the Institute: pages of history. *Tehnolog* [Technologist], 1989, no. 26, p. 3 (In Russian).
4. Mesherski I. I. *Vyssheye selskokhozyastvennoye obrazovaniye v Rossii i za granitsey* [Higher agricultural education in Russia and abroad]. St. Petersburg, Tipogr. V. Kirshbauma Publ., 1893. 464 p.
5. Gerasimov A. A., Dobrolyubov N. A., Glushakova N. A. *Akademiya: istoriya i sovremenost'* [Academy: history and modernity]. Minsk, Pechatnyy tsentr "Poligraf" Publ., 2015. 196 p.
6. *Sankt-Peterburgskaya lesotekhnicheskaya akademiya. Stranitsy istorii* [St. Petersburg Academy of Forestry Tehnology. Pages of history]. V. I. Onegin (resp. ed.). St. Petersburg, Chromis Publ., 2003. 815 p.
7. National Archives of the Republic of Belarus (NARB). Fund 209. I. 1. F. 8.
8. NARB. Fund 208. I. 1. F. 369.
9. NARB. Fund 7. I. 1. F. 807.
10. NARB. Fund 1691. I. 1. F. 2.
11. NARB. Fund 756. I. 1. F. 77.

Информация об авторе

Козляков Владимир Егорович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории Беларуси и политологии. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: kozlyakov-ve@mail.ru

Information about the author

Kazliakou Uladzimir Yegorovich – DSc (History), Professor, Professor, the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: kozlyakov-ve@mail.ru

Поступила 10.09.2018

УДК 321.1(476)(470):94

П. С. Крючек

Белорусский государственный технологический университет

**УЧАСТИЕ БЕЛОРУСОВ
В ФОРМИРОВАНИИ ЭТНИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА СИБИРИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX В.**

Белорусский этнос оказал огромное влияние на формирование этнического пространства современной Сибири. Сегодня на просторах Сибири проживают десятки тысяч людей, которые сохраняют свою белорусскую идентичность.

В предложенной статье рассматриваются основные этапы заселения Сибири выходцами из Беларуси, а также исследуются вопросы адаптации переселенцев в новых условиях. В качестве ключевого фактора, определяющего пространственное поведение переселенцев, рассмотрены бытующие среди них «мифы идентичности», которые во многом определили характер их взаимодействий со старожильской средой, а также оказали влияние на особенности культурного ландшафта основанных ими поселений.

Ключевые слова: Россия, Беларусь, переселение, миграция, этнос, идентичность.

P. S. Kruchek

Belarusian State Technological University

**PARTICIPATION OF BELARUSIANS
IN FORMATION OF ETHNIC SPACE OF SIBERIA
IN THE SECOND HALF OF 19TH – THE FIRST THIRD OF 20TH CENTURY**

The Belarusian ethnos has exerted huge impact on formation of ethnic space of modern Siberia. Today on open spaces of Siberia tens of thousands of people who keep the Belarusian identity live.

In the offered article they are considered main stages of settling of Siberia by natives of Belarus and also questions of adaptation of immigrants in new conditions are investigated. As the key factor defining spatial behavior of immigrants the “myths of identity” occurring among them who have in many respects defined character their actions with the old-timed environment are considered and also have exerted impact on a cultural landscape of the settlements founded by them.

Key words: Russia, Belarus, resettlement, migration, ethnos, identity.

Введение. Территория Сибири издавна представляла собой полиэтничное пространство. Большой вклад в его формирование внесли выходцы из Беларуси.

Белорусский этнос – один из народов, чей миграционный вектор направлялся в Россию на протяжении многих столетий, начиная со времен Великого княжества Литовского. На первом этапе миграция из Беларуси явилась итогом многочисленных войн между Московским государством и Речью Посполитой на территории Великого княжества Литовского, большую часть населения которого составляли белорусы, или же, как их тогда называли, «литвины». Нередко пленных литвинов отправляли в качестве служилых людей за Урал, где они вместе с русскими первопроходцами принимали участие в хозяйственно-культурном освоении Сибири [1, с. 24]. Однако массовые переселения белорусов в Сибирь начались только в XIX в., после включения белорусских земель в состав Российской империи.

Основная часть. Первая волна переселения белорусов в Сибирь связана с разгромом восстания в Польше в 1830–1831 гг., в котором

участвовали и белорусские шляхтичи. Вместе с поляками они тоже оказались в Сибири.

Вторая волна миграции пришлась на 40–50-е гг. XIX в. во время так называемых «киселевских» переселений, когда известный реформатор граф П. Д. Киселев разработал программу освоения восточных окраин Российской империи. В это время в Сибирь пришло несколько организованных партий выходцев из Витебской губернии. Переселенцы именовали себя «панцирными боярами». Это была особая прослойка служилых людей, которая сложилась в Великом княжестве Литовском и занимала промежуточное положение между мелкой шляхтой и тяглыми крестьянами. После присоединения Беларуси к России панцирные бояре вошли в состав государственных крестьян.

В 1850–1860-е гг. несколько общин панцирных бояр, проживавших в Невельском и Себежском уездах Витебской губернии, согласились на переезд в Сибирь. При этом по положению, принятому Министерством государственных имуществ, каждый переселенец получал по 15 десятин земли на душу, по 55 рублей пособия и на 8 лет освобождался от всяких

повинностей, что и явилось важнейшим стимулом к переселению. Интересно, что и после полутора столетий жизни в Сибири самоназвание «панцирные бояре» сохранилось в исторической памяти потомков переселенцев.

Наиболее мощные миграционные потоки в Сибирь пришлось на вторую половину XIX в. Реформа 1861 г., освободив крестьян от крепостной зависимости, дала тем самым определенный простор развитию производительных сил, что выразилось также в ускорении демографического роста. Однако к концу XIX в. реформа исчерпала себя политически и экономически. Примерно к 80–90-м гг. XIX в. обнаружилось несоответствие демографического и технико-экономического развития. Дело в том, что в земледелии по-прежнему преобладали экстенсивные способы ведения хозяйства. Форма и структура крестьянского хозяйства были таковы, что к этому периоду были исчерпаны возможности сохи и трехполья.

По расчетам дореволюционных статистиков и экономистов, трехполье могло выдержать примерно 50 человек на квадратном километре полезной площади [2, с. 165]. В Беларуси к этому периоду на такую площадь приходилось 70–80 человек, что свидетельствовало о большой аграрной перенаселенности. На рубеже XIX–XX вв. она составила не менее трети от всего сельского населения Северо-Западного края. Слабое развитие промышленности в белорусских городах не могло поглотить огромную, превышающую 1,5 млн., избыточную армию сельских тружеников.

В таких условиях переселение в другие районы страны, преимущественно в Сибирь, стало явлением неизбежным. Так, за 1885–1906 гг. из северо-западных губерний России переселились в Забайкальскую область, Томскую и Тобольскую губернии 194,2 тыс. человек, почти две трети из них были выходцы из Могилевской и Витебской губерний.

Наиболее мощная волна переселений из белорусских губерний приходится на 1907–1909 гг. Так, за период с 1904 по 1914 г. из пяти западных губерний переселилось 356 378 человек. Из них в течение 1904–1906 гг. выехало 21 012 человек, что составляло 5,9% переселенцев. В то же время за 1907–1909 гг. выехало 248 354 человек, или 69,8% всех переселившихся [4, с. 122].

В 1907 г. переселенческое движение приобрело особенно массовый характер. В частности, газета «Могилевский Вестник» отмечала, что губернию «охватила какая-то переселенческая горячка. Уезжали стар и млад, уезды выбрасывали ежедневно в губернский город сотни переселенцев, и мечта “ў Томск!” сделалась лозунгом всех и всякого» [5].

Переселялась в основном крестьянская беднота. Так, 64% переселенцев имели на родине надел меньше пяти десятин на двор и только 2% имели надел свыше 15 десятин. Переселенцы из Витебской губернии направлялись преимущественно в Енисейскую, Томскую и Тобольскую губернии, а из Минской, кроме того, в Иркутскую, Амурскую, Приморскую, Акмолинскую губернии.

Процесс переселения состоял из нескольких этапов. На первом этапе создавались организованные ходаческие группы, состоящие, как правило, из домохозяев. Ходок мог отправляться не только от имени одной семьи, но и по поручению сельского общества или товарищества. Таким организованным ходокам выдавались на руки переселенческие свидетельства, удостоверяющие их статус и дающие транспортные льготы. Количество ходоков, равно как и количество запросов от сельских обществ, соответствовало числу земельных долей, определяемых Переселенческим управлением в соответствии с проведенным мониторингом свободных и пригодных для заселения территорий.

На втором этапе, в случае договоренностей между ходоком и местной администрацией, на место поселения выезжала семья переселенца или целое крестьянское поселение. При этом и проезд ходока, и перемещение его семьи (в один или оба конца) полностью (впоследствии частично) оплачивались за счет казны.

Был разработан комплекс мер для финансовой поддержки переселенцев. Еще 5 июня 1894 г. вступили в силу «Временные правила о пособиях от правительства нуждающимся семействам переселяющихся». Они пересматривались и дополнялись в 1896, 1899, 1903, 1909 гг. В окончательном виде они составили закон от 19 апреля 1909 г. «О порядке выдачи ссуд на общепользные надобности переселенцев».

В Сибири и на Дальнем Востоке земля отводилась крестьянам-переселенцам в «частное владение на правах постоянного наследственного пользования». Это был шаг к введению здесь частной собственности на землю.

Норма отвода земли в Сибири крестьянам-переселенцам составляла 15 десятин в расчете на одну «мужскую душу». При этом семья получала 35–40 десятин земли. Ей также предоставлялось государством единовременное пособие на обустройство хозяйством в сумме 165 рублей в Сибири и 200 рублей на Дальнем Востоке.

Следует отметить, что в годы Столыпинской реформы качественный состав переселенцев значительно изменился. Если в 70–80-х гг. XIX в., когда переселенческие процессы всячески сдерживались властями, среди мигрантов преоблада-

ли активные элементы, которые «надеялись лишь на себя и на Бога», то когда эти процессы разрешились, «хлынула серая масса, которая всегда ждет милости от начальства» [3, с. 168], т. е. переселялись в основном те, кто не смог перестроить свое традиционное хозяйство дома.

В то же время Сибирь выдвигала свои требования. Как отмечал известный российский либеральный экономист А. Кауфман: «Сибирская тайга не годится для массового переселенца. Он ее боится» [2, с. 166].

В результате переселенцы столкнулись с огромными сложностями. По официальным данным, за 1908 г. по всей России на каждую тысячу переселенцев приходилось 118 человек, погибших от тяжелых условий в пути и на новых местах [4, с. 131]. Итогом всего этого стало массовое обратничество, т. е. возвращение крестьян в родные места. В течение 1907–1914 гг. в Беларусь возвратилось 36 544 человек, или 10,9% всех переселившихся. Наибольшая волна возвращенцев пришлась на 1910–1911 гг., когда в родные места вернулось 13 597 человек, или 37,2% все возвратившихся [4, с. 132]. В качестве главных причин возвращения крестьяне указывали плохие условия климата и нехватку угодий (41% возвращенцев), постоянные неурожаи (15%), нехватку средств для обустройства на новом месте (10%). Остальные заявили, что вернулись временно или по другим причинам [6, с. 92].

И все-таки основная масса переселенцев была вынуждена адаптироваться к новым условиям жизни.

Уже сам по себе процесс переселения белорусских крестьян в Сибирь стал одной из отправных точек в формировании их новой идентичности. Об этом свидетельствует широко распространенное в Сибири название «самоходы», которое применялось для обозначения переселенцев из западных губерний и, прежде всего, из современной Беларуси. В белорусском языке слово «самохад» означает «добровольно, по своему желанию».

Таким образом, самоходами были люди, которые пришли в Сибирь самовольно. Тем самым это была самая мобильная часть переселенцев, которые не побоялись пройти несколько тысяч километров в поисках лучшей доли. В повседневной жизни слово «самоход» часто заменяло определение национальной принадлежности крестьян [7, с. 69].

Это во многом было связано со слабой национальной самоидентификацией белорусского крестьянства, которое на Родине часто употребляло в качестве своего обозначения понятие «тутейший». Этноним «белорус» окончательно закрепился лишь в 20-х гг. XX в. Поэтому у прибывших в Сибирь переселенцев доминировала не

этническая, а региональная (по губернии выхода) самоидентификация. Называть себя белорусами большинство потомков переселенцев начали довольно поздно – в 20–30-х гг. XX в. Наиболее часто осознанию их национальной принадлежности способствовали оставшиеся связи на родине или внешняя национальная идентификация [8, с. 70].

Первые поколения белорусских крестьян, переселившихся на территорию Западной Сибири, имели целый ряд отличий от местного старожильского населения как в материальной, так и в духовной культуре. Данные обстоятельства на протяжении длительного времени поддерживали механизмы этнической самоидентификации белорусов-«самоходов», основанные на принципах инаковости, противопоставления себя местному этнокультурному окружению. Наиболее часто в роли старожильской среды, в которой были вынуждены существовать переселенцы, выступали чалдоны, составлявшие большинство старожилов, и двоеданы (старообрядцы).

Для переселенцев из Беларуси существовало два основных варианта расселения в Сибири. Первоначально группы белорусских переселенцев, прибывшие в Сибирь во второй половине XIX – начале XX в., основывали собственные компактные поселения, образующие кусты деревень или хуторов. На первых порах в них продолжали доминировать традиционная культура и принципы хозяйствования, привнесенные из мест прибытия переселенцев.

Однако в 20–30-х гг. XX в., в результате проведения политики коллективизации, стали создаваться крупные поселки. В них проходили процессы разрушения традиционного жизненного уклада переселенцев, что приводило к размыванию граней их этнокультурной самоидентификации. В результате здесь произошла почти полная ассимиляция потомков белорусских переселенцев [7, с. 70].

Иная ситуация сложилась в местах, которые не охватила волна массовой коллективизации. Вследствие этого в некоторых районах Сибири и Урала сохранились небольшие белорусские деревни, население которых продолжало жить достаточно обособленными общинами, в которых на протяжении нескольких поколений сохранялась высокая степень идентичности, сопровождаемая воспроизводством многих региональных особенностей материальной и духовной культуры, присущих местам выхода предков [8, с. 129].

Второй вариант расселения белорусов предусматривал подселение части переселенцев в деревню, в которой проживало старожильское население. При этом переселенческая община чаще всего продолжала жить автономно,

на протяжении многих лет не интегрируясь в старожильческую среду.

Такая ситуация часто приводила к конфликтам между местным населением и переселенцами. Иногда ситуация доходила до того, что не только деревня, но и кладбище официально делились на две части – «старожильческую» и «самоходную» [8, с. 126].

Безусловно, подобное противостояние старожильческих и новопоселенческих крестьянских общин, основанное на мировоззренческой оппозиции «свой – чужой», не только препятствовало быстрой ассимиляции белорусских переселенцев на новом месте, но и в некоторых случаях даже обуславливало усиление их этнокультурной самоидентификации. Противопоставление себя культуре местных жителей, наряду с окружающими суровыми природно-климатическими условиями, способствовало сплочению приехавших в Сибирь белорусов на разных уровнях общности.

Первым из них являлась система компактного расселения – расположенные в непосредственной близости друг от друга места проживания белорусов, которые вели между собой торговлю, приезжали друг к другу на праздники, с целью сватовства и т. д. Подобные общности местные жители отождествляли со своеобразными национальными анклавами – островками родной культуры.

Ко второму уровню можно отнести поселенческую общину, составляющую либо целое поселение (деревню, село, хутор, поселок), либо его отдельную часть (в случае смешанных поселений); к третьему – семью, род.

Таким образом, переселенцы из Беларуси продолжительное время сохраняли в Сибири свою самобытную духовную и материальную культуру, несмотря на явную, изначально предусмотренную в циркулях чиновников политику русификации. При оформлении документов на переселенцев в пунктах отправления изменялись на русский лад фамилии и имена белорусов. Так, исконно белорусская фамилия Коваль превращалась в Ковалева, Жук – в Жукова, Равенок – в Равенкова, имя Михась – в Михаила, Томаш – в Фому и т. п.

Но вытравить дух самобытности, белорусской народной культуры, древний славянский язык белорусов чиновникам было не под силу. Для этого потребовалось столетие. Духовная культура белорусов-сибиряков в течение XX в. ассимилировалась с местными обычаями и традициями русских и других народов. Появился особый тип современного регионального этноса – сибирский белорус, или, как еще в шутку говорят, «морозоустойчивый белорус».

И по сей день многие из переехавших за Урал не считают себя глубинными сибиряками,

потому что внутренняя связь с европейской историей сохраняется.

Заключение. Таким образом, белорусы внесли значительный вклад в формирование этнического пространства Сибири.

Первоначально, со второй половины XIX в. до 1920-х гг. самоидентификация крестьян, переселявшихся из Беларуси в азиатскую часть России, складывалась стихийно. Благодаря внутреннему характеру миграций переселенцы отождествляли свою родину с Россией. При этом в их идентичности доминировала не этническая, а региональная дифференциация. В Сибири, начав проживать рядом с русским старожильческим населением, белорусские переселенцы получили своеобразный новопоселенческий социокультурный статус, который нашел свое отражение в широком использовании названия «самоход».

Некоторые локальные сообщества переселенцев (такие как «панцирные бояре») привнесли на территорию Сибири самоназвания, отражавшие их сословный или социальный статус. После установления советской власти, в 1920-е гг. начинается новый этап трансформаций этнического самосознания выходцев с территории Беларуси, в котором стали доминировать административно-политические факторы, сопровождавшие процесс белорусизации. По результатам Всесоюзной переписи населения 1926 г. большинство переселенцев уже отождествляло себя с беларусами.

Однако в начале 1930-х гг. в связи с изменениями в национальной политике СССР процесс белорусизации был свернут. В 1930-е гг. такие социально-политические и экономические факторы, как коллективизация и индустриализация, привели к серьезным демографическим изменениям в местах компактного проживания белорусов. В результате все больше потомков белорусских переселенцев начинают отождествлять себя с русскими либо просто не задумываются о своем этническом происхождении.

Только начиная с 1990-х гг. наблюдается рост интереса отдельных профессиональных исследователей и любителей-энтузиастов к истории и традиционной культуре белорусских крестьян-переселенцев как к одному из достойных историко-культурного наследия. На этом фоне у отдельных людей, интересующихся традициями предков, начинает вновь проявляться белорусское самосознание.

В последнее время в его формировании все чаще доминирует не межпоколенная историческая память, а опосредованные источники информации (архивные документы, этнографические описания, публикации в СМИ и Интернете и т. д.).

Литература

1. Кухта С. В. Белорусское переселенческое движение в Сибирь в дореволюционный период: этапы и особенности // Молодежь и наука: сборник материалов VIII Всероссийской научно-технической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, посвященной 155-летию со дня рождения К. Э. Циолковского (12 марта 2012 г.). Красноярск: Сибирский федеральный ун-т, 2012. С. 24–30.
2. Кауфман А. А. Община. Переселение. Статистика. М.: Г. Леман и Б. Плетнев, 1915. 512 с.
3. Верещагин П. Д. Крестьянские переселения из Белоруссии (вторая половина XIX в.). Минск: Наука и техника, 1978. 146 с.
4. Липинский Л. П. Столыпинская аграрная реформа в Белоруссии. Минск: Издательство БГУ, 1978. 221 с.
5. Могилевский вестник, 1913, 10 марта.
6. Дудкоў Д. А. Сталыпінская рэформа ў Віцебскай губерніі. Мінск: Інстытут гісторыі Беларускай акадэміі навук, 1931. 121 с.
7. Федоров Р. Ю., Богордаева А. А. Крестьянские переселения белорусов в Азиатскую Россию: география и мифы идентичности // Ойкумена. 2014. № 3. С. 67–76.
8. Багашев А. Н., Федоров Р. Ю. Особенности этнокультурной идентичности белорусских переселенцев в Западной Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии. 2012. № 3 (51). С. 124–129.

References

1. Kuhta S. V. The Belarusian resettlement movement to Siberia during the pre-revolutionary period: stages and features. *Molodyozh' i nauka: sbornik materialov VIII Vserossiyskoy nauchno-tekhnicheskoy konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchyonikh, posvyashchennoy 155-letiyu so dnya rozhdeniya K. E. Tsiolkovskogo* [Youth and science: The collection of materials of the 8 All-Russian scientific and technical conference of students, graduate students and young people devoted to the 155 anniversary since the birth of K. E. Tsiolkovsky]. Krasnoyarsk, Siberian Federal University, 2012, pp. 24–30 (In Russian).
2. Kaufman A. A. *Obshchina. Pereseleniye. Statistika* [Community. Relocation. Statistic]. Moscow, G. Lehmann and B. Pletnev Publ., 1915. 512 p.
3. Vereshchagin P. D. *Krest'yanskiye pereseleniya iz Belorussii (vtoraya polovina XIX veka)* [Peasant resettlements of Belarus (second half of the 19th century)]. Minsk, Nauka i tekhnika Publ., 1978. 144 p.
4. Lipinski L. P. *Stolypinskaya agrarnaya reforma v Belorussii* [Stolypin agrarian reforms in Belarus]. Minsk, BGU Publ., 1978. 221 p.
5. *Mogilevskiy vestnik* [Mogilev Bulletin], 1913, March 10.
6. Dudkov D. A. *Stalypinskaya reforma u Vitsebskay gubernii* [Stolypin's reform in the Vitebsk province]. Minsk, Institute of History of the Belarusian Academy of Sciences Publ., 1931. 121 p.
7. Fedorov R. Yu., Bogordaeva A. A. Country resettlements of Belarusians to Asian Russia: geography and myths of identity. *Oykumena* [Oykumena], 2014, no. 3, pp. 67–76 (In Russian).
8. Bagashev A. N., Fedorov R. Yu. Features of ethnocultural identity of the Belarusian immigrants in Western Siberia. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archeology, ethnography and anthropology of Eurasia], 2012, no. 3 (51), pp. 124–129 (In Russian).

Информация об авторе

Крючек Петр Степанович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Беларуси и политологии. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: kruchek@belstu.by

Information about the author

Kruchek Peter Stepanovich – PhD (History), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: kruchek@belstu.by

Поступила 25.09.2018

УДК 37.015.3

В. М. Острога

Белорусский государственный технологический университет

**ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ В УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ БЕЛАРУСИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.:
УЧИТЕЛЯ И УЧЕНИКИ**

Исторический опыт показывает, что главной фигурой народного образования всегда был учитель. В статье подчеркивается, что от него зависело не только качество обучения и уровень знаний учащихся, но и степень культурного влияния школы на социальную среду. Отсюда возникает необходимость изучения тех условий, в которых осуществлялась его педагогическая деятельность. Особого внимания при характеристике повседневной жизни учителей заслуживают проблемы формирования педагогической коммуникации: установление межличностных отношений учителей с учебным начальством (директорами, инспекторами), друг с другом в рамках учительской корпорации и с учениками. На основе источников личного происхождения, а также архивных документов проанализированы и раскрыты проблемы формирования педагогического коллектива, становления норм общения учителей в стенах учебных заведений и вне школы, влияние личности учителя на становление ценностных ориентаций молодого поколения.

Ключевые слова: педагогическая коммуникация, учебное заведение, педагогический коллектив, директор, инспектор, учительская интеллигенция, педагогическая корпорация.

V. M. Ostroga

Belarusian State Technological University

**PEDAGOGICAL COMMUNICATION IN THE EDUCATIONAL ESTABLISHMENTS
OF BELARUS IN THE SECOND HALF OF 19TH – EARLY 20TH CENTURIES:
TEACHERS AND STUDENTS**

Historical experience shows that the main figure of public education has always been a teacher. The article emphasizes that it depended not only on the quality of education and the level of knowledge of students, but also the degree of cultural influence of the school on the social environment. Hence, there is a need to study the conditions in which his pedagogical activity was carried out. Special attention in describing the daily lives of teachers deserve problems of formation of pedagogical communication: the establishment of interpersonal relations of teachers with the educational authorities (directors, inspectors), with each other in the framework of the teachers' corporation and with students. On the basis of sources of personal origin, as well as archival documents analyzed and disclosed the problems of formation of the teaching staff, the formation of standards of communication of teachers in schools and out of school, the influence of the personality of the teacher on the formation of value orientations of the younger generation.

Key words: pedagogical communication, educational institution, pedagogical collective, director, inspector, teachers' intelligentsia, pedagogical corporation

Введение. В конце XIX – начале XX в. на фоне общественно-политического движения проблемы развития народного образования приобретают особую остроту. Без демократического реформирования всей системы просвещения, предоставления педагогу самостоятельности, возможности проявить свою творческую инициативу, избавления школы и учителя от жесткой регламентации немисливо было дальнейшее движение вперед. Консервативная направленность образовательной политики Российского государства сводилась к стремлению обеспечить социальную стабильность через сохранение старой школы и монополию на образование за господствующими слоями общества. Начальную и среднюю школу состав-

ляло большинство учебных заведений, имевших различную ведомственную принадлежность. Большинство из них относилось к Министерству народного просвещения. Эффективность труда и достижение поставленных целей во многом зависели от грамотного решения кадрового вопроса, профессиональной компетентности педагогов и слаженной работы всего коллектива. Условия труда и повседневной жизни учителей низших и средних учебных заведений имели существенные отличия. Но всех передовых педагогов объединяло желание избавиться от формализма и деспотизма в учебно-образовательном процессе, наладить деловую и личную коммуникацию на началах гуманизма, уважения и взаимопонимания.

Основная часть. Согласно законодательству, начальниками гимназий и реальных училищ являлись директора, которым подчинялись все служащие в гимназии лица. На них лежала полная ответственность «по всем частям благоустройства заведения»: надзор за ходом учебно-воспитательного процесса, хозяйственной частью, а также за точным исполнением всех постановлений и распоряжений учебного руководства Виленского учебного округа. Во главе прогимназий стояли инспектора. В казенных женских гимназиях общее руководство учебно-воспитательной частью осуществляли председатели педагогических советов (как правило, директора местных мужских гимназий), а текущее – начальницы гимназий. Разумеется, эффективное выполнение функциональных обязанностей руководителями учебных заведений предполагало наличие у них самих самых широких компетенций: не только высокого уровня научно-теоретической и методической подготовки, педагогического опыта и стажа в системе образования, но и высоких личных, человеческих качеств, внутренней культуры, умения найти контакт с подчиненными и наладить с ними хорошие деловые отношения. Именно руководители средних школ формировали педагогические коллективы, тем самым создавая тот морально-психологический климат учительской корпорации, который должен был способствовать успешной деятельности вверенных им учебных заведений. Различные интриги и конфликты негативно сказывались на внутренней обстановке учебных заведений и результатах труда учителей.

Как видно из отчета о состоянии Полоцкой женской гимназии за 1911 г., директор гимназии действительный статский советник Еленев А. С. руководил работой слаженного педагогического коллектива, в котором «все преподаватели и преподавательницы исполняют обязанности в высшей степени аккуратно, тщательно и добросовестно, с полным сознанием важности требований служебного долга». Очень высоко он ценил личные и профессиональные качества преподавательницы русского языка и истории в старших классах О. Лавровой, которую, «несмотря на недавнее поступление на службу», выделяли «хорошие и разнообразные познания, любовь к делу и видимая работа над собой» и делали ее уроки «очень живыми и увлекательными для учениц». К «талантливым педагогам» он причислял и В. Мягкову, преподавательницу русского языка в младших классах, способную наладить «дружную и оживленную работу, полную содержания и увлекательности». «Трудолюбием, аккуратностью и пунктуальностью во всех делах» отличалась трудовая деятель-

ность в гимназии преподавательницы географии и космографии В. Морель, которая, «достигнув обширных познаний» в своем предмете, смогла заслужить не только высокую оценку и авторитет среди подопечных, но и так заинтересовать учениц 8-го педагогического класса, что более половины из них «избрали своей специальностью географию» [1, л. 1–2].

По утверждению учителя Д. Семенова, «педагогический персонал Витебской гимназии в свое время славился далеко за пределами Витебской губернии. Таким составом преподавателей могла бы гордиться любая из столичных гимназий»: директор А. А. Бернгоф, священник Заблоцкий и учителя Л. И. Лебедев, Бржезинский, Кузьмин, Р. Паппериц и др. И учителя, и ученики любили и уважали директора, хотя от коллектива от держался на разумном расстоянии: «дома никого не принимал и сам ни у кого не бывал, кроме праздничных визитов к генерал-губернатору, губернатору и архиерею, что он считал служебным долгом» [2, с. 50–51]. Несомненно, и сами преподаватели опасались споров и конфликтов с директором, старались четко выполнять все указания и поручения, не противоречить ему и тем самым не портить установившихся деловых отношений. Это могло как негативно отразиться на объеме учебной нагрузки и, следовательно, на размере жалования, так и выразиться в постоянных придирках и недовольстве работой «учащего» со всеми вытекающими последствиями.

В штатном расписании средних учебных заведений была ставка инспектора. На эту должность избирались «лица, приобретшие ученую степень в одном из высших учебных заведений Империи и обратившие на себя внимание службою по учебной части ведомства Министерства Народного Просвещения». Он являлся помощником директора по учебной и воспитательной части, а в случае отсутствия директора инспектору полностью переходили его функции. В прогимназии он пользовался всеми правами директора и подчинялся непосредственно попечителю Виленского учебного округа. В мемуарной литературе сохранились очень противоречивые оценки деятельности инспектора. Большинство авторов характеризуют отношения инспектора к учителям-сослуживцам как «натянутые и мало искренние». Объяснялось это, с одной стороны, тем, что каждый «выслужившийся» до инспекторской должности преподаватель считал себя, как чиновник, чином выше остальных сослуживцев, поэтому дистанцировался и неохотно смешивался с той самой средой, из которой только что вышел и сам. С другой стороны, и сами учителя смотрели на инспекторов как «на выскочек по службе, то с завистью, то с некото-

рой долей пренебрежения, смотря потому, как относился тот или другой преподаватель к вопросу о служебной карьере». В своей личной жизни инспектора также держались несколько особняком от остальной «учительской братии» и «заводили знакомство домами только с директором, законоучителем, иногда с кем-либо из заслуженных преподавателей». Такое «мелкое чиновничье чванство», практически неизбежное во всякой узкозамкнутой общественной группе, не лучшим образом отражалось на всем характере взаимных отношений между директором, инспектором и рядовыми учителями [3, с. 23].

К концу 1866 г. каждая губерния Виленского учебного округа имела свою Дирекцию народных училищ, которая заведовала всеми начальными народными школами. При них также создавались училищные советы, в состав которых входили и инспекторы. В конце XIX в. в округе работал 21 инспектор, а в 1907 г. их количество увеличилось до 36. Как отмечал известный педагог Н. А. Корф, инспектор по настоящему являлся важной фигурой, которая могла влиять на улучшение или ухудшение состава учительского корпуса, на выбор методов и приемов обучения и воспитания, даже на количество школ и численность учащихся. Поэтому его деятельность нельзя рассматривать односторонне и видеть исключительно отрицательные черты. Во многом их решения положительно влияли на развитие начального народного образования. Иногда в школу попадали лица с низкими профессиональными способностями, даже вредными привычками. Так, инспектор Минской дирекции А. Нахаров, которого высоко ценили как ответственного человека, в 1883 г. подготовил записку-заявление на заседание училищного совета. Неуков и некомпетентных людей он называл «дурными учителями» и потребовал не переводить их из одного училища в другое, от одного инспектора к другому, а увольнять из школы [4, л. 138]. Инспекторы ставили в пример старательных и квалифицированных учителей. Например, А. Шахо, делая ревизию в 1908 г. боярского и Бабаровского училищ Витебской губернии, высоко оценил работу А. Савченко и М. Тамковского, которые отличались «умственным развитием и педагогическим опытом» и старались «поставить учебно-воспитательное дело на нужную высоту, от их нельзя большего требовать» [5, л. 6, 48].

«В восторге» от наблюдателя (инспектора) был в свое время и учитель церковно-приходской школы Н. Реморов, который отмечал: «В нем, прежде всего, я нашел не строгого ревизора, а опытного, понимающего школьное дело руководителя; не гордого начальника, свысока смотрящего на бедного сельского дья-

кона-учителя, а на товарища и друга, готового от всего сердца помочь мне в школьных трудах своим опытом и добрыми советами. Такого педагога и руководителя мне не приходилось даже и встречать в течение всего многолетнего учительства» [6, с. 56]. Инспектора составляли списки «толковых» учителей на премирование, ставили их в пример на заседаниях училищных советов, переводили их в более перспективные училища, а также во время ревизии давали указания волосным правлениям по поводу улучшения состояния зданий училищ, квартир для учителей и др.

Но практически все учителя воспринимали визит ревизующего «как начальства, которое является для расследования, нет ли каких недосмотров, и для взысканий с виновных» [7, с. 198]. Очень красноречиво визит инспектора в училище описывал Я. Колос – в начале XX в. учитель одного из народных училищ Пинщины: «Инспектор вошел, как царь: важный, строгий, и с таким выражением, словно он держал в руках вожжи, чтобы не разбилась, испугавшись, земля, на которой мы живем. На лице его была необыкновенная забота, мысли его были так сильно заняты таким важным делом, что у него даже не было времени посмотреть на того, кому он давал руку» [8, с. 171]. Многие учителя боялись и не любили инспекторов, сообщали в дирекции, что их труд оценен необъективно, как, например, А. Самчука из Доброславской школы Пинского уезда: «инспектор старается вредить в служебных моих делах ложными доносами» [9, л. 929]. Инспекторы, руководствуясь «Инструкцией», во многом выполняли функции надсмотрщика и контроля. В их деятельности и поведении нередко встречались перегибы и ошибки, но в тех условиях альтернативы этому институту царское правительство не видело.

Весьма противоречиво выстраивалась педагогическая коммуникация между «учащими» как начальной, так и средней школы. Основанные на взаимном уважении, доверии и поддержке отношения в коллективе содействовали сплочению педагогической корпорации, помогали эффективно реализовывать поставленные учебно-воспитательные задачи. С другой стороны, недоверие, заносчивость, «сплетни» в учительской среде расшатывали деловую атмосферу, делали ее формальной и «холодной».

Но жизнь учителей не ограничивалась только выполнением служебных обязанностей в школе. В повседневности педагогов как городских, так и сельских учебных заведений вставала проблема досуга и личной жизни. Учителя имели самые разнообразные привычки, интересы, увлечения, круг своих друзей и знакомых. Следует отметить, что тесное общение педаго-

гов, особенно вне школы, не приветствовалось руководством округа. На проведение таких «сборищ», особенно в период нарастания революционной активности в общественной среде, были наложены негласные ограничения. Даже дружба между учителями соседних деревень вызывала подозрения начальства, и замеченные в близких отношениях «разводились» по отдаленным друг от друга школам, хотя и так обычное расстояние между сельскими школами составляло 20–40 километров.

Трудной и скучной была жизнь учителей в глухих деревнях. Они вынуждено мирились с материальными условиями своей жизни, но вставал вопрос духовного, особенно для человека одинокого, оторванного от «образованного мира», к которому принадлежал и учитель. Обычно бюджет не позволял купить необходимую книгу, выписать газету или журнал, поехать на летние педагогические курсы. Обывательская жизнь уездной интеллигенции «с картами и пересудами» мало могла дать пищи для духовного развития сельского учителя. Поэтому «вполне соответствующей стихией» для педагогов становилось общество их коллег из соседних школ. Их объединяла общность профессии, однородность полученного образования, а часто и одинаковый возраст – молодость. Товарищеские вечера с долгими чаепитиями, вечеринки, на которых они делились мыслями о своей учительской жизни, о школе и преподавании, «были настоящими праздниками в монотонной, одинокой жизни; через них утверждалось обнадружающее сознание, что ты не сирота в своей тяжелой работе, что есть много людей, которые живут теми же интересами и работают во имя тех же целей» [10, с. 26].

В процессе общения складывались дружеские отношения, наблюдалось позитивное влияние педагогов друг на друга. Сельский учитель С. Клода вспоминал «беседы на разные темы» с учительницей Софьей Ивановной, которые проходили с огромной пользой для него и друга-учителя Николая. «Девушка была, к нашему стыду, начитаннее нас, вращалась в хорошем обществе, и мы не мало позаимствовали у ней. Даже в деле педагогическом теоретические познания ее шли дальше наших, и мы с удовольствием, краснея от стыда и зависти, слушали ее цитаты из корифеев всемирной педагогики». Влияние учительницы положительно сказалось и на внешнем виде юношей: два раза в неделю они проводили «генеральную чистку своего костюма», обзавелись утюгом и тщательно разглаживали «горьковские» рубахи, думали приобрести «полный человеческий гардероб». У них «появилась платяная щетка, душистое мыло и даже фиксатуар», чтобы красиво укладывать «непокорные вихры» [11, с. 334].

Вместе с тем в учительской среде встречались и конфликты, которые оказывали губительное влияние на общий микроклимат педагогических коллективов. Так, учитель Е. В. Белявский с негодованием вспоминает известного собирателя «великорусских и белорусских песен», «кочевавшего из одной гимназии в другую учителя русского языка» П. В. Шейна. Он работал во многих низших, а потом средних учебных заведениях, в том числе и в Витебской мужской гимназии. И «везде замечал в учителях и начальстве вольномыслие, разврат и пьянство», причем «он считал долгом доносить об этом высшему начальству, и везде, к его удовольствию, изгоняли из школ виноватых, но и ему оставаться оказывалось не совсем удобным». Однажды в такой конфликт вынужден был вмешаться губернатор, ставший на защиту директора гимназии и всего педагогического коллектива. Он обратился к министру народного просвещения с просьбой об удалении Шейна из гимназии и из города. Е. В. Белявский в этой связи пишет: «Как я ни уважал и не ценил энергичную, самоотверженную деятельность Шейна по части собирания памятников русского народного творчества... но я более не желал его видеть» [12, с. 65–66]. Иногда конфликты провоцировала ревность и зависть, что свидетельствовало о соответствующих личных качествах педагогов: «в силу воспитания» игнорировались элементарные правила этикета и межличностного общения. Так, сельская учительница Е. С. сетовала, что ее коллега-учитель не мог «примириться с мыслями, что меня любят больше, чем его», зовут и кланяются и дети, и их родители, а его, педагога с 15-летним стажем, и «знать никто не хочет, шапки... не ломает», поэтому учитель «везде, где только можно, старался очернить и вооружить» против нее местное население. Эта клевета распространялась и «отравила много светлых минут, не мало принесла горя» [13, с. 41]. Возможно, многое в мемуарах и воспоминаниях было преувеличено в силу субъективности мнения и других факторов, но все же подобные ситуации встречались в жизни учебных заведений.

Закономерно встает вопрос о взаимоотношениях между учителями и учащимися. В 1871 г. попечитель Виленского учебного округа издал для народных учителей специальную инструкцию. Она состояла из общих правил, которые должен был выполнять учитель в процессе обучения. Кроме учебно-организационных вопросов, педагог решал и воспитательные задачи: он должен был поддерживать порядок и дисциплину среди учеников, приучать их к чистоте и опрятности, учить бережливости, наблюдать за учениками в общих квартирах

при училище. Учитель мог руководствоваться только моральными средствами: замечаниями и выговорами, официально использовать телесные наказания запрещалось.

По-разному относились к учителям и дети. Особого внимания в этой связи заслуживают отзывы самих учеников о своих учителях. Сельский учитель П. Вересов с ужасом вспоминал о своем первом учителе школы грамоты, которого «кормили и одевали понедельно наши родители». Он «сидел в заднем углу избы и обыкновенно плел и берестяные лапти на продажу. Подле него на лавке лежала довольно длинная берестяная плетка – указчица и вдохновительница наша, в случае надобности возбуждавшая наше внимание к мудрой науке. ... Все ученики с первого же дня почувствовали полное отвращение к азбуке и учителю. Меня ныне удивляет, каким образом мы, будучи восьмилетними и девятилетними детьми, могли вынести пытку, которой нас подвергали» [14, с. 51]. Деревенская семья, занятая тяжелым сельскохозяйственным трудом, «мало вмешивалась во внутреннюю жизнь ребенка», его интересы и потребности, и вполне допустимыми считала такие жестокие «средства воспитания».

Но совершенно иным был молодой учитель И. И. Ильин, работавший в Васильевской школе в 1890-е гг. Он «принес в школу новые настроения, свободнее вздохнули ученики. Он не ставил ребят на колени... стремился расширить убогую школьную программу. Жадно слушали школьники его рассказы по географии, естествознанию и истории. Иван Ильич прекрасно играл на скрипке... и вместо псалмов он начал разучивать с ребятами народные песни» [15, с. 5]. «Учащий», который «собственной образцовой жизнью» заслужил в глазах детей авторитет и уважение, становился примером для подражания. Такой характеристике мог и может позавидовать любой педагог: «Учитель нашей школы на развитие нравственных моих чувств повлиял устойчивостью и силою своего характера, образцом, достойным подражания, своею добротою, вдохновением детей к честности и добру, желанием что-либо сделать доброе в жизни, развитием у нас привычки к упорному и тяжелому труду и, наконец, обучением детей быть всегда справедливыми во всяком деле» [16, с. 25]. «Учителя по призванию» всегда были окружены детьми, которые в общении с педагогом чувствовали себя спокойно и свободно, с воодушевлением и интересом подхватывали любую новую идею, с радостью брались за работу, которая приносила нужный результат.

В мемуарах и воспоминаниях учителей XIX – начала XX в. звучит много критики в сторону

средней школы, в которой царили формализм и зубрежка. Введение классической системы образования создало атмосферу определенной враждебности и отчуждения между обществом и школой. Руководство гимназий в первую очередь были озабочены сохранением порядка и спокойствия в учебных заведениях, строгим и неукоснительным выполнением всех предписаний и правил. В литературе подчеркивается, что часто «родители смотрели на педагогов как на врагов своих детей, избегали с ними сношений». Так, в отношении одного из учеников Виленской гимназии А. Золотницкого, «дозволившему себе дерзкую выходку против учителя», в качестве наказания применено было исключение с правом поступления в другое учебное заведение «при условии предварительного подвержения его отцом телесному наказанию» [17, с. 139].

И было не удивительно, что в памяти многих учеников оставались негативные воспоминания о годах учебы, несправедливые обиды, причиненные их бывшими учителями, бесконечные взыскания, зафиксированные в кандуитных журналах, сухость и бездушие в отношениях. Один из учеников именно такими запомнил своих «учащих»: «Все лица были таковы, что по их физиономиям можно было думать, что они всю жизнь проводят в испытании неприятных впечатлений... Один кажется злым, другой желчным, третий чистейшим чиновником, четвертый мизантропом, пятый скептиком и т. д. Боже мой, думал я, глядя на эти лица, неужели эти преждевременные складки и морщины, эти признаки желчи, эти не знающие доброй улыбки губы, эти усталые и наскученные глаза – неужели все это добыто сношениями известного периода их жизни, лучшего, с детьми, с юношами, с молодежью» [18, с. 123]. В средней школе редко встречалось такое явление, как «учитель-друг». Но жесткость и безразличие не всегда проявлялись только как личный недостаток педагога. В рамках той системы часто даже самые искренние желания учителя внести сердечность и теплоту в отношения с учениками-гимназистами, быть для них «пастырем добрым», а не «наемником» и надзирателем, разбивались о глухую стену формализма и четко установленных предписаний.

Ученики мечтали о достаточно близких и неофициальных отношениях, чтобы «видеть в учителе не строгого дядьку, а скорее старшего брата или друга, у которого можно найти сильный ответ на все волнующее молодые души», чтобы в школе учителями были «живые люди, признающие человеческое достоинство и в учащихся» [19, с. 153]. И, безусловно, реальные шаги в этом направлении были сделаны. Например, в начале XX в. «отличительной осо-

бенностью» системы воспитания Бобруйской прогимназии явилось «стремление устранить наложение наказания на учеников, пользоваться в широких размерах разъяснениями проступков учеников и убеждением их поступать хорошо, вообще, более сердечное отношение к ученикам». Такое отношение воспитательного персонала к ученикам уменьшило количество проступков учеников в сравнении с предшествующими годами в два раза [20, л. 163].

Показателен еще один пример. Особое место в истории Слуцкой гимназии занимает деятельность скромного учителя-подвижника М. Д. Протопопова. В 1864–1888 гг. он работал сначала учителем, а потом инспектором гимназии. Он оказывал материальную поддержку детям из бедных семей и оплачивал им учебу сначала в гимназии, а потом в университетах России. Об этом прекрасном педагоге сохранились самые теплые воспоминания как учителей, так и учащихся. Благодарные ученики установили в Слуцке памятник (заказанный специально в Петербурге) своему учителю с надписью: «Подвигом была твоя деятельность. Учителю-человеку» [21, с. 51].

Заключение. Таким образом, правильному и успешному функционированию учебных за-

ведений Беларуси второй половины XIX – начала XX в. во многом способствовали не только четко организованный учебно-воспитательный процесс и профессионально подготовленные педагогические кадры, но и внутренняя морально-психологическая атмосфера, которая заполняла все пространство школы. Она могла быть как формальной, лишенной душевности и гуманизма, так и достаточно теплой, наполненной уважением и дружескими отношениями. Статус и авторитет учителя зависели как от уровня его теоретических познаний и оригинальности методики преподавания, так и от гуманного отношения к своим коллегам и подопечным, отзывчивости и понимания. Молодежь, обладающая своеобразной возрастной чуткостью, всегда могла отличить прогрессивного педагога от «человека в футляре». Немалую роль в этом играл личный пример учителя, богатство его духовного мира, высокая нравственность и жизненная позиция, инициативность и способность мыслить творчески. Неформальное повседневное общение учителей со своими учениками играло большую роль в формировании жизненных установок и личностных качеств подрастающего поколения – будущего своей страны.

Литература

1. НИАБ. Ф. 2416. Оп. 1. Д. 7.
2. Семенов Д. Из школьных воспоминаний старого педагога // Русская школа. 1890. № 9. С. 42–54.
3. Белозерский Н. Записки учителя. СПб.: Изд-во М. В. Пирожкова, 1905. 185 с.
4. НИАБ. Ф. 458. Оп. 1. Д. 62.
5. НИАБ. Ф. 2507. Оп. 1. Д. 1674.
6. Реморов Н. На ниве народной. Воспоминания, наблюдения и заметки школьного учителя. СПб.: Вера и Знание, 1906. 119 с.
7. Корф Н. А. Об инспекции народных училищ // Антология по истории педагогики в России (первая половина XX века) / сост.: А. В. Овчинников, Л. Н. Беленчук, С. В. Лыков. М.: Педагогика, 1990. С. 198–202.
8. Тарас Гушча (Якуб Колас). У палескай глушы. Мінск: Беларускае дзяржаўнае выдавецтва, 1928. 183 с.
9. НИАБ. Ф. 458. Оп. 1. Д. 107.
10. Латышева Е. Полтора года учительства // Русский начальный учитель. 1909. № 1. С. 24–30.
11. Клода С. Странички прошлого (Из жизни учительства 1900-х годов) // Педагогический листок. 1914. Кн. 5. С. 325–337.
12. Белявский Е. В. Педагогические воспоминания. М.: Изд-во ред. журнала «Вестник воспитания», 1905. 249 с.
13. Е. С. Воспоминания сельской учительницы // Русская школа. 1902. № 5. С. 30–41.
14. Вересов П. Из тридцатилетней жизни сельского учителя // Русская школа. 1904. № 5/6. С. 51–74.
15. Розова С. Полвека в школе. М.: Молодая гвардия, 1954. 64 с.
16. Лубенец Т. Народные учителя // Русская школа. 1912. № 3. С. 24–36.
17. Серебрянов М. В. Исторический очерк столетнего существования Виленской 1-й гимназии (1803–1903). Вильна: Тип. А. Г. Сыркина, 1903. 191 с.
18. Андреев Ю. К вопросу о положении педагогов нашей средней школы // Русская школа. 1900. № 1. С. 113–123.
19. Алешинцев И. Хорошие и плохие учителя, по мнению учащихся в средней школе // Русская школа. 1907. № 3. С. 143–155.

20. НИАБ. Ф. 476. Оп. 1. Д. 61.

21. Родчанка Р. В. Старэйшая школа Беларусі. Мінск: Народная асвета, 1985. 76 с.

References

1. NHARB. Fund 2416. I. 1. F. 7.
2. Semenov D. From the school memories of the old teacher. *Russkaya shkola* [Russian school], 1890, no. 9, pp. 42–54 (In Russian).
3. Belozerskiy N. *Zapiski uchitelya* [Teacher's notes]. St. Petersburg, M. V. Pirozhkov's Publishing House, 1905. 185 p.
4. NHARB. Fund 458. I. 1. F. 62.
5. NHARB. Fund 2507. I. 1. F. 1674.
6. Remorov N. *Na nive narodnoy. Vospominaniya, nablyudeniya i zametki shkol'nogo uchitelya* [In the field of folk. Memories, observations and notes of the schoolteacher]. St. Petersburg, Vera i Znanie Publ., 1906. 119 p.
7. Korf N. A. On the inspection of folk schools. *Antologiya po istorii pedagogiki v Rossii (pervaya polovina XX veka)* [Anthology on the history of pedagogy in Russia (first half of the twentieth century)]. Moscow, Pedagogika Publ., 1990, pp. 198–202 (In Russian).
8. Taras Gushcha (Yakub Kolas). *U paleskay glushy* [At the Palesque]. Minsk, Belaruskaye dzyarzhavnaye vydavetstva Publ., 1928. 183 p.
9. NHARB. Fund 458. I. 1. F. 107.
10. Latysheva E. Eighteen months of teaching. *Russkiy nachal'nyy uchitel'* [Russian initial teacher], 1909, no. 1, pp. 24–30 (In Russian).
11. Kloda S. Pages of the past (From the life of teaching in the 1900s). *Pedagogicheskiy listok* [Pedagogical paper], 1914, vol. 5, pp. 325–337 (In Russian).
12. Belyavskiy E. V. *Pedagogicheskiye vospominaniya* [Educational memories]. Moscow, Vestnik vospitaniya Publ., 1905. 249 p.
13. E. S. Memories of a rural teacher. *Russkaya shkola* [Russian school], 1902, no. 5, pp. 30–41 (In Russian).
14. Veresov P. From the thirty-year life of a village teacher. *Russkaya shkola* [Russian school], 1904, no. 5/6, pp. 51–74 (In Russian).
15. Rozova S. *Polveka v shkole* [Half a century at school]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1954. 64 p.
16. Lubenets T. People's teachers. *Russkaya shkola* [Russian school], 1912, no. 3, pp. 24–36 (In Russian).
17. Serebryanov M. V. *Istoricheskij ocherk stoletnego sushchestvovaniya Vilenskoy 1-y gimnazii (1803–1903)* [A historical sketch of the centenary existence of the Vilenskaya 1st Gymnasium (1803–1903)]. Vilna, A. G. Syrkin's Publishing House, 1903. 191 p.
18. Andreyev Yu. On the situation of teachers of our secondary school. *Russkaya shkola* [Russian school], 1900, no. 1, pp. 113–123 (In Russian).
19. Aleshintsev I. Good and bad teachers, according to students in secondary school. *Russkaya shkola* [Russian school], 1907, no. 3, pp. 143–155 (In Russian).
20. NHARB. Fund 476. I. 1. F. 61.
21. Rodchanka R. V. *Stareyshaya shkola Belarusi* [The oldest school in Belarus]. Minsk, Narodnaya aсветa Publ., 1985. 76 p.

Информация об авторе

Острога Валентина Михайловна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Беларуси и политологии. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: ostroha@belstu.by

Information about the author

Ostroga Valentina Mikhailovna – PhD (History), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: ostroha@belstu.by

Поступила 03.09.2018

УДК 355.123(4БЕИ)

У. В. Ляхоўскі

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт

**НАСТУПСТВЫ ПЕРШАЙ СУСВЕТНАЙ ВАЙНЫ (1914–1917 ГГ.)
ДЛЯ ПРАМЫСЛОВАСЦІ І СЕЛЬСКОЙ ГАСПАДАРКІ МІНСКАЙ ГУБЕРНІ**

У дадзеным артыкуле на падставе новых архіўных дакументаў, а таксама статыстычных матэрыялаў беларускіх эканамістаў пачатку 1920-х гг. прааналізаваны наступствы Першай сусветнай вайны для эканомікі Мінскай губерні. Падрабязна разгледжаны ўплыў на прамысловасць і сельскую гаспадарку Міншчыны масавай мабілізацыі мужчынскага насельніцтва ў царскую армію, эвакуацыйнай палітыкі расійскага ўрада, пераходу мясцовай прамысловасці на патрэбы войска і ваенную вытворчасць, а таксама ўвядзення «сухога закону».

Ключавыя словы: Першая сусветная вайна, Мінская губерня, прамысловасць, сельская гаспадарка, мабілізацыя, ваенныя заказы, «сухі закон», эвакуацыя, бежанства, рэквізіцыя.

U. V. Lakhouski

Belarusian State University

**EFFECTS OF THE FIRST WORLD WAR (1914–1917) FOR INDUSTRY
AND AGRICULTURE OF MINSK PROVINCE**

In this article, based on new archival materials, as well as statistical materials of Belarusian economists of the early 1920s. The multifactorial consequences of the First World War on the economy of Minsk province are analyzed. The impact on industry and agriculture of the Ministry of Mass Mobilization of the male population in the tsarist army, the evacuation policy of the Russian government, the transfer of local industry to the needs of the army and military production, as well as the introduction of a “Dry law”.

Key words: First World War, Minsk Province, industry, agriculture, mobilization, military orders, the dry law, evacuation, refugee, requisition.

Уводзіны. Без уліку ўздзеяння Першай сусветнай вайны на палітыку, эканоміку, культуру, духоўную і сацыяльна-псіхалагічную сферы жыцця грамадства нельга ў поўнай меры зразумець многія феномены мінулага стагоддзя – рэвалюцыі, узнікненне новых уладных рэжымаў і ідэалогій, новай масавай свядомасці. І калі раней прыярытэтамі пры яе вывучэнні з’яўляліся найперш разгляд баявых дзеянняў, асвятленне міжнародных адносін супрацьлеглых ваенных блокаў, то ў апошнія гады даследчыкі больш увагі сталі надаваць больш шырокай праблематыцы «вайна і грамадства». Пытанні сацыяльна-эканамічнага жыцця Беларусі падчас «Вялікай вайны» ў рамках названай тэмы, на наш погляд, па-ранейшаму застаюцца недастаткова вывучанымі.

Асноўная частка. Ацэньваючы эканамічнае развіццё Беларусі ў канцы XIX – пачатку XX ст., варта сказаць, што ў гэты перыяд назіраўся ўстойлівы рост мясцовай эканомікі. Згодна наяўнай статыстыцы, гэты рост у Паўночна-Заходнім краі ў 1909 г. ў параўнанні з 1903 г. склаў 61,7%. Штогод гэты рост меў у сярэднім дынаміку ў 7% [1]. Нягледзячы на захаванне аграрнага характару краёвай гаспадаркі, быў заўважаны істотны рост мясцовай прамысловасці, а таксама актыўнае развіццё транспартнай і гарадской інфраструктуры, новых сродкаў

сувязі (тэлефона і тэлеграфа). Разам з тым варта адзначыць, што аснову прамысловасці беларускіх губерняў складалі не буйныя, а невялікія прадпрыемствы, звязаныя з перапрацоўкай сельскагаспадарчай прадукцыі, лясных і мінеральных рэсурсаў (вытворчасць спірту, цукру, крухмалу, запалак, паперы, будаўнічых матэрыялаў, шкляных, гарбарных вырабаў ды г. д.). Эканамічны «бум» амаль не закрануў машынабудаванне, металургічную і тэкстыльную вытворчасць [2, с. 203].

«Вялікая вайна» рэзка пагоршыла эканамічнае становішча краю. Да гэтага часу дакладна не падлічаны панесеныя Беларуссю дэмаграфічныя і эканамічныя страты падчас гэтага глабальнага канфлікту. На яе тэрыторыі адбываліся жорсткія баявыя дзеянні, якія прынеслі велізарныя чалавечыя ахвяры і разбурэнні. У навуковай літаратуры называецца лічба ў 100 тысяч чалавек – ураджэнцаў Беларусі, прызначаных у царскае войска і загінуўшых на франтах той «забытай» вайны. Колькасць жа грамадзянскага насельніцтва, памерлага ад холаду, голаду і хвароб, ацэньваецца на парадак больш [3].

У гэты час істотна змяніўся полаўзроставы склад насельніцтва з-за масавай мабілізацыі мужчын прызыўнага ўзросту ў царскае войска, а таксама з-за эвакуацыі значнай часткі працаздольнага насельніцтва на ўсход. У сувязі з

гэтым зменшылася доля працаздольных мужчын (пасля 16 гадоў), як у агульным складзе насельніцтва, так і ў прапарцыянальных суадносінах да жанчын дадзенай узроставай групы.

Ужо ў першы год вайны, яшчэ да таго, як Беларусь апынулася ў зоне баявых дзеянняў, многія мясцовыя прадпрыемствы спынілі сваю вытворчасць з-за сваёй набліжанасці да раёна баявых дзеянняў ці з-за эканамічных цяжкасцей, звязаных з пастаўкамі сыравіны, адсутнасцю неабходных працаўнікоў, а таксама з транспартнымі праблемамі.

Пасля ўвядзення «сухога закону», які забараніў выраб на продаж спірту і алкагольнай прадукцыі, у жніўні 1914 г. спынілі сваю вытворчасць усе мясцовыя бровары. Толькі ў межах Мінскай губерні да пачатку 1915 г. з 521 мясцовага прадпрыемства не функцыянавала каля 220, з якіх 172 з'яўляліся вінакурнымі броварамі і спіртарэактыфікацыйнымі заводамі, 16 – лесапільнымі і дрэваапрацоўчымі, 3 – вадзянымі млынамі, 7 – фабрыкамі па вытворчасці крухмалу, 3 – па вытворчасці шкла, 3 – цаглянымі заводамі і яшчэ 16 рознага профілю. Адначасова былі разабраны і вывезены каля 30 ламаблёй, звыш 200 паравых катлоў, звыш 180 паравых машын, бензінавых і газавых рухавікоў, больш за 600 розных відаў помпаў, каля 40 дынама-машын і электраматораў, звыш 50 лесапільных рам і механічных станкоў па дрэву, каля 500 розных станкоў і прылад па апрацоўцы металу, звыш 2 тысяч розных механічных інструментаў і прыстасаванняў, каля 300 ваганетак ды іншага абсталявання.

Улетку 1915 г. падчас «вялікага адступлення» расійскай арміі было вывезена за межы Беларусі абсталяванне дзясяткаў заводаў і фабрык разам з тысячамі кваліфікаваных спецыялістаў і рабочых. Шмат што было проста знішчана («каб не засталася ворагу»). Такі лёс напаткаў дзясяткі заводаў і фабрык з Мінска, Віцебска, Слуцка, Бабруйска, Барысава і іншых гарадоў з цэнтральнай часткі Беларусі. Сярод вышэйзгаданых прадпрыемстваў, якія спынілі сваю вытворчасць, галоўны фабрычны інспектар Мінскай губерні адзначаў толькі тыя, што падлягалі інспектарскаму нагляду паводле інструкцыі міністэрства гандлю і прамысловасці Расіі. Дробныя саматужныя адзінкі вытворчасці, у якіх налічвалася меней за 5 працаўнікоў (напрыклад, гарбарні), не ўлічваліся [4; 5, арк. 64–73].

Былі эвакуіраваны нават прадпрыемствы ў далёкім тыле. Напрыклад, была вывезена на ўсход значная частка мінскіх прадпрыемстваў: галантарэйныя фабрыкі таварыства «Ф. Турнье», завод па вытворчасці крухмалу і патакі таварыства «Прасвет», парфумнай фабрыкі «Вікторыя» Ш. Данішэўскага, машынабудаўнічыя заводы таварыстваў «Н. Якабсан і Г. Ліфшыц»,

заводы металавырабаў «Тэхнолаг» і акцыянераў М. Шлапакова і М. Майзеля, кацельны завод Г. Янішэўскага, абутковыя фабрыкі акцыянерных таварыстваў «Скараход», «Русь» і «Арол» ды інш. [5, арк. 72–73].

Нярэдка ваеннаму камандаванню было прасцей знішчыць каштоўнае абсталяванне, чым займацца яго доўгім дэмантажам і пагрузкай на цягнік ці аўтамабілі для эвакуацыі. Так, бяздумна было знішчана дарагое абсталяванне прадпрыемстваў, якія можна было па праву назваць індустрыяльнымі флагманамі Беларусі: станкі і прылады суконнай фабрыкі Р. Скірмунта у вёсцы Парэчча Пінскага павета, прадпрыемства па вырабу тэхнічнай паперы і кардону «Куль» М. Новікавай пад Стоўпцамі, шаўкакрутнай фабрыкі Анджэта ды інш. [5, арк. 64–73].

Паказальны тут лёс Парэчанскай суконнай фабрыкі вядомага прадпрыемальніка і грамадска-палітычнага дзеяча Р. Скірмунта. Дзякуючы закупленым англійскім і нямецкім станкам апошняя штогод вырабляла да 6 тысяч пудоў выкажаснага сукна. Сюды былі запрошаны на працу з-за мяжы каля 20 інжынераў-тэхнікаў і іншых кваліфікаваных спецыялістаў, што абслугоўвалі ткацкія машыны, кіравалі вытворчым працэсам і навукалі працаваць з новай тэхнікай мясцовых рабочых (усяго звыш 200 чалавек) [6, арк. 7].

З пачаткам вайны замежных «спецоў» амаль адразу ж інтэрніравалі як грамадзян варажых дзяржаў (Нямеччыны і Аўстра-Венгрыі) [6, арк. 9]. Р. Скірмунт паспрабаваў пераарыентаваць сваю вытворчасць на выраб буркаў для афіцэраў царскай арміі. Улетку 1915 г. ён знаходзіўся ў ад'ездзе і позна спахапіўся, занепакоіўшыся лёсам свайго прадпрыемства. У канцы жніўня таго ж года ён тэрмінова звязаўся з Тэхнічным саветам Міністэрства гандлю і прамысловасці, а таксама з кіраўніком Усерасійскага таварыства суконных фабрыкантаў і прапсіў апошніх пасадзейнічаць у тэрміновай эвакуацыі Парэчанскай фабрыкі ў Тамбоў ці Сібірску. Але тэлеграма з Петраграда ў Мінскае ваенна-акруговае інтэнданцкае ўпраўленне ад 8 верасня 1915 г. запазнілася. Старшы фабрычны інспектар Мінскай губерні паведамляў свайму начальству 18 кастрычніка 1915 г., што фабрыку перад прыходам немцаў эвакуіраваць не ўдалося і вывезены былі толькі рэшткі сукна і воўны; машыны ж «прыведзены ў поўную непрыдатнасць» [6, с. 10–11].

На большасці прадпрыемстваў Беларусі, якія працягвалі працаваць, рэзка скарацілася вытворчасць па прычыне фінансавых праблем, недахопу сыравіны, адсутнасці попыту, транспартных перабояў, недахопу працоўных рук і замены працаўнікоў-мужчын жанчынамі і пад-

леткамі. Так, Барысаўская запалкавая фабрыка «Вікторыя» скараціла вытворчасць да канца 1916 г. на 60%, а колькасць рабочых на прадпрыемстве скарацілася амаль у 3 разы: з 605 да 262. Працаздольнасць на менскай шпалернай фабрыцы Кантаровіча знізілася на 80%, а колькасць працоўных месц скарацілася там у 6 разоў(!): з 359 да 60. Вялізны спад вытворчасці адбыўся на шклозаводах Беларусі. Так, на Мінскай шкляной фабрыцы таварыства «І. Бацвіннік і Б. Ашкеназі» выпуск прадукцыі ўпаў на 85%, а са 175 працаўнікоў засталася працаваць толькі 22 [6, арк. 12]. Некаторыя прадпрыемствы, напрыклад Смілавіцкая фабрыка ботавых абцасаў Л. Суціна і Зялёнкаўскі фанерны завод І. Краснаполя (Асавецкая воласць Бабруйскага павета), вымушаныя былі прастойваць некалькі месяцаў у 1915 г. па прычыне разрабавання і частковага знішчэння драўлянай сыравіны праходзячымі на ўсход ўцекачамі [7]. Пад уздзеяннем усіх гэтых негатыўных фактараў паступова развальвалася эканоміка, што ў сваю чаргу ўплывала і на сацыяльна-палітычную атмасферу ў гарадах.

Моцнай дэфармацыі ў гэты ваенны час падвергся беларускі сельскагаспадарчы рынак. Летам – восенню 1915 г. многія сялянскія і абшарніцкія гаспадаркі заходняй часткі Беларусі ў выніку астаўлення гэтай тэрыторыі расійскім войскам і прымусовай эвакуацыі насельніцтва спынілі сваё існаванне. На ўсход ад нямецка-расійскага фронту найбольшую рэгрэсію перажылі якраз тыя сегменты сельскагаспадарчай вытворчасці, якія найбольш дынамічна развіваліся ў даваенны час і былі арыентаваны ў першую чаргу на рынак. На гэтыя працэсы негатыўна паўплывалі наступныя фактары:

1) масавая мабілізацыя ў войска большасці працаздольных мужчын з вёскі, аслабленне вытворчых магчымасцей вясковых гаспадарак у выніку рэквізіцыі цяглавай жывёлы, нярэдка бескантрольная рэквізіцыя прадуктаў сельскагаспадарчай вытворчасці і хатняй «жыўнасці» з боку армейскіх частак ці проста рабаванне ўраджаю ўцекачамі;

2) масавыя сялянскія рабаванні абшарніцкіх фальваркаў ў канцы 1917 – пачатку 1918 г. (апошнія больш, чым сялянскія гаспадаркі, вызначаліся прагрэсіўнай формай гаспадарання і актыўна працавалі на рынак);

3) рэзкая змена рынковай кан'юнктуры сельскагаспадарчага рынку падчас вайны, выкліканая ўвядзеннем «сухога закону», а таксама мерамі царскага ўрада па пераарыентацыі мясцовай сельскай гаспадаркі на патрэбы войска;

4) дэзарганізацыя сістэмы кіравання, перакос цэнавай палітыкі ў дачыненні да аграрнага сектара, нарастанне транспартных праблем па

дастаўцы сельскагаспадарчай прадукцыі на спажывецкія рынкі ды інш. [8].

Спыненне вытворчасці спірту для вырабу гарэлкі і іншых алкагольных напояў, рэзкае скарачэнне экспарту за межы Расійскай імперыі і адначасовае павелічэнне ваенных замоў на пастаўкі арміі харчавання і фуражу абумовілі пашырэнне ў Беларусі ў пачатковы перыяд «германскай» вайны (1914–1915 гг.) пасаваў збожжа і кармавых траў пры паралельным змяншэнні пасаваў бульбы, лёну і канопляў. Падчас вайны ў Беларусі катастрафічна скарацілася пагалоўе буйной рагатай жывёлы (да 78%) [9], што тлумачылася, па-першае, вялікімі стратамі, панесенымі гэтай галіной жывёлагадоўлі падчас эвакуацыі з заходніх рэгіёнаў Беларусі, па-другое, заняпадам галоўных пастаўшчыкоў гэтай катэгорыі хатняй жывёлы на рынак – абшарніцкіх фальваркаў (дробныя сялянскія гаспадаркі, як правіла, трымалі буйную рагатую жывёлу ў асноўным для сваіх вытворчых і спажывецкіх патрэб і не гадавалі іх дзеля продажу на рынак).

Адначасова на Міншчыне, Віцебшчыне і Магілёўшчыне адбылося павелічэнне пагалоўя коней на 5% і свіней аж на 20% [9]. 5-працэнтнае павелічэнне конскага пагалоўя, нават з улікам рэквізаваных у 1915 г. «цяглавых жывёл» на патрэбы войску, тлумачыцца тым, што ўцекачы з польскіх і балтыйскіх губерняў, рухаючыся на ўсход праз Беларусь, з-за недахопу фуражу і па іншых прычынах муслілі за бясплатна прадаваць або аддаваць задарма коней мясцовым сялянам. Колькасны «скок» пагалоўя свіней можна аргументаваць уплывам двух фактараў: па-першае, тутэйшае жыхарства ўзялося за масавае гадаванне парсюкоў, каб «ліквідаваць» значныя лішкі бульбы, што засталіся пасля забароны прамысловай вытворчасці харчовага спірту, а па-другое, развядзенне свіней ва ўмовах рэзкага звужэння сельскагаспадарчага рынку і фактычнага пераходу гэтага сектара прыватнай эканомікі Беларусі да «натуральнай гаспадаркі» – справа больш рэнтабельная, чым, напрыклад, гадаваць буйную рагатую жывёлу. Адзначым, што ў сялянскіх гаспадарках значна скарацілася гадоўля авечак, што амаль выключна задавальняла «натуральныя патрэбы» сялян [9].

У верасні 1917 г. зноў змяніліся правілы рэквізіцыі хатняй жывёлы з сялянскіх гаспадарак. Паводле інструкцыі галоўнакамандуючага Заходняга фронту ад 8 верасня 1917 г. (вых. № 2090/XXVII) былі зацверджаны наступныя нормы ўтрымання «жыўнасці» вясковым насельніцтвам: не належала рэквізіцыі адна карова на 5 едакоў (але не менш за адну карову на адну гаспадарку), адна пара коней або валоў на

10 дзесяцін ворнай зямлі (калі гаспадар меў менш за 6 дзесяцін ворыва, то яму пакідалі аднаго каня або адну пара валоў), адна свіння, а таксама свінаматка з маладняком. Вайсковыя інтэнданты не забіралі таксама жарабят да года і да 20% конскага маладняку ва ўзросце 1–1,5 года [10, арк. 30].

З'яўленне і нарастанне вялікай разбежнасці ў цэнавых індэксах прамысловых і сельскагаспадарчых тавараў на карысць першых, істотнае зніжэнне, пачынаючы з 1917 г., паставак харчавання і фуражу для войска прывяло да таго, што ў Цэнтральнай і Усходняй Беларусі значна (да 66%) скараціліся пасяўныя плошчы ўсіх раслінных культур. Праблемы з харчаваннем прымуслі Часовы ўрад увесці 25 сакавіка 1917 г. хлебную манаполію, якая прымушала сялян здаваць жыта і пшаніцу па фіксаваных «цвёрдых» цэнах без уліку інфляцыі [11]. З 7 ліпеня 1917 г., паводле загада расійскага міністэрства харчавання № 14, таксама ўводзіліся цвёрдыя кошты на цукар і цукровыя вырабы [12, арк. 87].

З мэтай адзінства кіравання нарыхтоўкай і забеспячэннем насельніцтва і арміі прадуктамі харчавання і тавараў першай неабходнасці Часовы ўрад пайшоў на стварэнне цэнтралізаваных «глаўкаў», напрыклад: «Хлебармия» (кіравала закупамі хлеба і фуражу, рэгулявала пытанні, звязаныя з рэквізіцыямі і вывазам хлеба і фуражу для буйных гарадоў), «Заготосель» (нарыхтоўка мяса, жыроў, гародніны), «Центромукка», «Центротранспорт» (выдача дазвалаў на перавозку харчавання і фуражу, забеспячэнне транспартнымі сродкамі), «Центросчет» (фінансаванне і бухгалтарскі ўлік закупаў харчавання і фуражу) [12, арк. 78]. Былі ўпершыню агучаны прапановы па нацыяналізацыі скуранных прадпрыемстваў і вытворчасці тытуню і папірос [13, арк. 81; 14, арк. 1–2].

Такім чынам, з лета 1917 г. быў забаронены прыватны гандаль харчовага зерня, цукру, некаторых відаў гародніны. Адказнымі за нарыхтоўку зерня і іншых харчовых прадуктаў для насельніцтва і вайсковых частак упаўнаважваліся губернска і павятовыя харчовыя камітэты [13, арк. 10]. Апошнія прыступілі да ўліку пададзеных сялянамі, абшарнікамі, кааператывамі ды рознымі артэлямі наяўнага ў іх хлеба і фуражу. Таксама забіраліся лішкі «стратэгічнай» гародніны: пакідалі толькі 1–1,5 пуда бульбы і 12,5 фунтаў іншай гародніны на едака; для насення – да 130 пудоў бульбы і 10 пудоў бабовых на кожную дзесяціну пасяўных угоддзяў [10, арк. 30 адв]. Схаваныя запасы харчавання неадкладна рэвізаваліся па палавінным кошце паводле арт. 8 вышэй угаданага закона [13, арк. 11].

Цэнавы хаос, парадзіўшы істотную рознасць у коштах на дэфіцытныя прадукты і рэчы ў

розных рэгіёнах Расіі, прывёў да ўзмацнення эканамічнай аўтаркіі. Дзеля таго каб спыніць спекуляцыю і масавы вываз тавараў штодзённага попыту за межы губерні і нават павета, земскімі і гарадскімі ўправамі ўводзілася бонавая (талонная) сістэма. Узмацніўся кантроль за паштовымі адпраўленнямі за межы губерні. Паводле загада Мінскага губернскага харчовага камітэта ад 27 верасня 1917 г., дзеля спынення вывазу дэфіцытных прадуктаў з рэгіёна праз паштовыя адпраўленні былі прыняты наступныя меры: а) забаранялася перасылаць з паштовых аддзяленняў Мінскай губерні пасылкі з цукрам, цукровымі і шакаладнымі вырабамі, мукой, рознымі крупамі, сырым мясам, соллю, рыбай, абаранкамі, алеем, сырам, каўбасой, в'яндлінай, тытунём, запалкамі, свечкамі, мануфактурай, сукном, скуранымі вырабамі, абуткам, галёшамі ды іншымі рэчамі; б) у межах губерні дазвалялася перасылаць харчовыя прадукты вагой не болей за 12 фунтаў адной асобай ў адной пасылцы і адзін раз у дзень; в) служачым пошты дазвалялася пры неабходнасці ўскрываць пасылкі і аглядаць яе ўкладанні; г) у выпадку парушэння ўзгаданых правіл па перасылцы прадуктаў і рэчаў адправіцель караўся грашовым штрафам, а сама пасылка падлягала канфіскацыі [14, арк. 86–86 адв].

Усе гэта моцна адбілася на забеспячэнні харчаваннем вайсковых частак Заходняга фронту, размешчанага на тэрыторыі Мінскай губерні. Пасля збору ўраджаю летам 1917 г. падвоз харчавання ў вайсковыя інтэнданцкія аддзелы упаў на 12–40%: мукі было не дададзена каля 40%, розных круп – на 32%. Было таксама падлічана, што калі адняць колькасць прадуктаў, выкарыстаных рознымі тылавымі ўстановамі і паўваеннымі структурамі, то лінейныя часткі, стаяўшыя на перадавой лініі, атрымлівалі мукі ад 20 да 30%, фуражу і сена ад 40 да 50% [15]. Каб неяк папоўніць запасы хлеба і фуражу, камандаваннем Заходняга фронту быў выданы загад аб новых рэквізіцыях у 30-вёрстнай прыфрантавай паласе [15]. Армейскімі інтэндантамі паведамлялася, што ў Мінскай губерні знаходзяцца мільёны пудоў ўжо купленага сена, але вывезці яго да чыгуначных станцый няма на чым.

У кастрычніку 1917 г. адмысловая камісія Заходняга фронту па забеспячэнні армій харчаваннем і фуражом дакладвала камандаванню, што крытычнае становішча фронту ў цяперашні час ёсць наступствам гаспадарчай разрухі краіны. Падвоз хлеба і фуражу значна скараціўся ў сілу поўнай адсутнасці належнай увагі тылу да патрэб войска, у прыватнасці сялянства, а таксама хлебнай манаполіі, нізкіх цвёрдых цэн на прадметы першай неабходнасці [15].

Увядзенне харчовай развёрсткі і гіперцэнтралізацыя справы па нарыхтоўцы і размеркаванні харчавання Часовым урадам не палепшылі сітуацыю, а наадварот, яшчэ больш абвастралі харчовы крызіс у краіне. Сяляне ў адказ на харчразвёрстку і несправядлівую цэнавую палітыку расійскага ўрада адмовіліся добраахвотна прадаваць лішкі зерня за абяцэненыя «керанкі» і ўвосень 1917 г. фактычна адмовіліся ад сяўбы азімых [9]. Для «ўнутранага спажывання» вясной 1918 г. яны засеялі на мінімальных плошчах яравыя культуры (грэчку, жыта і пшаніцу). На фоне масавага руйнавання буйных абшарніцкіх маёнткаў раўналежна адбывалася «натуралізацыя» сялянскіх гаспадарак, якія калі і прадавалі нешта, дык толькі на бліжэйшых гарадскіх кірмашах і прычым дробнымі партыямі. Вываз сельгаспрадукцыі за межы Беларусі фактычна спыніўся.

Заклучэнне. Непадрыхтаванасць Расіі да працяглай вайны, сур'ёзныя памылкі царскага і Часовага ўрадаў ў рэалізацыі сваёй эканаміч-

най палітыкі, архаічная сістэма кіравання ды іншыя негатыўныя аспекты спарадзілі рэзкае пагаршэнне сацыяльна-эканамічнай сітуацыі ў краіне. Непрадуманая ўвядзенне падчас вайны «сухога закону» падарвала важную галіну беларускай прамысловасці, якая спецыялізавалася на вытворчасці спірту, адначасова пагоршыла фінансавае становішча краю, спарадзіла масавае самаганаварэнне. Гэта моцна паўплывала на падзенне грамадскай маралі ў гарадах і вёсках краю. Не меншую шкоду прынеслі сур'ёзныя недахопы ў аграрнай і цэнавай палітыцы. Гэта прывяло да масавай «натуралізацыі» беларускіх сялянскіх гаспадарак. Масавае эвакуацыя грамадзянскага насельніцтва з пакідаемых праціўніку тэрыторый на ўсход, дрэнна арганізаваная эвакуацыя мясцовых прадпрыемстваў павялічылі матэрыяльныя і фінансавыя страты Беларусі і Міншчыны ў прыватнасці. Усё гэта абвастрыла сацыяльна-палітычныя супярэчнасці у грамадстве і прадвызначала крах старога рэжыму.

Літаратура

1. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. Ф. 325. Воп. 1. Спр. 19. Арк. 129–137; 139–143.
2. Гісторыя Беларусі: у 6 тамах. Том 4. Беларусь у складзе Расійскай імперыі (канец XVIII – пачатак XX ст.). Мінск: Экоперспектива, 2005. 519 с.
3. Рудовіч С. Час выбару: праблема самавызначэння Беларусі ў 1917 годзе. Мінск: Тэхналогія, 2001. С. 31.
4. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі ў Мінску (далей – НГАБ). Ф. 62. Воп. 3. Спр. 6. Арк. 1.
5. НГАБ. Ф. 311. Воп. 1. Спр. 92.
6. НГАБ. Ф. 311. Воп. 1. Спр. 78.
7. НГАБ. Ф. 311. Спр. 93. Арк. 118–118 адв.
8. НГАБ. Ф. 62. Воп. 3. Спр. 6. Арк. 1–15.
9. Бонч-Осмоловский Р. А. Эволюция сельского хозяйства Белоруссии. Ч. II. Военно-революционный и послереволюционный период // Советское строительство. 1925. № 4. С. 31–47.
10. Дзяржаўны архіў Мінскай вобласці (далей – ДАМВ). Ф. 1743. Воп. 1. Спр. 7.
11. Данилов В. П. Крестьянская революция в России, 1902–1922 гг. // Крестьяне и власть: материалы конференции. Москва; Тамбов: ТГТУ, 1996. С. 4–23.
12. ДАМВ. Ф. 1743. Воп. 1. Спр. 10.
13. ДАМВ. Ф. 1743. Воп. 1. Спр. 1.
14. ДАМВ. Ф. 1743. Воп. 1. Спр. 11.
15. Протокол общего собрания членов фронтового комитета Западного фронта. 16 октября 1917 года // Фронт (Мінск). 1917, 24–25 окт., 28 окт.

References

1. The National Archives of the Republic of Belarus (NARB). F. 325. Inv. 1. File 19. Sh. 129–137; 139–143.
2. *Historyya Bielarusi: u 6 tamakh. Tom 4. Bielarus' u skladzje Rasiyskay impieryi (kaniec XVIII – pачatak XX st.)* [History of Belarus: in 6 volumes. Vol. 4. Belarus within the Russian Empire (end of the XVIII – beginning of the XX century)]. Minsk, Ekoperspektiva Publ., 2005. 519 p.
3. Rudovich S. *Chas vybaru: prablema samavyznachennya Bielarusi u 1917 godzie* [The time of choice: the problem of self-determination of Belarus in 1917]. Minsk, Tekhnalogiya Publ., 2001. P. 31.
4. National Historical Archives of Belarus in Minsk (NIAB). F. 62. Inv. 3. File 6. Sh. 1.
5. NHAB. F. 311. Inv. 1. File 92.
6. NHAB. F. 311. Inv. 1. File 78.
7. NHAB. F. 311. Inv. 1. File 93. Sh. 118–118 rev.

8. ННАВ. F. 62. Inv. 3. File. 6. Sh. 1–15.
9. Bonch-Osmolovsky R. A. The evolution of agriculture in Belarus. Part II. Military revolutionary and post-revolutionary period. *Sovetskoye stroitel'stvo* [Soviet construction], 1925, no. 4, pp. 31–47 (In Russian).
10. The State Archives of Minsk Region (SAMR). F. 1743. Inv. 1. File 7.
11. Danilov V. P. The peasant revolution in Russia, 1902–1922. *Krest'iane i vlast': materialy konferentsii* [Peasants and power. Conference proceedings]. Moscow; Tambov, TSTU, 1996, pp. 4–23 (In Russian).
12. SAMR. F. 1743. Inv. 1. File 1.
13. SAMR. F. 1743. Inv. 1. File 10.
14. SAMR. F. 1743. Inv. 1. File 11.
15. Minutes of the general meeting of members of the front committee of the Western Front. October 16, 1917. *Front (Minsk)* [Front (Minsk)]. 1917, 24–25, 28 Oktober (In Russian).

Інфармацыя пра аўтара

Ляхоўскі Уладзімір Віктаравіч – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры мытнай справы. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт (220030, г. Мінск, вул. Ленінградская, 20, Рэспубліка Беларусь). E-mail: prysynak@gmail.com

Information about the author

Lakhouski Uladzimir Viktaravich – PhD (History), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of Customs Affairs. Belarusian State University (20, Leningradskaya str., 220030, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: prysynak@gmail.com

Паступіў 10.09.2018

УДК 323.325(476)

Н. Е. Семенчик

Белорусский государственный технологический университет

**ПОЛОЖЕНИЕ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА И ПРОМЫШЛЕННОСТИ БЕЛАРУСИ
В УСЛОВИЯХ ВОЙНЫ (ЛЕТО 1915 – ЗИМА 1916 Г.)**

В статье показано положение сельского хозяйства и промышленности Беларуси в период со времени отступления русской армии летом 1915 г. до конца 1916 г. Обращено внимание на ход, особенности и последствия эвакуации материальных ценностей для сельского хозяйства и промышленности. Отмечены мероприятия военных и гражданских властей по снабжению Западного фронта продовольствием и средствами армейского жизнеобеспечения в конце 1915 – начале 1916 г. Отражена государственная политика в области обеспечения помощи фронту со стороны местного населения. Приведены данные о тенденциях развития сельского хозяйства и промышленности в 1916 г. в Беларуси.

Ключевые слова: сельское хозяйство, промышленность, Беларусь, Западный фронт, Минский военный округ, Двинский военный округ, реквизиция, трудовая повинность.

N. Ye. Semenchyk

Belarusian State Technological University

**THE SITUATION OF AGRICULTURE AND INDUSTRY IN BELARUS
IN THE CONDITIONS OF WAR (SUMMER 1915 – WINTER 1916)**

The article focuses on the agricultural and industrial situation in Belarus in the period of the summer of 1915 (Russian army's retreat) to the end of 1916. The process of material assets evacuation as well as its features and consequences for agriculture and industry are considered. Moreover, the article tells about military and civil authorities' activity on supplying the Western front with food products and life support packages from the end of 1915 to the beginning of 1916. The author sums up the public policy in the field of assisting the front on the part of local population and gives the data on agriculture and industry trends in Belarus in 1916.

Key words: agriculture, industry, Belarus, Western front, Minsk territorial department, Dvinsk territorial department, requisition, civilian duty.

Введение. Затянувшееся участие России в мировой войне не могло не отразиться на развитии экономики страны. В первую очередь его негативные последствия затронули близкие к театру военных действий окраины империи. В каком положении оказалось сельское хозяйство и промышленность Беларуси в 1915–1916 гг. и какие последствия имели мероприятия власти по их подчинению интересам обороны, явствует из данной статьи.

Основная часть. Еще с начала войны участвовавшие мобилизации военнообязанных в Беларуси стали отражаться на нехватке рабочей силы, прежде всего, в деревне. И, как следствие, часть посевных площадей осталась незасеянной. А с привлечением крестьян к трудовой повинности на нужды обороны у них возникали разного рода хозяйственные трудности. Тем не менее внимание главного начальника снабжения Северо-Западного фронта генерала Н. Данилова и главного начальника Минского военного округа генерала Е. Рауш-фон-Траубенберга неизменно привлекали необходимые действующей армии сельскохозяйственные продукты, производимые местным населением, и в

первую очередь – мясо. Так, в целях регулярного поступления скота для фронта военными властями вменялось в обязанность минскому губернатору А. Гирсу и уездным предводителям дворянства создание соответствующих реквизиционных комиссий [1, с. 820]. По мнению генерала Н. Данилова, высказанному в апреле 1915 г. на заседании в Ставке, единственным источником поступления мяса «является реквизиция местного скота в пределах театра войны» [2, с. 158].

Следует отметить, что на начальном этапе войны все аграрии, как крупные землевладельцы, так хуторяне и отрубники, прилагали все усилия по выполнению возложенных на них обязанностей по оказанию помощи фронту. Со своей стороны государство в лице Департамента земледелия даже в условиях дефицита бюджета продолжало субсидировать открытие прокатных и зерноочистительных пунктов, улучшение пород скота, пропаганду много-польной системы севооборота и т. д. [3, л. 3].

По словам М. Довнар-Запольского, «тяга в крестьянской среде к новым формам землеустройства была значительной». К 1 января 1916 г.

число подворников, отрубников и хуторян в Витебской, Минской и Могилевской губерниях составляло (соответственно) 33,8; 8,4 и 14,6% и продолжало увеличиваться [4, л. 73].

Что касается промышленности и ремесел, то их состояние в Беларуси к лету 1915 г. по ряду главных показателей стало меняться к лучшему. После того как количество деревообделочных, стекольных, кирпичных и т. д. заводов сократилось, некоторая часть рабочих нашла себе занятие на предприятиях Всероссийского земского союза (ВЗС). Полезное фронту кожевенно-обувное производство было налажено на 37 предприятиях, в том числе на двух минских и трех витебских фабриках [5, с. 42, 71, 84]. К указанному времени в Минской губернии действовал приказ А. Гирса, в соответствии с которым каждый мастер-сапожник был обязан «изготавливать сапоги, хотя бы по две пары в неделю» на нужды армии [6, л. 7].

Местные отделения Центрального военно-промышленного комитета (ВПК) также были заняты выполнением военных заказов, размещая их на местных предприятиях. Так, 3 июля 1915 г. минский завод товарищества «Якобсон и Лифшиц» перешел в ведение Второй подвижной починочной мастерской артиллерийского ведомства [1, с. 820]. С конца лета оборонные заказы выполняли: лесопильный завод в Речицком уезде, фанерный завод в Мозыре, механический завод, а также кожевенный и пекарно-сухарный заводы [1, с. 809]. По словам фабричного инспектора А. Алексева, «в течение первой половины 1915 г. промышленность губернии заметно оправилась и оживилась» [1, с. 813]. Однако летом-осенью полностью воспользоваться благами сельского хозяйства и промышленности Беларуси не удалось ни местному населению, ни государству. С усилением натиска со стороны кайзеровских войск на Северо-Западном (с августа – Западном) фронте русская армия, кроме своих прямых обязанностей, была вынуждена эвакуировать население и материальные ценности вглубь империи.

Эвакуация охватила и самих жителей, вынужденных продать интендантам лошадей, скот, запасы продовольствия и собранный урожай. Часто в одном направлении с беженцами передвигались стада скота. Генерал Н. Данилов дал распоряжение «набирать погонщиков для скота принудительно на тех же основаниях как рабочих для рытья окопов» [7, с. 178]. Он же отдал распоряжение губернаторам «направлять племенной скот вглубь России, причем “не гоним”, а по железной дороге» [7, с. 315].

Несмотря на огромные потери скота при прогоне гуртов от линии фронта, в целом местные власти справлялись с потоками животных,

часть которых была рассредоточена по уездам либо транспортирована в южные губернии России. Основные же ведомства, занимавшиеся содержанием скота для нужд армии, располагались в Речице, Свислочи, Паричах, Игумене, Могилеве, Рогачеве, Быхове, Жлобине, Калинковичах, Юровичах, Новобелице и Салтановке [7, с. 245–246]. Однако скопление скота в военных гуртах при продолжавшейся его реквизиция потребовали соответствующих запасов корма для их содержания. В этой связи к концу 1915 – началу 1916 г. кормовое хозяйство сельского населения, в том числе и крупных экономий, оказалось под угрозой разорения.

Не лучшим становилось положение промышленности. Командующий Западным фронтом генерал А. Эверт не исключал возможности дальнейшего отступления русской армии. В этой связи местные власти ориентировались на готовность к эвакуации. В свою очередь 9 октября 1915 г. минским губернатором были отданы предписания для сельского населения по объявлении реквизиции «муку, зерно, фураж, скот, лошадей и повозки, за исключением одной коровы, одной лошади и месячного запаса продуктов и фуража на семью, передать интендантским службам» [1, с. 824]. То, что грозило попасть в руки врага, активно реквизировалось властями на нужды фронта. Так, по сообщению новгородского уездного предводителя, в местечках Мир, Еремичи и Городея с 23 сентября по 8 октября у населения были изъяты лошади, коровы, повозки, упряжь, веревки, овес, рожь, солома, всего на сумму 198 061 руб. 98 коп. [1, с. 824].

К концу года случаи разорительных для крестьянских хозяйств действий со стороны военных интендантов участились. В свою очередь гражданские власти были вынуждены жаловаться их вышестоящему командованию на произвол его подчиненных [1, с. 828–830, 833].

Белорусские аграрии оказались в сложном продовольственном положении, которое, по словам современника, усугублялось «неурожаем трав и хлебов». Характерно, что картофель, считавшийся одной из важнейших культур, даже в начале октября в большинстве владельческих хозяйств не был убран «в силу военных обстоятельств» [1, с. 827].

По донесению пинского исправника, «по случаю близости военных действий сельскохозяйственная жизнь совсем расстроена, лишь осталась забота о средствах прокормления себя, своего скота и лошадей» [8, с. 191]. Такое положение было свойственно сельскому хозяйству всех губерний второй половины 1915 – начала 1916 г.

Что касается промышленности аналогичного периода, то существовали свои особен-

ности. Начавшаяся эвакуация из зоны боевых действий летом 1915 г. потребовала огромной организационной работы властей. Командование предписывало им обеспечить обязательную отправку в тыл не только оборудования предприятий, но и материалов, «годных для военных надобностей» [1, с. 824].

Наплыв грузов на станции Минской, Могилевской и двух уездов Смоленской губернии был настолько большим, что 25 июля 1915 г. генерал Е. Рауш-фон-Траубенберг обязал привлечь мужское население в возрасте от 16 до 50 лет к разгрузочным работам [8, с. 239].

Из Варшавы удалось вывезти отдельные предприятия и расположить их в Минске (завод «Mlot», мастерские по ремонту казенных автомобилей), Новоборисове (карандашная фабрика), Гомеле (завод «Арсенал») и др. Из Слонима удалось вывезти станки самого крупного предприятия – проволочно-гвоздильного завода – и разместить их в Орше [7, с. 97, 118, 212]. В целом эвакуация заводского оборудования и материальных средств прошла неорганизованно, с большими потерями [8, с. 443]. Так, в м. Шавли германцам достались склады кожи, которую впоследствии они вывозили на автомобилях [9, с. 514]. В июле еврейские промышленники Беларуси выступили с просьбой «перевести нужные для армии промышленные предприятия во внутренние губернии» [10, с. 161]. Но этой просьбе не суждено было сбыться по причине закона о «черте еврейской оседлости». В результате многие предприятия так и остались в зоне оккупации либо сражений, в том числе в Сморгони, где до войны размещалось около трети всех кожевников и 30,8% производства кож [5, с. 84].

27 августа виленскому губернатору П. Верёвкину сообщили о разрешении главного начальника МВО на вывоз из Новогрудского уезда продовольствия и иных товаров [7, с. 130]. Эвакуировавшийся из Вильно в Минск Северо-Западный ВПК занялся сбором имущества, пригодного фронту в рамках губернии. В частности, здесь было объявлено о реквизиции всех выделанных кож, меди и медного оборудования закрытых заводов [1, с. 809]. Пока продолжала существовать угроза вражеского вторжения, не снижался спрос казенных предприятий тыла на шерсть, лен и дубильные вещества, в то время как еще к началу сентября большинство готовых к вывозу предприятий в губернии приостановило свою деятельность, а «их рабочие стали расходиться по деревням, либо уезжать в глубь России» [1, с. 810].

Созданная во второй половине августа эвакуационная комиссия при Минском губернском ВПК успешно выполнила свою миссию, орга-

низовав вывоз в глубокий тыл всех оборонных предприятий вместе с оборудованием и персоналом [1, с. 812]. Исключение составил механический завод Ф. Орловского в Новоборисове, занимавшийся изготовлением «бомб для бомбометов» [11, с. 14].

В начале 1916 г. губернские земства Беларуси были озабочены разработкой твердых цен на мясо и скот, а также новыми условиями проведения реквизиций. В соответствии с приказом Главнокомандующего Северным фронтом генерала А. Куропаткина от 7 апреля, следовало «прибегать к реквизиции только при полной невозможности приобретать необходимое путем добровольного соглашения». В случае необходимости таковая могла производиться только по распоряжению губернатора через посредство губернских и уездных управ с участием военных представителей. Главком также распорядился об ограничении объемов реквизиции с тем, чтобы в каждом крестьянском хозяйстве оставался один конь и на каждую семью из пяти душ две дойные коровы; в частновладельческих хозяйствах – один конь на каждые шесть десятин пахотной земли и 50% дойных коров от всего стада [12, с. 3–4]. Таким образом, при осуществлении заготовок предполагалось делать упор на добровольном участии в них всех владельцев продуктов, а также избегать разорительных реквизиций.

Военное командование также осознавало важность учета принципа добровольности при организации помощи фронту. Так, с конца февраля 1916 г. по согласованию начальника штаба Верховного главнокомандующего с Министерством земледелия население оповещалось о необходимости заготовки сена для фронта путем засева возможно больших площадей однолетними растениями, хлебными злаками и т. д., предназначенными на корм лошадям. Кроме того, всем желающим предлагалась задаток на семена и гарантированная закупка их урожая сена (по цене 1 руб. за 1 пуд) [13, с. 24].

В 1916 г. по сравнению с довоенным периодом количество лошадей в Минской губернии возросло со 155 600 до 165 800, в Могилевской – со 121 900 до 128 300, хотя в Витебской губернии их число снизилось со 120 700 до 114 300 [4, с. 125]. Однако та же Витебская губерния превосходила соседние Эстляндскую, Новгородскую, Псковскую по количеству крупнорогатого скота (585 100), свиней (435 077) и овец (406 100) [14, л. 32]. В целом же в Витебской губернии на один крестьянский двор приходилось 11,8, Минской – 9,6, Могилевской – 11,3 голов скота, в том числе лошадей, коров, овец, свиней [4, с. 131]. На одно помещичье хозяйство приходилось: в Витебской губернии –

16 голов крупнорогатого скота, в Могилевской – 17, в Минской – 21,2 головы. По выражению М. Довнар-Запольского, «мелким скотом оно не интересовалось» [4, с. 140].

Важнейшей акцией весны 1916 г. для белорусских земств являлась их организация мясных поставок фронту. Так, 9 апреля 1916 г. могилевский губернатор Д. Явленский сообщил генералу Рауш-фон-Траубенбергу о готовности губернского и уездных земств к реквизиции 69 657 голов крупнорогатого скота. Озабоченность губернатора вызывала необходимость более ответственного участия военных представителей в реквизиционных комиссиях, а также своевременная приемка интендантством гуртов из-за отсутствия фуража [15, с. 4]. По существовавшим в губернии нормам, до мая свободными от реквизиции на каждый крестьянский двор были: одна корова и по 30% молодняка, а для землевладельцев – одна корова на пять десятин пахотной земли и 20% имеющегося в хозяйстве молодняка [15, с. 36].

С 20 мая 1916 г. в приказе главкозапа А. Эверта, посланном на адрес минского, могилевского и других губернаторов МВО, «в целях более равномерного распределения тягостей реквизиции скота» вменялось в обязанность «оставлять в помещичьих хозяйствах одну голову крупного рогатого скота на десять десятин земли» [15, с. 32].

Нормативная база приобретения скота менялась и в дальнейшем. Так, приказом генерала А. Эверта № 758 от 28 октября 1916 г. от реквизиций освобождались хозяйства, принявшие скот на содержание по распоряжению военного ведомства и Министерства земледелия, а также содержавшие молочный скот в 30-верстном районе, прилегающем к Минску. Освобождались от реквизиции крестьянские дворы с одной парой лошадей или волов, одной коровой и 20% молодняка. Оставляли свободными от реквизиции помещичьи хозяйства с одной парой лошадей на каждые двенадцать десятин пахотной земли, одной коровой на каждые пять десятин такой же земли и по 20% от имеющегося в хозяйстве молодняка. Наконец, местной администрации вменялось в обязанность составить к 15 ноября 1915 г. описи скота, лошадей, фуража и кормовых средств, имеющихся у населения, для производства реквизиций [15, с. 124–124а].

В конце мая, с ведома генерала А. Куропаткина, начальник интендантского управления в целях устранения конкуренции при закупке скота в тыловом районе распределил весь Северный фронт на отдельные полосы соответственно расположению армий [12, с. 6]. То есть V армия в основном дислоцировалась на терри-

тории Витебской губернии и поэтому была местом деятельности ее интендантов. Но не всегда проблема решалась по решению «сверху». Так, при проведении реквизиции скота в Могилевской губернии выяснилось, что в уездах недостаток животных кондиционного веса, а также ощущается острая нехватка фуража. В этой связи Могилевская губернская земская управа в постановлении от 29 апреля 1916 г. заявила о том, что «выполнить наряд о реквизиции 70 000 штук в губернии не представляется возможным». В итоге губернская управа не сдала 19 715 голов скота и получила приказ Е. Рауш-фон-Траубенберга провести дополнительную реквизицию [15, л. 2, 26, 41].

Что касается выполнения военно-конской повинности, то еще с 1914 г. у населения обнаружилось резкое недовольство ею. Попытка власти заменить обязательность сдачи лошадей правом их продажи также не дало нужного эффекта. Между тем количественный рост вооруженных сил требовал усиления кавалерии, подвоза грузов и т. д., поэтому в ноябре 1916 г. военное командование обратилось к земствам с поручением взять на себя проведение реквизиций лошадей на нужды фронта [15, л. 131].

В Беларуси подавляющее большинство набираемых лошадей предназначались для артиллерии и обозов и в незначительной степени – для кавалерии. В своей массе породистые лошади по-прежнему являлись собственностью конезаводчиков, богатых людей и мобилизации не подлежали. В общем, потребность фронта в местных лошадях была незначительной. По этой причине, вероятно, в Могилевском уезде до конца 1916 г. было реквизировано только 4–6% всего лошадиного поголовья [16, л. 35].

На протяжении 1916 г. в сельском хозяйстве неизменно сохранялась проблема рабочей силы. По-прежнему в большей степени ее ощущали владельцы крупных имений. Для них ее усложняли постоянные мобилизации батраков и крестьян-военнообязанных, а также часто используемая властями трудовая повинность. Положение не спасал труд ни малочисленных военнопленных, ни «рабочих желтой расы» (то есть китайцев) [13, л. 144]. Жители деревни не соглашались работать в поместьях по низким расценкам и лучший заработок искали в городе, как правило, в организациях, обслуживавших фронт. В этой связи 30 мая 1916 г. главкосев генерал А. Куропаткин запретил вывешивать объявления о спросе и предложении труда с оплатой такового по ценам, превышающим установленную для данного района норму [17, л. 60]. 30 июня подобное объявление разместил генерал Рауш-фон-Траубенберг для населения округа, обязав под угрозой наказания всех неза-

нятых лиц в возрасте от 15 до 50 лет «поступить на сельскохозяйственные работы» [16, л. 139]. Со своей стороны, помещики Минской губернии в лице правления общества сельского хозяйства на октябрьском (1916 г.) заседании приняли решение требовать для своих рабочих отсрочки от призыва в войска [1, л. 847]. Но по-прежнему проблема засева полей и сбора урожая решалась усилиями земств, которые в своей работе с крестьянами опирались не только на силу приказа, но и на их человеческие и гражданские чувства.

Что касалось промышленной сферы, то в ней продолжала господствовать тенденция возможно полного ее (сферы) подчинения интересам обороны. В октябре 1915 г. и позже, даже после стабилизации Западного фронта, в белорусских губерниях продолжались мероприятия по эвакуации предприятий и некоторых видов сырья вглубь империи. В феврале 1916 г. на очередном съезде промышленников России член Омского ВПК Н. Буяновский с сожалением констатировал, что «евреям не разрешают перевезти кожевенные заводы из Западного края к нам, в Степной край, где есть обилие сырья и где все необходимые условия налицо» [9, л. 220]. Однако оставшиеся кожевенные заводы были особенно необходимы именно здесь, поблизости от основных потребителей их продукции. Кроме того, командование изучало любые возможности использования оставшихся предприятий. Так, в телеграмме минскому губернатору от 22 января 1916 г. со ссылкой на главнокомандующего запрашивались «точные сведения о различном рода заводах и складах (находящихся во вверенной вам губернии, уезды коих находятся на территории Западного фронта), материальная часть которых могла бы быть использована в боевом отношении» [11, л. 2]. В ответном рапорте от 28 января 1916 г. речичский исправник сообщил, что у владельца склада П. Рахмилевича находилось 25 пудов полосового железа, 3 пуда полосовой стали, 30 пудов перевязочной проволоки, 30 пудов чугуна (посуда) и 40 пудов разного размера гвоздей. Кроме того, в городе находились 4 лавки с подобным товаром [11, л. 17].

Как явствовало из рапорта фабричному инспектору от 26 января 1916 г., в Борисовском уезде «на нужды армии» могли быть использованы шесть лесопильных, два деревообделочных, один машиностроительный и один сахарный заводы, мельница в Смолевичах, две фабрики сапожных шпилек и аптечных коробок, две ремонтные мастерские [11, л. 2].

В ответ на запрос А. Чернявского от 29 февраля 1916 г. о наличии в уезде «фабрик, заводов и отдельных мастерских, изготавливающих

или могущих быть привлеченными к изготовлению инженерного имущества», все исправники, кроме речичского, дали отрицательный ответ [18, л. 5]. Чуть позже, 16 апреля последний сообщил уточненные данные. В числе предприятий, занятых выполнением военных заказов, были названы: проволочно-гвоздильный завод братьев Рикк, их же лесопильный завод, фанерная фабрика Магидсона, лесопильные заводы Моисея и Мордуха Френкелей. Сообщалось также, что мастерская Речичского ремесленного училища может принять заказ по изготовлению обозных двуколок и колес, ручек для шанцевого инструмента и палаточных распорочных палок. Спичечная же фабрика «Днепр» братьев Шишкиных выполнением военных заказов занята не была, а два лесопильных завода Магидсона и Залкинда бездействовали. 4 мая 1916 г. тот же исправник дополнил свой рапорт информацией о наличии в уезде еще одиннадцати лесопильных предприятий, в той или иной степени имевших военные заказы [11, л. 20, 26].

14 апреля 1916 г. полицеймейстер Бобруйска сообщил о наличии в городе двух заводов механических изделий, изготавливавших обозные двуколки для военного ведомства, а один из них был в состоянии изготовить за 6 месяцев 300 двуколок [18, л. 16].

19 апреля игуменский исправник в дополнение к предыдущему рапорту сообщил о наличии в деревне Тылковка Погостской волости деревообделывающего завода «Сильва», где изготавливались палаточные палки для военного ведомства [18, л. 22].

1 февраля 1916 г. главный военный техник фронта инженер-полковник Санников в обращении к губернатору А. Чернявскому запрашивал сведения о «всех существующих фабриках и отдельных мастерских, которые могут взять на себя изготовление ... обозных двуколок, колес, вьюков, кожаных изделий, сбруи, разного шанцевого, математического и рабочего инструмента, брезентов и разных парусинных изделий, всякого рода металлической проволоки, паровых и иных двигателей, тросов стальных, разного железнодорожного имущества, всякого рода станков и т. п.» [18, л. 1, 1 об.].

Такая же работа проводилась и в других губерниях. После эвакуации важнейших предприятий к началу 1916 г. в Витебской губернии число всех фабрик и заводов уменьшилось на 81 и составило 1252, количество занятых на них рабочих уменьшилось на 3205 и составило 7018. Так, в Дриссе насчитывалось всего 40 рабочих, Городке – 42, Лепеле – 48, в среднем по 3–4 человека на 1 предприятие. В губернии имелось 86 чугунолитейщиков, 765 кожевен-

ников, 560 кирпичников, 631 работников картоно-бумажного дела, 388 спичечников, 117 пильщиков, 202 щетинщика, 960 обработчиков льна, 882 мукомола, 130 бараночников, 99 табачников, 83 гончара, 102 изготовителя газовых вод [19]. Наиболее значимыми в оборонном значении предприятиями Витебска являлись две фабрики – табачно-махорочная А. Колбановского и льнопрядильная «Двина». Первая, в составе 180 рабочих (из них 30 мужчин), «обслуживала своим табаком не только население Витебской, Могилевской и части Псковской губерний, но и расположенные в указанном районе воинские части» [20, л. 190]. А вторая, с числом рабочих 1110 человек, вырабатывала нитки и по указанию Московского ВПК поставляла их на фабрики, ткавшие полотно для военных нужд [21, л. 54].

Ремесленники (индивидуалы и артельщики), а также кустари в меру своих возможностей изготовляли солдатские сапоги, колеса для телег и двуколки, шанцевый инструмент. 9 января 1916 г. Витебский губернатор Н. Галахов сообщал о возможности привлечь крестьян и беженцев Городокского уезда «к выработке для нужд армии топорищ и рукояток для лопат» [7, л. 749].

Но даже после эвакуации важнейших предприятий Беларуси в центральные губернии промышленный потенциал края хоть и уменьшился, но активно использовался, главным образом в интересах Западного и отчасти Северного фронтов. Отдельные заводы в меру своих сил выпускали продукцию, предназначенную как для армии, так и для населения (дрожжи, конфеты, табачные изделия, конверты и т. д.).

После организации в сентябре 1915 г. Западного фронтового комитета ВЗС дело материально-технической помощи армии значительно улучшилось. Созданный кожевенный отдел занялся оборудованием шорных и сапожных мастерских. Сформированные сапожно-починочные отряды починили 374 485 пар сапог [22, с. 11]. Осуществлялся сбор и обработка сырых шкур. Производственная мощность завода в Лунинце составляла в среднем 6000 овчин в месяц. Рабочие созданных при заводе шорных мастерских выдвигали бараньи кожи. Для утилизации шерсти существовали войлочные мастерские [22, л. 86].

Лесной отдел занимался заготовкой строевого материала. В этих целях были построены пять больших лесопильных заводов в Речице, Рогачеве, Бобруйске и Новоборисове. До конца 1916 г. во фронтовом районе подобные заводы работали в Новодруцке, Борисковичах, Вилейке, Молодечно, Воложине и Ольховке, в тылу – пять заводов в Бобруйске, два – в Речице и по одному – в Гомеле, Рогачеве и Новоборисове.

На последнем лесопильном заводе было создано стружечное отделение, оборудованное 3 станками, рабочие которого с 1 августа до конца декабря 1916 г. произвели 8534 пудов стружки. Здесь же, в Новоборисове было налажено производство фанеры. При наличии 21 лесопильной рамы мощность заводов, принадлежавших ВЗС, позволяла ежедневно заготавливать до 21 вагона пиломатериалов [22, с. 111]. На удовлетворение потребностей железной дороги в стройматериалах и топливе работали два лесопильных завода и склад в районе Колодищ [23, с. 30].

Агрономический отдел занимался использованием брошенных имений или земель в сельскохозяйственных целях для нужд армии.

Строительство военных объектов (мостов, блиндажей, плотин, окопов) привлекло множество местных работников. В марте 1916 г. в строительных отрядах насчитывалось 3000 человек с 416 лошадьми. Особого размаха достигло строительство деревянных построек (бараков). Первые из них были сделаны в октябре 1915 г. в Бобруйске, затем их производство было налажено в Гомеле, а общее их количество в 1916 г. достигло 700 штук [23, с. 98].

Упадок в Беларуси кирпичного производства негативно сказывался на строительных работах, поэтому Комитету ВЗС пришлось наладить выпуск кирпича в Воложине и Минске [23, с. 11]. В Минске же работали механический завод, санитарно-технические мастерские и ремонтно-строительный отряд.

За время работы Комитета на периферии возникли и укрепились два его филиала – Бобруйский и Гомельский технические отделы. Их усилиями было создано 16 прифронтовых мастерских. К числу тыловых, лучше оборудованных машинами и станками, относились: починочно-транспортная мастерская в Бобруйске, чугунно-литейный и механический заводы с жестяной и кузнечной мастерской, а также транспортная и мебельная мастерские в Гомеле [23, с. 11–111]. Общими усилиями всех местных структур ВЗС фронтовики получали необходимое материально-техническое обеспечение, благодаря чему поддерживалась их оборонноспособность.

Заключение. Таким образом, расхожее мнение, будто «война нанесла непоправимый удар по народному хозяйству края» [8, с. 98], на наш взгляд, сильно преувеличено. На деле экономика Беларуси переживала сложный период, характеризовавшийся еще большим, по сравнению с началом войны, использованием сельского хозяйства и промышленности для нужд армии, но при этом она продолжала выполнять свои функции. Оставшиеся неэвакуированными материальные ценности, в том числе и трудовые

ресурсы, использовались властями все более рачительно, с учетом интересов населения. Урожайность посевов, поголовье лошадей и животных по большому счету не пострадали. В 1916 г. реквизиции теряли свой разорительный характер и переставали быть единственным способом обеспечения армии. Тому способствовали приказы властей о соблюдении «твердых цен» на продовольствие и фураж и стимулировании их

продажи. Благодаря повышению спроса на сельхозпродукцию и рабочие руки положение основной массы трудящихся деревни улучшилось. Что касается промышленности, то основная ее отдача фронту нашла отражение в деятельности структур Комитета ВЗС Западного фронта, которые неизменно наращивали свою мощь по всей Беларуси, привлекая ее трудовые ресурсы к обороне страны.

Литература

1. Документы и материалы по истории Белоруссии. Том III / под ред. В. Н. Перцева. Минск: Издательство Академии наук БССР, 1953. 1018 с.
2. Лемке М. К. 250 дней в царской ставке. 1916. Минск: Харвест, 2003. 448 с.
3. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ) в Гродно. Ф. 361. Оп. 1. Ед. хр. 26.
4. Довнар-Запольский М. В. Народное хозяйство Белоруссии. 1861–1914 гг. Минск: Изд-во Госплана СССР, 1926. 240 с.
5. Экономика Белоруссии в эпоху империализма (1900–1917) / под ред. Г. Т. Ковалевского. Минск: Изд-во Академии наук БССР. 1963. 424 с.
6. НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Ед. хр. 9017.
7. НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Ед. хр. 8539.
8. Гісторыя Беларусі: у 6 т. Т. 4. Беларусь у складзе Расійскай імперыі (канец XVIII – пачатак XX ст.). / М. В. Біч [і інш.]. Мінск: Экаперспектыва, 2005. 519 с.
9. Труды Второго Съезда представителей военно-промышленных комитетов 26–29-го февраля 1916 года. Вып. 2. Петроград: Тип. П. П. Гершунина, 1916. 663 с.
10. Труды Съезда представителей военно-промышленных комитетов 25–27 июля 1915 г. Петроград: Тип. П. П. Гершунина, 1916. 288 с.
11. НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Ед. хр. 9139.
12. НИАБ. Ф. 2508. Оп. 1. Ед. хр. 6516.
13. НИАБ. Ф. 2089. Оп. 1. Ед. хр. 81.
14. НИАБ. Ф. 2508. Оп. 1. Ед. хр. 6516.
15. НИАБ. Ф. 2089. Оп. 1. Ед. хр. 84.
16. НИАБ. Ф. 2089. Оп. 1. Ед. хр. 98.
17. НИАБ. Ф. 2499. Оп. 1. Ед. хр. 244.
18. НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Ед. хр. 9175а.
19. Витебский вестник. 1916. 20 октября
20. НИАБ. Ф. 2496. Оп. 1. Ед. хр. 3246.
21. НИАБ. Ф. 2499. Оп. 1. Ед. хр. 319.
22. Краткий обзор деятельности Всероссийского земского союза на Западном фронте. 1915–1917 гг. М.: Товарищество скоропечатни А. А. Левенсон, 1918. 228 с.

References

1. *Dokumenty i materialy po istorii Belorussii* [Documents and materials on the history of Belarus]. Vol. III. Ed. by V. N. Pertsev. Minsk, Akademiya nauk BSSR Publ., 1953. 1018 p.
2. Lemke M. K. *250 dney v tsarskoy stavke. 1916* [250 days in an imperial rate.1916]. Minsk, Harvest Publ., 2003. 448 p.
3. National Historical Archives of Belarus (NHAB) in Grodno. Fund 361. I. 1. F. 26.
4. Dovnar-Zapolskiy M. V. *Narodnoye hozyaystvo Belorussii. 1861–1914 gg.* [National economy of Belarus. 1861–1914]. Minsk, Gosplan SSSR Publ., 1926. 240 p.
5. *Ekonomika Belorussii v epokhu imperializma (1900–1917)* [Economy of Belorussia in the epoch of imperialism (1900–1917)]. Ed. by G. T. Kovalevskiy. Minsk, Akademiya nauk BSSR Publ., 1963. 424 p.
6. NIAB. Fund 295. I. 1. F. 9017.
7. NIAB. Fund 295. I. 1. F. 8539.
8. *Gistoryiya Belarusi: u 6 t. T. 4. Belarus u skladze Rasiyskay imperyi (kanets XVIII – pachatak XX st.)* [History of Belarus: in 6 vol. Vol. 4. Belarus in the Russian Empire (late 18th – early 20th century)]. Minsk, Ekaperspektiva Publ., 2005. 519 p.
9. *Trudy Vtorogo S'yezda predstaviteley voyenno-promyshlennykh komitetov 26–29-go fevralya 1916 goda* [Works of the Second Congress of representatives of military-industrial committees on February 26–29, 1916]. Vol. 2. Petrograd, Tip. P. P. Gershunina Publ., 1916. 663 p.

10. *Trudy S'yezda predstaviteley voyenno-promyshlennykh komitetov 25–27 iyulya 1915 g.* [Works of the Congress of representatives of military-industrial committees on July 25–27, 1915]. Petrograd, Tip. P. P. Ger-shunina Publ., 1916. 288 p.

11. NIAB. Fund. 295. I. 1. F. 9139.

12. NIAB. Fund 2508. I. 1. F. 6516.

13. NIAB. Fund 2089. I. 1. F. 81.

14. NIAB. Fund 2508. I. 1. F. 6516.

15. NIAB. Fund 2089. I. 1. F. 84.

16. NIAB. Fund 2089. I. 1. F. 98.

17. NIAB. Fund 2499. I. 1. F. 244.

18. NIAB. Fund 295. I. 1. F. 9175a.

19. *Vitebskiy vestnik* [Vitebsk messenger]. 1916. Oktober, 20.

20. NIAB. Fund 2496. I. 1. F. 3246.

21. NIAB. Fund 2499. I. 1. F. 319.

22. *Kratkiy obzor deyatel'nosti Vserossiyskogo zemskogo soyuza na Zapadnom fronte. 1915–1917 gg.* [Short activities overview of the All-Russian territorial union on the Western front. 1915–1917]. Moscow, Tovarischestvo skoropechatni A. A. Levenson Publ., 1918. 228 p.

Информация об авторе

Семенчик Николай Ефимович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Беларуси и политологии. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: polity@bk.ru

Information about the author

Semenchyk Nikolai Yefimovich – DSc (History), Professor, Head of the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: polity@bk.ru

Поступила 14.09.2018

УДК. 94(470)(476):323.1

А. А. Райченко

Белорусский государственный технологический университет

**К 100-ЛЕТИЮ ПРОВОЗГЛАШЕНИЯ
БЕЛОРУССКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

В данной статье исследуется процесс создания белорусской государственности на советской основе в 1919 г., а также события, предшествовавшие этому шагу. Рассматривается деятельность различных советских учреждений, таких как Белорусский национальный комитет при Народном комиссариате по делам национальностей, Областной исполнительный комитет западной области и фронта, Белорусские секции Российской коммунистической партии (большевиков), в деле формирования белорусской национальной государственности и их отношение к данному процессу. В исследовании предпринимается попытка дать развернутый анализ причин, приведших к созданию Белорусской Социалистической Советской Республики, на фоне международного положения того времени и с учетом аналогичных процессов, протекавших у соседних с белорусами народов. Обосновываются новые подходы к изучению проблемы взаимоотношений правительств РСФСР и БССР, а также к прояснению той роли, которую правительство Ленина отводило белорусской республике в деле претворения в жизнь идей мировой социалистической революции. Определяется значение и место первой исторической формы самоопределения белорусской нации на советской основе, а также причины неудачи этой попытки.

Ключевые слова: государственность, БССР, независимость, Белнацком, I Всебелорусский съезд Советов, признание, суверенитет, нация.

A. A. Raichonak

Belarusian State Technological University

**TO THE 100TH ANNIVERSARY OF THE PROCLAMATION
OF THE BELARUSIAN SOCIALIST SOVIET REPUBLIC**

This article examines the process of creating the Belarusian statehood on the Soviet basis in 1919, as well as the events that preceded this step. The activities of various Soviet institutions, such as the Belarusian National Committee under the People's Commissariat for Nationalities, the Regional Executive Committee of the Western Region and the Front, the Belarusian sections of the Russian Communist Party (Bolsheviks) in the formation of the Belarusian national statehood and their relationship to this process. The study makes an attempt to provide a detailed analysis of the reasons that led to the creation of the Belarusian Socialist Soviet Republic against the backdrop of the international situation of that time and taking into account similar processes taking place among the neighboring peoples of Byelorussia. New approaches to the study of the problem of the relationship between the governments of the RSFSR and the BSSR, as well as to clarify the role that the Lenin government assigned to the Belarusian Republic in the implementation of the ideas of the world socialist revolution are justified. The significance and place of the first historical form of self-determination of the Belarusian nation on a Soviet basis, as well as the reasons for the failure of this attempt, is determined.

Key words: statehood, BSSR, independence, I All-Belarusian Congress of Soviets, recognition, sovereignty, nation.

Введение. 1 января 2019 г. будет не только первым днем наступающего года, но и днем столетия провозглашения Белорусской Социалистической Советской Республики. И хотя первая белорусская конституция, принятая 3 февраля 1919 г. на I Всебелорусском съезде Советов, закрепила другое название – Советская Социалистическая Республика Беларусь, мы приводим его именно в той форме, в которой оно впервые появилась в Манифесте временного рабочего правительства Беларуси 1 января 1919 г. Данный документ является эпохальным в истории становления белорусской государственности,

значение которого трудно переоценить, и его столетний юбилей является замечательным поводом, чтобы вернувшись к событиям начала XX в., заново переосмыслить происходившие тогда события с позиций современного состояния белорусской исторической науки.

Вопросы становления национальной государственности всегда находились в центре внимания исторической науки, не является исключением и белорусская историческая школа. Историография проблемы создания белорусской государственности на советской основе насчитывает вот уже не одно десятилетие, однако ин-

терес к данной проблематике не утрачен и до сегодняшнего дня, что делает актуальными дополнительные исследования данной темы.

Основная часть. Первые попытки самоопределения белорусской нации на советской основе начинаются в июле 1918 г., когда Белорусский национальный комиссариат при Народном комиссариате по делам национальностей РСФСР предлагает Советскому правительству «Проект декрета о создании Белорусского области». В нем, в частности, говорится: «1) Белорусская область представляет собой автономную политическую единицу, входящую в состав Российской Федеративной Республики на правах самостоятельности в своей хозяйственной и политико-административной жизни. 2) В состав входят: Смоленская, Могилевская, Витебская губернии, белорусские уезды Орловской и Псковской губерний».

Анализ данного документа позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, уже в июле Белнацком поднимает вопрос о создании белорусской автономии, при этом в виде не лозунга, а конкретного проекта декрета. Таким образом, это событие можно считать первой практической постановкой вопроса о самоопределении Беларуси на советской основе; во-вторых, проект создается в период между V Всероссийским съездом Советов (4–10 июля) и Всероссийским съездом беженцев из Беларуси (15–21 июля). Что означает, что его создатели основывались на решениях первого, который закрепил в Конституции РСФСР право наций на автономию, и рассчитывали осуществить его, опираясь на поддержку последнего. Как известно, съезд беженцев высказался за «свободную единую рабоче-крестьянскую Беларусь в тесном братском единении с Российской Советской Республикой» [1, с. 50]. В третьих, территория, на которой предполагалось объявить Белорусскую область, а это, как видно, неоккупированная часть этнографической Беларуси, свидетельствует о том, что объявление, по мнению инициаторов, должно было состояться срочно, не дожидаясь освобождения всей Беларуси, чтобы на этот момент уже иметь ядро будущей республики.

Эти проекты Белнацкома были проанализированы известным исследователем данного вопроса В. Круталевичем и из его анализа видно, что предложение о переименовании «Западной Коммуны» аргументировалось среди прочего и интересами идеологической борьбы – необходимостью создать противовес БНР [2, с. 314].

В сентябре 1918 г. белорусские секции РКП (б) через Белнацком вносят Северо-Западному обкому РКП (б) предложение о придании для неоккупированных районов Беларуси автономии в составе РСФСР или переименовании Западной об-

ласти в Белорусско-Литовскую коммуну. Это предложение было обкомом отклонено. Вообще весь 1918 год Облисполкомзап занимает позицию жесткого неприятия самой идеи самоопределения белорусской нации.

Как говорилось выше, попытки создания белорусской государственности в виде автономии делались белорусскими коммунистами давно, хотя и безрезультатно. Но 24 декабря ЦК РКП (б) внезапно принимает постановление о провозглашении БССР и одновременно поручает Северо-Западному обкому развернуть работу по национально-государственному строительству.

О внезапности этого шага свидетельствуют следующие события. Так, в телеграмме В. Ленина главнокомандующему Вацетису о поддержке Советских правительств на занимаемых Красной армией территориях от 29 ноября 1918 г. (речь идет о советских правительствах Украины, Литвы, Латвии и Эстонии) нет и упоминания о Беларуси. Кроме этого, в постановлении Северо-Западного областного комитета РКП (б) от 2 декабря 1918 г. о созыве 27 декабря 1918 г. VI очередной партийной конференции вопроса о провозглашении ССРБ тоже нет [3, с. 54].

25 декабря в ЦК РКП (б) вызываются белорусские коммунисты во главе с Д. Жилуновичем, и им предлагается составить список белорусского правительства. В тот же день И. В. Сталин ведет разговор по прямому проводу с А. Ф. Мясниковым, в котором ставит его перед фактом решения ЦК о создании белорусской советской республики. Показательно, что уже в этом разговоре И. Сталин точно не прояснил судьбу Могилевской и Витебской губерний, что дает основание считать: с самого начала Беларусь планировалось в рамках двух губерний – Минской и Гродненской [4, с. 414].

Чем же было вызвано это довольно быстрое решение? На этот счет исследователи приводят различные мнения, но сами большевики объясняли этот шаг международными обстоятельствами. Наиболее часто говорилось о создании буферной республики, чтобы отгородить Советскую Россию от враждебного капиталистического окружения, однако Беларусь с ее состоянием экономики и отсутствием собственных вооруженных сил не могла выполнять эту функцию и поэтому данное объяснение нельзя рассматривать как полностью серьезное.

Скорее целью создания буферной республики было не столько реальная попытка отгородиться от враждебной Европы, сколько возможность вести дипломатическую игру накануне Парижской мирной конференции, которая должна была подвести итоги Первой мировой войны.

В то время было хорошо известно, что Франция, как одна из стран победителей, будет

добиваться восстановления независимого польского государства в границах 1772 г. Польша была должна создать противовес Германии в Центральной Европе. Хотя это и не совсем нравилось Англии, но такое развертывание событий было вполне возможно, поскольку возрождение Польши поддерживали и США. В этих условиях большевики решили пойти на создание государства, которое могло бы претендовать на те же самые земли, поскольку они хотя и входили некогда в состав Речи Посполитой, но были населены белорусами. Таким образом, создание белорусского государства давало возможность поставить мировое сообщество перед фактом существования другого центра консолидации белорусских земель, который имел на это больше прав, чем Польша.

Дальнейшее объединение Беларуси и Литвы свидетельствует, на наш взгляд, о желании придать этим претензиям еще более основательный характер. ЛитБел фактически провозглашался в старых границах ВКЛ до второго раздела, которое, как известно, было одной из «федеративных» частей Речи Посполитой. Более того, учитывая лозунг большевиков о «перманентной революции», такое образование давало возможность расширения революции и на Польшу и осуществление популярной там идеи восстановления Речи Посполитой, но уже на советской основе.

В подтверждение этой мысли можно привести несколько документов того времени. Так, в протоколе объединенного экстренного заседания членов Белнацкома и представителей Центрального Бюро белорусских коммунистических секций РКП (б), которое состоялось 25 декабря 1918 г. в Москве, говорится: «тов. Жилунович сообщил собранию о том, что сегодня народный комиссар по делам национальностей т. Сталин, пригласив к себе по телефону ответственных сотрудников Белорусского национального Комиссариата, поднял вопрос о государственном устройстве Беларуси. С обмена мнениями выяснилось, что вследствие международных отношений, которые сложились, и в целях укрепления и расширения социалистической революции в мировом масштабе, в последнее время назрела необходимость провозглашения Беларуси как самостоятельной во всех отношениях нации, независимой социалистической Советской Республики» [5, л. 20].

Ссылки на международное положение имеются и в ряде других документов. Так, в докладе эмиссара ЦК РКП (б) А. Иофе от 22 января 1919 г. говорится: «Сейчас, после краха германского империализма, снова наступает период националистических побуждений. Этими устремлениями стремятся воспользоваться импе-

риалисты для создания республик, через и при помощи которых они могли бы влиять в желательном смысле на Советскую Россию. Чтобы избежать этого, а также непосредственного воздействия империализма на Россию, ЦК решено создать буфер, который выдержит первый натиск империалистов. В частности, необходимо отгородиться от польского и петлюровского империализма. На основании этих соображений ЦК постановил образовать Литовскую и Белорусскую Республику». Кажется, речь идет непосредственно о буфере в прямом смысле этого слова, но дальше он объясняет, что создание этих республик имеет и свою отрицательную сторону – расширение национализма. Чтобы избежать этого, говорит он, «мы должны положить конец сепаратизму и ввести Республику в период переговоров с Советской Россией о федерации. Включение Белорусской Республики в Советскую Россию на правах федерации уничтожает всю пользу существования буферов-республик, поскольку тогда все переговоры ведет Центральное правительство, т. е. самой России придется непосредственно принимать в них участие, поэтому ЦК решил лучшим в данном положении принять метод длительных переговоров о федерации. Исходя из этих соображений, ЦК предлагает: 1) ЦеБе ограничить размеры Белорусской Республики географически необходимыми пределами, т. е. Минской и Гродненской губ.; 2) обратиться к РСФСР с предложением о федерации» [5, л. 45].

Созданию Белорусской Республики безусловно придавался и пропагандистский характер. В ожидании мировой революции большевикам был нужен пример образцовых советских республик как прообраза «мировой федерации советских республик», о которой мечтал В. Ленин.

Таким образом, из вышеизложенного можно сделать вывод, что существование Советской Беларуси с самого начала носило противоречивый характер. С одной стороны, она рассматривалась как часть РСФСР и руководствовалась ее правительством, с другой стороны, она должна была выступать в качестве субъекта международного права.

Понятно, что такая неопределенность в положении республики не могла способствовать ее укреплению. Более того, она только углубляла раскол в ее руководстве между белорусскими коммунистами и деятелями бывшей Западной области.

Организационный разброд дополнялся еще тем, что решения о судьбе Беларуси принимались с ходу и иногда противоположные. Так, например, решение о судьбе Могилевской губернии (присоединять ее к России или оставить в составе Беларуси) в течение второй половины января принималось целых 4 раза.

Несмотря на протесты членов Центрального бюро КП (б) Б, которые отмечали разрушительный характер для национально-политического развития Беларуси решения об отсоединении восточных губерний Беларуси и слиянии тех, что остались, с Советской Литвой, 22 января под натиском А. Иоффе это постановление все-таки принимается.

Но белорусское руководство продолжает настаивать на его ошибочности. Так, 27 января 1919 г. ЦБ Беларуси решает «делегировать т.т. Пикель и Рейнгольд в ЦК для переговоров о границах Беларуси. ЦБ считает возможным исключить из состава Беларуси только одну Витебскую губернию» [5, л. 49]. Между тем центральное руководство, как видно из дальнейших событий, не согласилось даже на этот компромиссный вариант.

Поэтому на I Всебелорусском съезде Советов (02–03.02.1919) принимаются два почти противо-

положные решения. С одной стороны, утверждается провозглашение независимости ССРБ, а с другой – она тут же расторгается принятием решения о ее фактической ликвидации и образовании нового государственного организма – Социалистической Советской Республики Литвы и Беларуси, официальное название которой утверждается на объединенном заседании ЦК и ЦБ КПЛиБ 28 февраля 1919 г.

Выводы. Таким образом, подводя итоги, можно отметить, что воплощение белорусской национальной идеи произошло не в полном объеме. Это обуславливалось и относительной слабостью национально-демократического течения белорусского движения, и своеобразным пониманием проблем государственности среди белорусских коммунистов, которые были склонны ставить на первый план классовые, а не национальные вопросы.

Литература

1. Протокол, постановления и материалы Всероссийского съезда беженцев из Белоруссии в Москве 15–21 июля 1918 года. М., 1918. 56 с.
2. Круталевич В. А. Рождение Белорусской Советской Республики (На путях к провозглашению республики. Развертывание национально-государственного строительства. Октябрь 1917 – декабрь 1918 г.). Минск: Наука и техника, 1975. 335 с.
3. Ладысеў У. Ф., Брыгадзін П. І. На пераломе эпох: станаўленне беларускай дзяржаўнасці (1917–1920 гг.). Мінск: БДУ, 1999. 128 с.
4. Борьба за Советскую власть в Белоруссии, 1918–1920 гг.: сб. документов и материалов. В 2 т. Т. 1. Минск: Беларусь, 1968. 604 с.
5. НАРБ Ф. 60. Оп. 3. Д. 498.

References

1. *Protokol, postanovleniya i materialy Vserosijskogo s'ezda bezhentsjev iz Belorussii v Moskve 15–21 iyulya 1918 goda* [Minutes, resolutions and materials of the All-Russian Congress of refugees from Belarus in Moscow 15–21 July 1918]. Moscow, 1918. 56 p.
2. *Krutalevich V. A. Rozhdeniye Belorusskoy Sovetskoy Respubliki (Na putyah k provozglasheniyu respubliki. Razvertyvaniye natsional'no-gosudarstvennogo stroitel'stva. Oktyabr' 1917 – dekabr' 1918 g.)* [The birth of the Byelorussian Soviet Republic (On the way to the proclamation of the republic. Deploying nation-state construction. October 1917 – December 1918). Minsk, Nauka i tekhnika Publ., 1975. 335 p.
3. *Ladyseu U. F., Brygadzín P. I. Na peralome epokh: stanaulenne belaruskay dzyarzhavnastsi (1917–1920 gg.)* [At the turn of eras: formation of the Belarusian Statehood (1917–1920)]. Minsk, BSU Publ., 1999. 128 p.
4. *Bor'ba za Sovetskuyu vlast' v Belorussii, 1918–1920 gg.: sb. dokumentov i materialov* [The struggle for Soviet power in Belarus, 1918–1920. Collection of documents and materials]. Minsk, Belarus' Publ., 1968. 604 p.
5. NARB. Fund 60. I. 3. F. 498.

Информация об авторе

Райченко Александр Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Беларуси и политологии. Белорусский государственный технологический университет (220006 г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: raichonak@belstu.by

Information about the author

Raichonak Aleksandr Aleksandrovich – PhD (History), Assistant Professor, the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: raichonak@belstu.by

Поступила 10.03.2018

УДК 331.108.3–054.72(437)«1918/1939»

В. У. Коваль

Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт

**РОЛЯ СТУДЭНЦКІХ І ПРАФЕСІЙНЫХ АРГАНІЗАЦЫЙ
У ПРАЦЭСЕ САЦЫЛЬНА-ПСІХАЛАГІЧНАЙ АДАПТАЦЫІ
БЕЛАРУСКІХ ЭМІГРАНТАЎ У ЧЭХАСЛАВАКІІ (1918–1939 ГГ.)**

Артыкул даследуе ролю і ўплыў беларускіх студэнцкіх і прафесійных арганізацый на працэс сацыяльна-псіхалагічнай адаптацыі эмігрантаў у Чэхаславакіі з 1918 па 1939 гг. У даследаванні прадстаўлены асноўныя кірункі дзейнасці беларускіх студэнцкіх арганізацый і псіхалагічныя аспекты адаптацыйных працэсаў моладзі. Аўтар лічыць, што прафесійная дзейнасць беларускіх эмігрантаў была важным фактарам іх адаптацыі да новых умоў жыцця.

У артыкуле разглядаецца працэс развіцця нацыянальнай ідэнтычнасці беларусаў замежжа ў міжваенны перыяд. У даследаванні аналізуюцца палітычныя, адукацыйныя, прафесійныя і культурныя ўзаемасувязі паміж беларускімі і ўкраінскімі эмігрантамі. Асаблівая ўвага надаецца вывучэнню наступстваў культурнага шоку і акультурацыйнага стрэсу эмігрантаў ва ўмовах прымаючага грамадства. У артыкуле падкрэсліваецца кансалідуючая роля эмігранцкіх арганізацый, а таксама іх уплыў на развіццё палітычнага, эканамічнага, культурнага, адукацыйнага, нацыянальнага жыцця беларускай дыяспары ў Чэхаславакіі.

Ключавыя словы: беларуская эміграцыя, Чэхаславакія, дыяспара, псіхалагічная адаптацыя, сацыяльная адаптацыя, студэнцкая арганізацыя, прафесійная арганізацыя, нацыянальная ідэнтычнасць.

V. U. Koval

Belarusian State Technological University

**THE ROLE OF THE STUDENT'S AND PROFESSIONAL ORGANIZATIONS
IN THE SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL ADAPTATION
OF THE BELARUSIAN EMIGRANTS IN CZECHOSLOVAKIA (1918–1939)**

The article describes the role and influence of the Belarusian student's and professional organizations during the social and psychological adaptation of emigrants in Czechoslovakia from 1918 till 1939 years. It describes the activities of the Belarusian student's organizations and psychological aspects of the adaptation process of youth. The author believes that the professional activity of the Belarusian emigrants was the important factor for their adaptation to the new conditions of the life.

The article touches upon the process of development of the national identity among Belarusians abroad during the inter-war period. The political, education, professional and cultural ties between Ukrainian and Belarusian emigrants are analyzed in the research. The focus is made on the analysis of the cultural shock and acculturative stress of emigrants in the conditions of the host society. It describes the consolidating role of the emigratory organization, as well as their influence on the development of the political, economic, cultural, educational and national life of the Belarusian diaspora in Czechoslovakia.

Key words: Belarusian emigration, Czechoslovakia, diaspora, psychological adaptation, social adaptation, student's organization, professional organization, national identity.

Уводзіны. Гісторыя развіцця беларускай дыяспары ў Чэхаславакіі ў апошні час пачынае даследавацца больш актыўна і падрабязна. Асаблівасцю тэмы з'яўляецца шырокая крыніцазнаўчая база з ліку архіўных дакументаў, якія захоўваюцца ў архівах Чэхіі, Украіны, Беларусі і Расіі. Разнастайныя беларускія эмігранцкія палітычныя арганізацыі, навучальныя ўстановы, грамадскія аб'яднанні, культурныя цэнтры, гурткі, музеі, самадзейныя калектывы пакінулі значную дакументальную спадчыну, што патрабуе грунтоўнага аналізу пры вывучэнні дзейнасці дыяспары.

Асноўная частка. Развіццё беларускай эміграцыі ў Чэхаславакіі было звязана з этапамі правядзення «рускай акцыі», якая распачалася ў 1921 г. Акцыя ўяўляла сабой праграму падтрымкі эмігрантаў з тэрыторыі былой Расійскай імперыі, накіраваную на развіццё культурнага, адукацыйнага і навуковага патэнцыялу эміграцыі. У асяродку замежжа існавала перакананасць, што «руская акцыя» рэалізуецца ўрадам Чэхаславакіі за кошт расійскага золата, якое ў выніку грамадзянскай вайны ў Расіі засталася ў чэхаў. Безумоўна, праграма мела не толькі сацыяльна-культурныя, але і палітычныя мэты.

Механізмы легалізацыі і прававой адаптацыі для членаў беларускай, ўкраінскай і рускай дыяспар былі падобнымі, што аб'ядноўвала асоб розных нацый. Урад Чэхаславакіі дакладна адсочваў кантынгент эмігрантаў, кантраляваў іх дзейнасць, перыядычна праводзіў улік замежнікаў і ажыццяўляў дапамогу асобным групам. «Руская акцыя» актыўна праводзілася ў 1920-я гг., аднак ў 1930-х гг. праграму паступова згарнулі па прычыне адсутнасці фінансавання і развіцця афіцыйных чэшска-савецкіх адносін.

Важнай праблемай для даследавання нацыянальнай дыяспары з'яўляецца пытанне этнічнай ідэнтычнасці яе прадстаўнікоў, бо ў афіцыйных дакументах далёка не ўсе эмігранты пазначалі сябе беларусамі. Фармальна асноўная частка беларускай эміграцыйнай хвалі ў міжваенны перыяд мела польскія дакументы Другой Рэчы Паспалітай, што ўскладняе працэс гістарычнага даследавання. Псіхалагічная катэгорыя «этнічная ідэнтычнасць» мае асаблівае значэнне ў аналізе адаптацыйных працэсаў. Этнічная самаідэнтыфікацыя давала магчымасць эмігрантам усведамляць сваю прыналежнасць да пэўнай этнічнай супольнасці, рабіць ацэнку нацыянальнай дыяспары, развіваць супрацоўніцтва з метраполіяй, праяўляць свае этнічныя пачуцці, якія за мяжой адрозніваліся глыбокімі эмацыйнымі перажываннямі.

Спецыялісты лічаць этнічную ідэнтычнасць састаўной часткай сацыяльнай ідэнтычнасці асобы. Этнічныя псіхолагі падкрэсліваюць, што адаптацыя эмігранта да прымаючага грамадства звычайна адбываецца ва ўмовах «культурнага шоку». Тэрмін «культурны шок» у навуковы зварот быў уведзены К. Обергам, які лічыў, што ўваходжанне эмігранта ў новую культуру можа прывесці да дэзарыентацыі індывіда [1, с. 30]. Асобам прасцей справіцца з праявамі і наступствамі «культурнага шоку» ў выпадку, калі іх нацыянальная дыяспара з першых дзён пачынае ім аказваць падтрымку, уключае ў арганізацыйную працу, дапамагае легалізацыі ў дзяржаве-рэцыпіенце, стымулюе матэрыяльна. Палітыка міжваеннай Чэхаславакіі ў пытаннях эміграцыі абапіралася на ўмовы правядзення «рускай акцыі», таму дзяржаўная падтрымка для эмігрантаў была накіраваная на навуковыя кадры, творчую інтэлігенцыю і студэнцкую моладзь з тэрыторыі былой Расійскай імперыі.

Адаптацыя эмігрантаў – гэта працяглы і шматаспектны працэс. Праблемная адаптацыя асобы выяўляецца ў глыбокім перажыванні страты сацыяльнага асяродка, вострага адчування пачуцця адчужанасці, немагчымасці эфектыўна ўзаемадзейнічаць у іншакультурным соцыуме. У ходзе кантактаў з тытульнай нацыяй у эмігрантаў фарміруецца міжкультурная каму-

нікацыйная кампетэнтнасць. Адметнасць чэшскага грамадства была ў пазітыўным стаўленні да эмігрантаў славянскага паходжання, праявах талерантнасці, што можна патлумачыць гістарычна сфарміраванымі ўзаемасувязямі.

Гісторыя дыяспар непасрэдна залежыць ад актыўнасці яе членаў. У міжваенны перыяд у Чэхаславакіі праходзілі першыя стадыі фарміравання беларускай дыяспары, асобы аб'ядноўваліся з мэтай выжывання на чужыне, фарміравалася абшчына-анклаў. Важнай характарыстыкай сфарміраванай дыяспары з'яўляюцца яе арганізацыі, якія ажыццяўлялі сацыяльную падтрымку эмігрантам і забяспечвалі псіхалагічны камфорт. Складана вызначыць колькасць студэнтаў у Чэхаславакіі, бо дакладнай статыстыкі няма. На падставе матэрыялаў прэсы і ўспамінаў эмігрантаў магчыма выказаць меркаванне, што ў міжваенны перыяд там набывала адукацыю прыблізна 800 беларускіх студэнтаў.

Беларускай студэнцкай моладдзю ў Чэхаславакіі былі створаны асобныя арганізацыі: Аб'яднанне беларускага паступовага студэнцтва, Беларуская студэнцкая арганізацыя ў Празе, Аб'яднанне беларускіх студэнцкіх арганізацый, Арганізацыя беларускіх студэнтаў-марксістаў у Празе, Саюз студэнтаў-грамадзян БССР. Беларускія студэнты таксама прымалі актыўны ўдзел у рабоце Беларускага (Крывіцкага) культурнага таварыства імя Ф. Скарыны ў Празе, Беларускай Грамады, Беларускай Рады ў Празе, таварыстваў «Адзінства рускай культуры» і «Незалежнасць».

Для даследавання адаптацыйных працэсаў эмігрантаў неабходна разумець, што ў любы перыяд эміграцыя для канкрэтнага чалавека будзе звязаная з комплексам сацыяльна-псіхалагічных праблем. Асобы з высокім узроўнем адаптыўнасці хутчэй і прасцей спраўляюцца з цяжкасцямі, іх камунікацыйныя здольнасці дапамагаюць пераадоляваць моўны бар'ер, прымаць іншыя каштоўнасці грамадства. Неабходна падкрэсліць, што лінгвістычны фактар з'яўляецца адным з асноўных у працэсе сацыяльна-псіхалагічнай адаптацыі. Сацыяльная ізаляцыя эмігранта можа быць звязаная з невалоданнем мовай прымаючага грамадства, што стварае дадатковыя праблемы ў перыяд першапачатковай адаптацыі. Нацыянальныя грамадскія арганізацыі дапамагаюць эмігрантам развіваць сацыяльныя сувязі.

У міжваеннай Чэхаславакіі дзейнічалі беларускія палітычныя партыі, працавалі нацыянальныя студэнцкія аб'яднанні, творчыя гурткі, культурныя таварыствы, прафесійныя арганізацыі і навуковыя цэнтры. Члены беларускіх аб'яднанняў і суполак сустракаліся на з'ездах і вечарынах, дзе таксама маглі атрымаць сацыяльную падтрымку, пэўную параду ў юры-

дывных пытаннях ці падказку ў нормах паводзін дамінуючага этнасу. Адметнасцю камунікацый ў асяродку дыяспары была родная мова, таму пры актыўным удзеле ў жыцці эміграцыі і запатрабаванасці асобы ў арганізацыйнай рабоце асобам было прасцей справіцца са складанасцямі адаптацыі. На думку П. Бёрка, «размаўляць на той жа мове ці дыялекце, што і акружаючыя цябе людзі, – просты і эфектыўны спосаб праявіць салідарнасць; размаўляць на іншай мове ці дыялекце – такі ж эфектыўны спосаб супрацьпаставіць сябе іншым асобам ці групам» [2, с. 67]. Лінгвісты падкрэсліваюць, што замежная мова ад эмігрантаў патрабавала дадатковых намаганняў, што часта прыводзіла да перагрузкі, нервовага перананпружання. Арганізацыі дыяспары ў псіхалагічным плане дапамагалі пераадольваць адаптацыйны стрэс, родная мова здымала напружанне, а грамадская актыўнасць суполак спрыяла развіццю нацыянальнай самабытнасці і фарміраванню нацыянальнай самаідэнтычнасці.

Сваёй актыўнай і пасяховай працай у Празе вызначылася Аб'яднанне беларускіх студэнцкіх арганізацый. Статут АБСА быў зацверджаны чэшскімі ўладамі ў 1926 г., па якім выканаўчым органам быў Прэзыдыум (складаўся з 5 чалавек), арганізацыя мела 3 аддзелы: міжнародных адносін, прэсавы і гаспадарчы [3]. Адметнасцю АБСА для беларускай дыяспары было тое, што аб'яднанне стала вольным сябрам Міжнароднай студэнцкай канфедэрацыі (Confédération Internationale des Étudiants – С.І.Е.) ў 1926 г. [4], што значна павышала яе статус у асяродку эміграцыі. Аб'яднанне мела свае суполкі ў Рыме, Падэбрадах, Братыславе, Брно і іншых гарадах, развівала шырокія кантакты са студэнтамі ЗША, Францыі, Германіі, Латвіі, Літвы.

Беларускамоўная віленская прэса шырока асвятляла той факт, што Аб'яднанне беларускіх студэнцкіх арганізацый афіцыйна стала членам С.І.Е. Нягледзячы на матэрыяльныя цяжкасці беларускай эміграцыі, арганізацыя адпраўляла сваіх прадстаўнікоў на кангрэсы С.І.Е., дзе беларусы выступалі з дакладамі. Пры даследаванні перыядычных выданняў міжваеннага перыяду ў якасці гістарычных крыніц можна знайсці інфармацыю пра найбольш яркавыя выступы беларускіх студэнтаў у рамках дзейнасці канфедэрацыі. Напрыклад, на старонках газеты «Беларуская крыніца» было адзначана, што беларускія і ўкраінскія студэнты выступілі з дакладамі ў славянскай камісіі С.І.Е. 24 жніўня 1928 г. у Парыжы [5], ўзняўшы вострыя палітычныя і эканамічныя пытанні нацыянальнага развіцця.

З моманту афіцыйнага членства ў С.І.Е. аб'яднанне пачалі ўключаць у разнастайныя міжнародныя праекты. Былі прапановы ажыц-

цявіць абмен студэнтамі, аднак ідэя не была рэалізаваная. Актыўна праводзіўся абмен падручнікамі і перыядычнымі выданнямі. Цікавым кірункам супрацоўніцтва стала арганізацыя платных экскурсій для беларускіх студэнтаў, геаграфія якіх была дастаткова шырокай. На старонках газеты «Сялянская ніва» засталася інфармацыя пра навіны АБСА: «У сучасны момант аддзел вядзе перапіску з III камісіяй СІЕ аб студэнцкіх экскурсіях, якія ладзіць вышэй-памянутая камісія. Экскурсіі маюць адбыцца ў Атэны (Грэцыя), да Паўночнае і Паўднёвае Афрыкі (паасобна), Паўночнае Амэрыкі, Жэнэвы (Швайцарыя) і нарэшце іх канфэрэнцыя СІЕ ў Рыме» [6]. Складана ацаніць рэалізацыю амбіцыйных праектаў вандровак, бо для даследавання не хапае інфармацыі. Падобныя платныя экскурсіі былі занадта дарагімі для беларускіх студэнтаў, аднак прапановы прыняць удзел у падарожжах пакідалі надзею і давалі каштоўны вопыт супрацоўніцтва на міжнародным узроўні.

АБСА было членам Міжнароднай студэнцкай канфедэрацыі да 1938 г. Абапіраючыся на юрыдычны бок, польскія прадстаўнікі дамагліся выключэння арганізацый беларусаў і украінцаў з С.І.Е., што выклікала шчырае абурэнне эмігрантаў, а перыядычныя выданні адразу адрэагавалі вострай крытыкай.

Кансалідацыйнай беларускага студэнцтва ў Чэхаславакіі актыўна займалася Беларуская Рада ў Празе. Асноўныя мэты Рады былі акрэсленыя ў яе статуте. Арганізацыя павінна была займацца культурнай і выдавецкай дзейнасцю, весці ўлік беларускіх эмігрантаў, накіроўваць матэрыяльную дапамогу, якую афіцыйна ажыццяўляла беларускаму студэнцтву чэшская ўлада [7]. Дзейнасць Беларускай Рады ў Празе дакладна рэгламентавалася заканадаўствам краіны. Асноўнымі кіруючымі органамі Рады былі Прэзыдыум і Рэвізійная камісія. Рада надавала пытанню матэрыяльнай падтрымкі беларускай студэнцкай моладзі ў Чэхаславакіі першаснае значэнне, аднак рэалізацыя дапамогі ажыццяўлялася ў залежнасці ад сродкаў, якія паступалі нерэгулярна. Напрыклад, у пратаколе № 3 сходу Прэзыдыума Беларускай Рады ад 11 лістапада 1923 г. пазначалася, што Рада будзе аказваць матэрыяльную дапамогу беларускім студэнтам, якія не атрымалі стывендыю, у памеры 3 чэшскія кроны ў дзень (планавалася выдаваць грошы на 2 дні наперад) [8]. Пратаколы сведчаць, што пэўны час падобная матэрыяльная падтрымка была, рэалізоўваліся мерапрыемствы па ўліку студэнтаў, якія жылі ў вялікай нястачы і мелі патрэбу ў дапамозе. Сход Прэзыдыума рэгулярна разглядаў заявы студэнтаў з просьбамі аб фінансавай падтрымцы, па магчымасці іх здавальняў. Кіраўніцтву Беларускай Рады ў Празе хутка стала

зразумела, што немагчыма дапамагчы ўсім, рэсурс абмежаваны, менавіта таму ўмовы дапамогі пачалі мяняцца. Грошы беларускім студэнтам сталі даваць у якасці пазыкі, якую патрэбна было вяртаць са стыпендыі.

Значны ўплыў на развіццё студэнцкага руху замежжа аказаў Чэшска-ўкраінскі камітэт дапамогі ўкраінскім і беларускім студэнтам у г. Прага, які дзейнічаў з 1921 па 1929 гг. У Цэнтральным дзяржаўным архіве вышэйшых органаў улады і кіравання Украіны захоўваюцца дакументы камітэта, якія ілюструюць розныя кірункі дапамогі моладзі. Неабходна падкрэсліць, што нават у Статуце арганізацыі пазначалася, што камітэт планаваў ажыццяўляць не толькі матэрыяльную, але і маральную падтрымку ўкраінцам і беларусам у Чэхаславакіі [9]. Шматлікія дакументы архіўнага фонду сведчаць, што арганізацыя ўважліва адсочвала паспяховасць студэнтаў, стымулявала выдатнікаў, павышала матывацыю моладзі ў працэсе навучання, члены камітэта аказвалі сацыяльную падтрымку студэнтам у выпадку неабходнасці. Камітэт накіроўваў стыпендыі, прадукты, вопратку не толькі студэнтам, але і гімназістам, слухачам прафесійных курсаў з ліку эмігрантаў. У 1931 г. адбыліся рэарганізацыі, у выніку якіх быў створаны Дапамогавы фонд украінскага і беларускага студэнцтва ў Празе. Фонд меў абмежаваныя магчымасці, яго матэрыяльная падтрымка была нязначная, у асноўным з сум дабрачынных ахвяраванняў.

Беларускае (Крывіцкае) культурнае таварыства імя Ф. Скарыны было створана беларускімі эмігрантамі ў 1926 г. у Празе (каля 50 студэнтаў 5 чэрвеня 1926 г. сталі яго арганізатарамі) [10]. Друкаваным органам Беларускага культурнага таварыства імя Ф. Скарыны быў часопіс пад назвай «Іскры Скарыны». Перыядычнае выданне ўздымала пытанні беларускага студэнцтва, пісала пра матэрыяльныя цяжкасці і неэфектыўнасць дапамогі, якую намагаліся арганізаваць фонды і камітэты. Газета «Кур'ер Віленскі» (№ 218 ад 02.08.1935) давала дакладную характарыстыку выданню «Іскры Скарыны»: «Гэты часопіс прадстаўляе агляд жыцця беларускай моладзі ў эміграцыі» [11]. Неабходна падкрэсліць, што «Іскры Скарыны» рыхтаваў да друку малады і дынамічны калектыў, ідэі якога падабаліся чытачам з ліку беларускіх студэнтаў. Часопіс выдаваўся з 1931 па 1935 гг. у Празе. Супрацоўнікамі выдання былі Т. Грыб, В. Захарка, актыўна кантактаваў з рэдакцыяй В. Русак [12]. У Нацыянальным архіве Рэспублікі Беларусь захавалася карэспандэнцыя і матэрыялы часопіса (асобныя артыкулы, лісты ў рэдакцыю, адрасы і г. д.). Пра папулярнасць часопіса ў асяродку замежжа

сведчыць ліст з Нью-Йорксай публічнай бібліятэкі ад 14 кастрычніка 1937 г. з просьбай даслаць нумары часопіса «Іскры Скарыны» ў сховішча ЗША для камплектавання фондаў замежных перыядычных выданняў [13]. У лісце падкрэслівалася, што бібліятэка мела багатую калекцыю прэсы, бо шматлікія выданні з розных краін свету дасылалі туды свае нумары ў якасці падарункаў. У афіцыйным звароце з Нью-Йорксай установы пазначалася, што бібліятэка мае пяты нумар часопіса «Іскры Скарыны» за май 1935 г., аднак для камплектавання калекцыі прэсы ўзнікла патрэба атрымаць усе папярэднія нумары, у лісце была сфармуляваная ветлівая просьба дасылаць выданне ў ЗША рэгулярна. Нягледзячы на зварот амерыканскіх бібліятэкараў, «Іскры Скарыны» ў 1937 г. ужо не выходзілі, таму ў эмігрантаў не было магчымасці ў поўнай ступені задаволіць просьбу.

Прэса беларускай дыяспары дапамагала асобам спраўляцца з праявамі акультурацыйнага стрэсу і цяжкасцямі адаптацыі. Важнымі выданнямі для беларускай моладзі ў Чэхаславакіі таксама былі часопісы «Беларускі студэнт», «Перавясла», «Прамень», «Наш Прамень», «Новы Прамень». Газеты і часопісы на роднай мове спрыялі развіццю камунікацыйных сувязей моладзі, стымулявалі развіццё нацыянальнай ідэі, аказвалі ўплыў на фарміраванне вобразу Радзімы ў асяродку замежжа.

Значная частка беларускіх студэнтаў у Чэхаславакіі набывала тэхнічную спецыяльнасць, з якой эмігрантам было прасцей пачынаць сваю прафесійную дзейнасць у іншакультурным асяродку нават без дасканалы вядання чэшскай мовы. Сярод беларусаў замежжа былі хімікі-тэхнолагі, інжынеры лесагаспадарчай справы, інжынеры-гідратэхнікі, інжынеры-эканамісты і г. д. Тэхнічную беларускую інтэлігенцыю рыхтавала Пражская палітэхніка, Карлаў універсітэт, Украінскі тэхнікагаспадарчы інстытут. Беларускімі спецыялістамі ў Чэхаславакіі былі створаны асобныя прафесійныя арганізацыі: Украінска-беларуская суполка студэнтаў-аграномаў, Грамада ўкраінскіх і беларускіх студэнтаў лясной інжынеры ў Празе, Цэнтральнае бюро працы ўкраінскай і беларускай акадэмічнай эміграцыі ў Чэхіі [14, с. 79–85]. Назвы арганізацый сведчаць, што беларускія студэнты актыўна супрацоўнічалі з украінскай моладдзю, аднак для грунтоўнага аналізу дзейнасці не хапае матэрыялаў. Цэнтральнае бюро працы лічыла сваёй асноўнай мэтай знаходзіць працоўныя месцы для беларускіх і ўкраінскіх эмігрантаў, якія ўжо атрымалі свае дыпламы. У бюро ўваходзілі асобныя студэнцкія арганізацыі. Пра дзейнасць Грамады ўкраін-

скіх і беларускіх студэнтаў лясной інжынерыі ў Празе падрабязную інфармацыю знайсці складана. На дакументах украінскай эміграцыі засталася выява пячаткі арганізацыі, дзе сімвалічна пазначана поўная назва грамады на чэшскай, беларускай і ўкраінскай мовах.

Кансалідацыя прадстаўнікоў дыяспар у міжваенны перыяд нярэдка адбывалася на аснове агульных інтарэсаў і прафесійных ведаў. Ствараліся аб'яднанні асоб адной нацыянальнасці з пэўнымі захапленнямі ці агульнай прафесійнай дзейнасцю. Беларусы замежжа імкнуліся далучыцца да падобных арганізацый, добра разумеючы саму тэндэнцыю іх стварэння і развіцця. Прыкладам для беларускіх эмігрантаў былі аб'яднанні больш колькасных і дынамічных дыяспар, значная ўвага надавалася дзейнасці ўкраінцаў замежжа. Украінская эміграцыя вылучалася шырокім спектрам прафесійных суполак і аб'яднанняў. Актыўна развівалася ў Празе Украінскае гісторыка-філалагічнае таварыства, дзейнічала Суполка ўкраінскіх урачоў у Чэхіі, грамадскія акцыі і вечарыны праводзіла Украінскае юрыдычнае таварыства, актыўнай выдавецкай дзейнасцю займалася Украінскае педагагічнае таварыства, тэхнічную інтэлігенцыю аб'ядноўваў Саюз арганізацый інжынераў-украінцаў і г. д.

Мэты і задачы прафесійных суполак і аб'яднанняў дакладна акрэсліваў іх статут. У Чэхаславакіі арганізацыі эмігрантаў падлягалі абавязковай рэгістрацыі, пералік дакументаў і працэдура рэгістрацыі рэгламентавалася заканадаўствам краіны. Напрыклад, у статуте Украінскага педагагічнага таварыства, якое ўзначальваў таленавіты вучоны і педагог Ст. Сыраполка, падкрэслівалася, што арганізацыя непалітычная, ставіць сабе за мэту ладзіць кніжныя выставы педагагічнай літаратуры, займацца выдавецкай дзейнасцю, праводзіць педагагічныя конкурсы і з'езды [15]. На падставе матэрыялаў архіва горада Прагі можна зрабіць выснову, што Украінскае педагагічнае таварыства дакладна прытрымлівалася акрэсленых кірункаў працы.

Станоўчы вопыт дзейнасці прафесійных суполак і таварыстваў іншых дыяспар стымуляваў беларускую грамаду ў Чэхаславакіі. У 1927 г. узнікла ідэя арганізаваць Беларускаю Пчалярскую Суполку ў Празе, якая б магла прадстаўляць інтарэсы пчаляроў-беларусаў [16]. На думку арганізатараў, суполка павінна была ладзіць выставы, займацца абменам вопытам і спе-

цыяльнай літаратурай, прадаваць вуллі, воск і мёд. Ідэя стварыць беларускую прафесійную суполку пачала гучаць напярэдадні адкрыцця выставы пчалярскай вытворчасці. У чэрвені 1927 г. у Празе праводзіўся 3-зед славянскіх пчаляроў, у рамках якога працавала выстава вуллёў, літаратуры па пчалаводству, быў арганізаваны продаж мёду [17]. Беларускія эмігранты планавалі афіцыйна прымаць удзел у мерапрыемстве пад кіраўніцтвам спецыяльна створанай арганізацыі – Пчалярскага гуртка у Празе. Менавіта афіцыйнае прадстаўніцтва давала дазвол на продаж уласнай прадукцыі ў рамках буйной выставы.

Беларусы замежжа лічылі традыцыі пчалярства сваёй нацыянальнай адметнасцю. Пасля Першай сусветнай вайны ўзнікла неабходнасць аднавіць вытворчасць пчалярства, а рост попыту на мёд стымуляваў працэс аднаўлення. Для беларускіх эмігрантаў стварэнне пчалярскай суполкі і ўдзел у камерцыйнай выставе давалі магчымасць атрымаць легальны заробак. Індывідуальная адаптацыя асоб праходзіць значна прасцей у выпадку рэгулярных заробкаў, аднак праблема фінансавай нестабільнасці і пабытовай неўладкаванасці ў асяродку беларусаў Чэхаславакіі стаяла востра, часам нават крытычна.

Заклучэнне. Такім чынам, студэнцкія і прафесійныя аб'яднанні беларускай эміграцыі спрыялі сацыяльна-псіхалагічнай адаптацыі ў іншакультурным асяродку, на мерапрыемствах і нарадах збіраліся людзі з аднолькавымі праблемамі, там можна было атрымаць сацыяльную падтрымку ці параду, пераадолюючы наступствы «культурнага шоку». Беларускія арганізацыі аказвалі матэрыяльную і маральную дапамогу эмігрантам, спрыялі кансалідацыі дыяспары, аказвалі ўплыў на фарміраванне нацыянальнай самаідэнтычнасці і самабытнасці ў асяродку замежжа.

Развіццё эмігранцкіх арганізацый у міжваеннай Чэхаславакіі адбывалася ў рамках праграмы «руская акцыя», па якой чэшскі ўрад кантраляваў і падтрымліваў суполкі і аб'яднанні эмігрантаў. Беларускія эмігранты імкнуліся супрацоўнічаць з іншымі дыяспарамі, развівалі міжнародныя сувязі, прадстаўлялі свае палітычныя перакананні на міжнародным узроўні. Асобы, якія праяўлялі сваю грамадскую пазіцыю і актыўнасць, прасцей спраўляліся з цяжкасцямі працяглага і шматаспектнага працэсу сацыяльна-псіхалагічнай адаптацыі.

Літаратура

1. Крупник Е. П. Национальное самосознание. Введение в проблему. М.: Моск. психолого-социальный ин-т, 2006. 144 с.
2. Ковалев М. В. «Чешский язык для меня труден...». Русская эмиграция в чешском лингвистическом пространстве в 1920–1930-е годы // На рубеже культур: Русская эмиграция в межвоенной Чехословакии: сб. ст. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2012. С. 67–77.

3. Прэзыдыум. 3 жыцця студэнтаў // Сялянская ніва. 1927. № 31. С. 3.
4. НАРБ. Фонд 459. Воп. 1. Спр. 5. Арк. 3.
5. S-g. List z Francyi // Bielaruskaja Krynica. 1928. № 45. S. 1.
6. Прэзыдыум АБСА. Аддзел міжнародных зносін АБСА // Сялянская ніва. 1927. № 33. С. 3.
7. НАРБ. Фонд 571. Воп. 1. Спр. 1. Арк. 1.
8. НАРБ. Фонд 571. Воп. 1. Спр. 2. Арк. 6.
9. Цэнтральны дзяржаўны архіў вышэйшых органаў улады і кіравання Украіны (ЦДАВО Украіны). Фонд 3920. Воп. 1. Спр. 1. Арк. 15.
10. А. А. Krywickaje (Bielaruskaje) Kulturnaje Tawarystwa D-ra Franciska Skaryny // Krynica. 1926. № 28. S. 7.
11. НАРБ. Фонд 567. Воп. 1. Спр. 26. Арк. 5.
12. НАРБ. Фонд 459. Воп. 1. Спр. 1. Арк. 53 зв.
13. НАРБ. Фонд 567. Воп. 1. Спр. 26. Арк. 9.
14. Наріжний С. Українська еміграція. Культурна праця української еміграції між двома сусветнымі вайнамі: репринтне выданьне. Львів; Кент; Острог: Наукое товариство ім. Шевченка у Львові, 2008. 482 с.
15. Archiv hlavního města Prahy (Архіў горада Прагі). Fond Solkový katastr (Фонд Федэральны кадастр). Спр. IX/0714. Ukrajinský pedagogický spolek (Украінскае педагагічнае таварыства).
16. Пчаляр. Беларускія пчаляры! // Сялянская ніва. 1927. № 23. С. 4.
17. Выстаўка пчалярскіх вытворай // Сялянская ніва. 1927. № 23. С. 3.

References

1. Krupnik E. P. *Natsional'noye samosoznaniye. Vvedeniye v problemu* [National consciousness. Introduction to a problem]. Moscow, Moskovskiy psihologo-sotsialnyiy institut Publ., 2006. 144 p.
2. Kovalov M. V. "Czech is a difficult for me..." The Russian emigration in the Czech linguistic space in 1920–1930. *Na rubezhe kultur: Russkaya emigratsiya v mezhoennoy Chechoslovakii* [At a boundary of cultures: The Russian emigration in interwar Czechoslovakia]. Moscow, In-t slavyanovedeniya RAN Publ., 2012, pp. 67–77 (In Russian).
3. Presidium. From the life of students. *Syalyanskaya niva* [Rural Field], 1927, no. 31, p. 3 (In Belarusian).
4. NARB. Fund 459. I. 1. F. 5. L. 3.
5. The letter from France. *Belaruskaya krynitsa* [Belarusian Source], 1926, no. 3, p. 8 (In Belarusian).
6. Presidium ABCA. The department of the international relations. *Syalyanskaya niva* [Rural Field], 1927, no. 33, p. 3 (In Belarusian).
7. NARB. Fund 571. I. 1. F. 1. L. 1.
8. NARB. Fund 571. I. 1. F. 2. L. 6.
9. Central State Archive of Supreme Governments and Administrations Ukraine. Fund 3920. I. 1.F. 1. L. 15.
10. Kryvitska (Belarusian) Cultural Association named by doctor F. Skoriny. *Krynitsa* [Source], 1926, no. 28, p. 7 (In Belarusian).
11. NARB. Fund 567. I. 1. F. 26. L. 5.
12. NARB. Fund 459. I. 1. F. 1. L. 53.
13. NARB. Fund 567. I. 1. F. 26. L. 9.
14. Narizhny S. *Ukrayinska emigratsiya. Kulturna pratsya ukrayinskoyi emigratsiyi mizh dvoma svitovimi viynami: reprintne vidannya* [Ukrainian emigration. Cultural work of the Ukrainian emigration between two World wars: reprint edition]. Lviv; Kent; Ostrog, Naukove tovaristvo im. Shevchenka u Lvovi Publ., 2008. 482 p.
15. Prague City Archives. Fund Federal inventory. F. IX/0714. Ukrainian pedagogical society.
16. Beekeeper. Belarusian beekeepers. *Syalyanskaya niva* [Rural Field], 1927, no. 23, p. 4 (In Belarusian).
17. Exhibition of the beekeeping production. *Syalyanskaya niva* [Rural Field], 1927, no. 23, p. 3 (In Belarusian).

Інфармацыя пра аўтара

Коваль Вольга Уладзіміраўна – кандыдат гістарычных навук, старшы выкладчык кафедры гісторыі Беларусі і паліталогіі. Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт (220006, г. Мінск, вул. Свядлова, 13а, Рэспубліка Беларусь). E-mail: sunny_san@rambler.ru

Information about the author

Koval Volha Uladzimirauna – PhD (History), Senior Lecturer, the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., Minsk, Republic of Belarus). E-mail: sunny_san@rambler.ru

Паступіў 10.09.2018

УДК 821.161.3«1920/1930»

І. У. Каляда

Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт

НАЦЫЯНАЛЬНА-ЭТНІЧНЫЯ ПРАЦЭСЫ НА БЕЛАРУСІ Ў 1920-Я ГГ.

У артыкуле разглядаюцца пытанні правядзення нацыянальна-дзяржаўнай палітыкі, вядомай як беларусізацыя, пры распрацоўцы і ажыццяўленні якой неабходна было ўлічваць шматнацыянальны склад насельніцтва Беларусі, яго сваеасаблівае рассяленне на тэрыторыі рэспублікі. Увага засяроджваецца перш за ўсё на такім накірунку, як развіццё культуры нацыянальных меншасцей, для якіх стваралася сістэма экстрэрытарыяльнай аўтаноміі; у школьнай справе вызначаўся прынцып забеспячэння правоў і магчымасцей кожнай нацыянальнасці навучаць дзяцей на роднай мове; спрыяльныя ўмовы былі створаны для развіцця літаратуры, тэатральнага мастацтва. Змяніліся адносіны да беларускай мовы, якой быў нададзены статус дзяржаўнай, а таксама былі прызнаныя раўнапраўнымі з ёй руская, яўрэйская і польская мовы.

Ключавыя словы: нацыянальная культура, палітыка беларусізацыі, нацыянальныя меншасці, беларуская мова, адукацыя, тэатральнае мастацтва, прафесійныя кадры.

I. U. Kolyada

Belarusian State Technological University

NATIONAL ETHNIC PROCESSES IN BELARUS IN 1920'S

The article deals with issues of national public policy, known as Belarusization, the design and implementation of which it was necessary to take into account the multi-ethnic composition of the population of Belarus, its original settlement on the territory of the republic. Attention focuses primarily on such areas as the development of national minority cultures, which created a system of extraterritorial autonomy; the school actually determined by the principle of the right of every nationality i opportunities to educate their children in their native language; favorable conditions have been created for the development of literature, theater. The attitude to the Belarusian language, which was given the status of the state, and were recognized as equal with her Russian, Hebrew and Polish.

Key words: national culture, Belarusization policy, national minorities, the Belarusian language, education, performing arts, professional staff.

Уводзіны. У гісторыі нашай краіны 1920-я гады вядомыя як час правядзення беларусізацыі – палітыкі нацыянальна-дзяржаўнага і нацыянальна-культурнага будаўніцтва. Афіцыйны статус дзяржаўнай яна атрымала з прыняццем на II сесіі ЦВК БССР (ліпень 1924 г.) пастановы «Аб практычных мерапрыемствах па правядзенні нацыянальнай палітыкі» і рэзалюцыі пленума ЦК КП(б)Б (ліпень 1924 г.) «Аб праграме работ па правядзенні нацыянальнай палітыкі партыі ў Беларусі». Згодна гэтым пастановам, раўнапраўнымі на тэрыторыі Беларусі абвяшчаліся беларуская, руская, яўрэйская і польская мовы. Да гэтага часу на Беларусі ўжывалася пераважна руская мова. Беларуская мова выконвала мізэрны аб'ём сацыяльных функцый, нягледзячы на тое, што карэннае насельніцтва складала 80%. Для ўжывання яўрэйскай і польскай моў таксама не знаходзілася месца ў грамадскім жыцці, хаця на іх носбітаў прыпадаў значны працэнт у агульным складзе насельніцтва Беларусі.

Вызначаныя ў пастановах меры па беларусізацыі адкрывалі шырокія магчымасці для

ажыццяўлення ідэй беларускага адраджэння, адначасова звярталася ўвага на такія асаблівасці, як нацыянальны і сацыяльны склад насельніцтва, яго своеасаблівае рассяленне на тэрыторыі рэспублікі, нізкі ўзровень эканамічнага развіцця краіны і інш.

Асноўная частка. Па перапісе 1926 г., пасля другога ўзбуйнення БССР доля беларусаў у агульным складзе насельніцтва складала 80,6% (1922 г. – 74,8%), яўрэяў – 8,2%, рускіх – 7,7%, палякаў – 2%, украінцаў – 0,7%, латышоў – 0,3%, літоўцаў, немцаў, татараў – па 0,1%, усіх іншых – 0,2% [1, с. 60]. Як бачна, яўрэі, рускія, палякі з'яўляліся найбольш вялікімі нацыянальнымі меншасцямі.

Беларусы галоўным чынам пражывалі ў вёсках, яўрэі, у сілу існаваўшай пры царызме рысы асёдласці, канцэнтраваліся ў мястэчках і гарадах, складаючы часам да 40–60% колькасці іх жыхароў. У гарадах большай часткаю пражывалі і рускія, хаця нямала іх было і ў сёлах. Астатнія нацыянальныя меншасці жылі як у гарадах, так і ў вёсках, утвараючы нярэдка даволі кампактныя групы. Такое рассяленне стварала

свайго роду нацыянальны разрыў паміж горадам і вёскай, а таксама ўносіла спецыфіку ў моўнае становішча – рускамоўны горад і беларускамоўная вёска.

Інтэрэсы нацыянальных меншасцей, якія жылі на тэрыторыі Беларусі, не засталіся без увагі, што стала характэрнай рысай беларусізацыі. Беларускія нацыянальна-дэмакратычныя дзеячы, у тым ліку і савецкага перыяду, добра разумелі, што поспехі на шляху нацыянальнага адраджэння будуць залежаць і ад таго, як успрымуць новую палітыку іншыя этнічныя супольнасці. Адносіны да іх мовы і культуры былі аналагічнымі адносінам да беларускай мовы і культуры. Іх развіццё падтрымлівалася, забяспечвалася матэрыяльна і арганізацыйна. І дзякуючы гэтаму, з боку прадстаўнікоў некарэннай нацыянальнасці не назіралася якіх-небудзь сур'ёзных пярэчанняў, супраціўлення гэтай палітыцы. Больш таго, беларусізацыя 1920-х гг. дала багата прыкладаў плённай працы прадстаўнікоў рускай, польскай, яўрэйскай, украінскай і іншых нацыянальнасцей на ніве беларускай культуры.

Адзначым тое, што для гэтых народаў стваралася сістэма так званай эктэрытарыяльнай аўтаноміі, якая прадугледжвала арганізацыю сельскіх і гарадскіх нацыянальных Саветаў там, дзе жыло больш чым 500 прадстаўнікоў той ці іншай нацыянальнасці. І калі ў 1924 г. у Беларусі існавала ўсяго 9 нацыянальных Саветаў (7 яўрэйскіх і 2 латышскіх), то ў 1929 г. – 67 (23 яўрэйскіх, 19 польскіх, 16 расійскіх, 5 латышскіх, 2 украінскіх і 2 нямецкіх) [2, с. 32]. Для больш чым 10 тыс. прадстаўнікоў гэтых народаў ствараліся нацыянальныя раёны, на тэрыторыі якіх ажыццяўлялася свая мінікарэнізацыя і мінінацыяналізацыя. Напрыклад, такі раён быў створаны недалёка ад Мінска з цэнтрам у мястэчку Койданава (Польскі нацыянальны раён імя Ф. Дзяржынскага).

Пры арганізацыі нацыянальных Саветаў галоўнай мэтай ставілася пераадоленне міжнацыянальных варожых адносін. Да таго ж дзейнасць нацсаветаў садзейнічала гаспадарчаму ўздыму, развіццю кааперацыі, абуджэнню нацыянальнай самасвядомасці, павышэнню культурнага ўзроўню. Разам з тым у рабоце Саветаў назіраліся сур'ёзныя недахопы і адмоўныя моманты. У шматлікіх партыйных і савецкіх дакументах, запісках, дасланых у ЦВК БССР, адзначалася, што ў некаторых мясцінах пры арганізацыі нацыянальных Саветаў увасабляліся выключна нацыянальныя прынцыпы без уліку тэрытарыяльных. Былі выпадкі, калі яўрэйскія месчачковыя Саветы абслугоўвалі толькі яўрэйскае насельніцтва, а ўсе астатнія, хто пражываў на тэрыторыі гэтага Савета, вымушаны былі звяртацца ў сельскі

савет, размешчаны даволі далёка (напрыклад, так было ў Мазырскай акрузе).

Вядома, такая арганізацыя не садзейнічала ўзаемаразуменню між нацыянальнасцямі, часам прыводзіла да палітычных, сацыяльных супярэчнасцей і канфліктаў ва ўзаемаадносінах паміж рознымі нацыянальнымі супольнасцямі.

У комплексе ўсіх распрацаваных мерапрыемстваў па беларусізацыі грамадскага жыцця ў рэспубліцы першачарговае значэнне надавалася сістэме народнай адукацыі. Зыходным прынцыпам нацыянальнай палітыкі ў школьнай справе вызначаўся прынцып забеспячэння правоў і магчымасцей кожнай нацыянальнасці, пражываючай на Беларусі, навучаць дзяцей на роднай мове адпаведна іх удзельнай вазе ў агульнай колькасці насельніцтва і жаданню бацькоў. Палітыка беларусізацыі з яе прыярытэтам беларускай мовы і культуры ні ў сваіх гістарычных вытоках, ні ў час свайго найвышэйшага ўзлету ў 1920-я гг. ніколі не несла ў сабе пагардлівых адносін да моў і культур іншых народаў. Наадварот, адносіны да іх былі аналагічнымі адносінам да беларускай мовы і беларускай культуры. Побач з беларускімі адчыняліся школы і класы з роднай мовай выкладання для прадстаўнікоў нацыянальных меншасцей: рускай, яўрэйскай, польскай, украінскай і інш.

Хутка развівалася сетка яўрэйскіх школ. Калі ў 1924/25 навучальным годзе ў БССР дзейнічала 87 пачатковых і 42 сямігадовыя яўрэйскія школы з ахопам да 19 тыс. вучняў, то ўжо ў 1926/27 навучальным годзе колькасць пачатковых школ павялічылася да 132–147, а сямігадовых – да 50–53, што складала адпаведна 3 і 18% ад агульнай колькасці такіх школ у рэспубліцы. Агульная колькасць вучняў складала больш за 24 тыс. чалавек [3, с. 254]. Адкрыццё школ садзейнічала павелічэнню ахопу навучаннем дзяцей яўрэйскай нацыянальнасці.

У той жа час неабходна адзначыць, што ў пачатку 1920-х гг. у рэспубліцы былі забаронены ўсе ўстановы традыцыйна-рэлігійнай яўрэйскай адукацыі. Яшчэ ў верасні 1921 г. было прынята рашэнне Наркамсветы БССР аб закрыцці хэдэраў (прыватных яўрэйскіх школ) і пераўтварэнні іх у «совшколы». Гэта была цэлая кампанія, якая суправаджалася моцнай агітацыяй – сходамі яўрэй-камуністаў, мітынгамі і іншымі мерапрыемствамі. Падобныя абставіны прыводзілі ў асобных выпадках да абасобленасці часткі яўрэйў і нават узнікнення антысавецкіх настрояў.

Работа па арганізацыі польскіх школ прайшла больш складана ў сувязі з распыленасцю пражывання польскага насельніцтва. Тут ствараліся аднакамплектныя школы. Але мелі месца выпадкі, калі яны адчыняліся сярод

беларусаў-католікаў, якія не заўсёды жадалі вучаць польскую мову.

У выніку абмеркавання пытання аб школьным будаўніцтве сярод гэтай катэгорыі насельніцтва ў жніўні 1925 г. было прынята рашэнне аб паступовым пераводзе школ, якія абслугоўвалі беларусаў-католікаў, на беларускую мову, пры гэтым намячалася пакінуць польскую мову як абавязковы прадмет навучання. Калі ў 1925/26 навучальным годзе ў БССР налічвалася 98 польскіх школ, то ў 1926/27 – 138 [3, с. 254]. Акрамя польскіх школ, меліся беларускія школы з выкладаннем польскай мовы.

У 1925/26 навучальным годзе адчыніліся першыя дзве літоўскія школы ў Полацкай акрузе. У 1927 г. іх было 10.

Наогул, у 1927 г. выкладанне ў школах Беларусі вялося на 8 нацыянальных мовах.

Працэнт нацыянальных школ адпавядаў колькасці насельніцтва асобнай нацыянальнасці, за выключэннем яўрэйскіх і часткова рускіх (4-гадовых) школ. Неадпаведнасць у адносінах школ на яўрэйскай мове тлумачыцца, галоўным чынам, імкненнем яўрэйскага насельніцтва пасылаць сваіх дзяцей у беларускія і рускія школы; у адносінах рускіх школ тлумачыцца тым, што 4-гадовыя школы знаходзіліся ў сельскай мясцовасці. Рускае гарадское насельніцтва абслугоўвалася 7-гадовымі працоўнымі школамі на рускай мове ў аднолькавай меры з іншымі нацыянальнасцямі.

Пры існаваўшых у цэлым даволі прыхільных адносінах да правадзімай кампаніі выказваліся думкі аб тым, што, напрыклад, рускія школы на Беларусі наогул не патрэбны, таму што «не хапае ні патрэбных кніг і навуковых прылад, ні належных настаўнікаў», а калі на Беларусі і павінна існаваць рабоча-сялянская школа, то гэта «можа быць школа пераважна беларуская і толькі за нязначным выключэннем – яўрэйская ці польская, але ніяк не расійская...» [4, с. 94].

У асобных выпадках назіраўся рэзкі кантраст паміж памяшканнямі і абсталяваннем, напрыклад, яўрэйскай і беларускай школы ў адной мясцовасці. Гэта прыводзіла да таго, што яўрэйская школа дадзенай мясцовасці разглядалася як школа другога гатунку і спрыяла адліву вучняў з гэтай школы ў беларускія ці рускія школы. Зразумела, што падобныя парадоксы выклікалі незадаволенасць як часткі рускамоўнага насельніцтва, так і прадстаўнікоў іншых нацыянальнасцей.

У перыяд ажыццяўлення беларусізацыі адной з самых вострых была праблема адукаваных кадраў. А станаўленне сеткі адукацыі нацыянальных меншасцей патрабавала хуткай падрыхтоўкі адпаведных педагогічных кадраў. Першы нацыянальны яўрэйскі педтэхнікум

быў адкрыты ўжо ў 1921 г. У 1926/27 навучальным годзе працавала 3 такіх тэхнікумы – у Мінску, Віцебску і Гомелі (493 навучэнцы). Акрамя таго, у 1926 г. у Мінску пачалі працаваць двухгадовыя яўрэйскія педкурсы, разлічаныя на 50 слухачоў.

Для падрыхтоўкі настаўнікаў польскіх школ у 1923 г. у Мінску адкрыўся польскі педагогічны тэхнікум, у якім дзейнічала завочнае аддзяленне. Аднак ён забяспечваў школы настаўнікамі толькі на 35–40%, таму ў 1926 г. пры тэхнікуме пачалі працаваць двухгадовыя курсы. Акрамя таго, з сакавіка 1928 г. Наркамат асветы БССР стаў пасылаць жадаючых на аднагадовыя курсы па падрыхтоўцы настаўнікаў для польскіх школ, якія дзейнічалі ў Кіеве. Таксама ў Кіеве пры польскім тэхнікуме праводзіўся аднагадовы педагогічны семінар, пасля заканчэння якога слухачы атрымлівалі кваліфікацыю выкладчыка адпаведных дысцыплін у польскіх школах.

Улічваючы невялікую колькасць латышскіх і літоўскіх школ, было немэтазгодным адчыняць педагогічныя тэхнікумы па вывучэнні гэтых моў. Для падрыхтоўкі латышскіх настаўнікаў Наркамасветы штогод пасылаў у Ленінградскі латышскі педтэхнікум па 10 стыпендыятаў.

Кадры настаўнікаў для школ нацыянальных меншасцей рыхтаваў таксама Камуністычны ўніверсітэт народаў Захаду ў Маскве.

З мэтай падрыхтоўкі кадраў вышэйшай кваліфікацыі ў 1924 г. пры яўрэйскім аддзяленні педагогічнага факультэта БДУ стала працаваць школа, дзе студэнты маглі праходзіць педагогічную практыку, а ў 1926 г. была адчынена яўрэйская секцыя для падрыхтоўкі студэнтаў, паступаючых на яўрэйскае аддзяленне педфака. Трэба зазначыць, што дзейнасць яўрэйскага аддзялення з кожным годам набывала сталасць, больш грунтоўнымі станавіліся вучэбныя праграмы, павышаўся ўзровень выкладання. Так, усе вучэбныя планы і праграмы аддзялення ў 1925/26 навучальным годзе былі падрыхтаваны на яўрэйскай мове. У значнай ступені павялічылася колькасць канкрэтна яўрэйскіх прадметаў, да 45% усіх дысцыплін выкладалася на старажытнаяўрэйскай мове. Быў распрацаваны і чытаўся шэраг паглыбленых курсаў, асабліва па яўрэйскай гісторыі і філалогіі («Гісторыя яўрэяў Літвы, Украіны і Беларусі», «Гісторыя яўрэйскай адукацыі» і інш.). На вывучэнне роднай мовы адводзілася 4–6 гадзін у тыдзень.

Пры педфаку БДУ працавала таксама і польская секцыя, дзе была створана кафедра польскай мовы.

У 1920-я гг. вялікую ролю ў навукова-культурным жыцці Беларусі адыграў Інстытут беларускай культуры, у складзе якога працавалі 4 нацыянальных аддзелаў: яўрэйскі, польскі, літоўскі і

латышскі, якія вялі навуковыя даследаванні мовы, гісторыі, этнаграфіі, культуры асобных нацыянальнасцей. Інстытут стаў асяродкам беларускай навукова-культурнай і грамадскай думкі. У 1929 г. на базе Інбелкульту была ўтворана Акадэмія навук БССР, пры якой для распрацоўкі навуковых і культурных праблем, звязаных з асаблівасцямі тых ці іншых нацыянальнасцей, былі арганізаваны яўрэйская, польская і латышская секцыі. Напрыклад, яўрэйская секцыя мела ў сваім складзе лінгвістычную, літаратурную, сацыяльна-эканамічную і фальклорную камісіі, якія распрацоўвалі пытанні па гісторыі яўрэяў у Беларусі і Літве, па гісторыі каланізацыі, рэкруччыне і інш.

Яшчэ адной складанай праблемай было забеспячэнне неабходнай літаратурай, падручнікамі, выданне часопісаў, што было звязана з надзвычайнай адсталасцю друкарскай тэхнікі (у 1929 г. у друкарнях Белдзяржвыдавецтва 80% усіх працаў ажыццяўлялася ручным спосабам). Разам з тым наркам асветы А. В. Баліцкі, выступаючы з дакладам на VIII Усебеларускім з'ездзе Саветаў у 1927 г., адзначыў, што нягледзячы на такое становішча, «падручнікамі і літаратурай культурна-асветніцкія ўстановы, абслугоўваючыя нацыянальныя меншасці, задавальняюцца не ў меншай меры, чым культурна-асветніцкія ўстановы, што абслугоўваюць беларускае насельніцтва» [5, с. 29]. Калі ў 1924–1925 гг. Белдзяржвыдавецтва выдавала кнігі на 4 мовах – беларускай, рускай, яўрэйскай і польскай, то ў 1927–1928 гг. – ужо на 6 (яшчэ літоўскай і латышскай). Акрамя таго, падручнікі для літоўскіх школ выпісваліся з Літвы, літаратура на латышскай мове друкавалася ў Маскве, у латышскім выдавецтве «Праметэй». На Беларусі працавала польскае выдавецтва «Культура», да таго ж польская літаратура набывалася яшчэ і ў Польшчы.

Шырокая праца вялася па вывучэнні попыту на кнігі, для чаго ў кожнай акрузе вылучаліся спецыяльныя лаўкі, а ў Мінску пры Цэнтральным доме селяніна быў арганізаваны спецыяльны кіёск. Вялікая ўвага надавалася распрацоўванню літаратуры, асабліва на вёсцы. Прасоўванне кнігі лічылася не толькі вялікай культурнай справай, але і важнай палітычнай працай, што дапамагала правядзенню нацыянальнай палітыкі. На вёсцы кнігі прадаваліся праз настаўнікаў і лістаносцаў. Першачарговай задачай лічылася прасоўванне кніг не толькі на беларускай мове, але і на іншых нацыянальных мовах. Таму пры Белдзяржвыдавецтве пачалі дзейнічаць рускія аддзелы, дзе прадавалася рускамоўная літаратура, якая завозілася з Расіі. Распаўсюджваннем літаратуры

на яўрэйскай мове займалася спецыяльнае аддзяленне «Школа і кніга», якое ў 1927 г. мела 2 магазіны ў Мінску і 8 – у акруговых гарадах.

У 1927 г. на мовах нацыянальных меншасцей выдаваліся газеты і часопісы: на польскай мове – газета «Орка», на рускай – «Рабочий», «Заря Запада», «Полесская правда», на яўрэйскай – газета «Акция», для моладзі – «Юнгер-Арбайтэр», часопіс «Штэрн», на літоўскай мове – газета «Чырвоны араты». Наогул, у 1928 г. з 17 рэспубліканскіх газет 9 выходзілі на беларускай мове, 4 – на рускай, 2 – на польскай, 1 – на яўрэйскай і 1 – на літоўскай [2, с. 29–30].

У 1923 г. у Мінску была ўтворана яўрэйская літаратурная група «Юнгер Арбайтэр» («Малады рабочы»), якая працавала ў двух напрамках: навучанне і грамадская праца сярод рабочых і моладзі (праводзілі адкрытыя вечары ў рабочых клубах, вязжалі ў мястэчкі). Былі арганізаваны літаратурныя гурткі ў Мінску, Віцебску, Полацку. У 1928 г. група ўлілася ў беларускую асацыяцыю пралетарскіх пісьменнікаў у якасці нацыянальнай секцыі. Разам з літаратурай набірала моц і нацыянальнае тэатральнае мастацтва. У 1929 г. на Беларусі працавалі Дзяржаўны яўрэйскі тэатр, Яўрэйскі і Польскі вандроўныя тэатры, шматлікія студыі і самадзейныя тэатральныя калектывы. Цікава адзначыць, што ў плане работы, напрыклад, Яўрэйскага дзяржаўнага тэатра былі такія пункты, як «укараненне яўрэйскай мовы як у размовах, так і ў вывучэнні гісторыі і літаратуры» і, разам з тым, «вывучэнне гісторыі беларускай культуры і мовы ў першую чаргу сярод акцёраў» [6, с. 78]. Падобная праца вялася і ва ўсіх іншых нацыянальных тэатрах, што сведчыць аб тым, што развіццё тэатральнага мастацтва ў 1920-я гг. ішло ў агульным рэчышчы беларусізацыі. У гэты перыяд выпрацоўваліся суадносіны класічнага рэпертуару і тагачасных сцэнічных твораў, з улікам папярэдніх тэатральных традыцый закладваліся асновы новых, ішоў пошук удасканалення прафесійнага майстэрства адпаведна задачам стварэння новага грамадства.

Заклучэнне. Такім чынам, пры распрацоўцы і ажыццяўленні беларусізацыі значная ўвага надавалася таму, каб на тэрыторыі Беларусі мелі магчымасць развіваць сваю мову і культуру і прадстаўнікі нацыянальных меншасцей. Беларусізацыя, ставячы сваёй галоўнай мэтай развіццё беларускай мовы і культуры беларускага народа, ніколі не несла ў сабе пагардлівых адносін да мовы і культуры народаў іншых нацыянальнасцей. Наадварот, адносіны з імі будаваліся так, каб развівалася не толькі сваё, беларускае, але і тое, што належыла

рускай, польскай, яўрэйскай і іншым нацыянальнасцям. Такія кантакты вялі да ўзаемаўзбагачэння культур гэтых народаў, што было

пажаданым для кожнага з іх і доўгі час падтрымлівалася як афіцыйнымі ўладамі, так і мастацкай інтэлігенцыяй, шырокімі масамі людзей.

Літаратура

1. Будзін Ш. А. Нацыянальнае пытанне. Менск: Дзяржаўнае выд-ва Беларусі, 1932. 392 с.
2. Асноўныя вынікі работы ўраду БССР. Да перавыбараў Саветаў. 1928–1929 г. Менск: Выд-ва ЦВК і СНК БССР, 1928. 150 с.
3. Лыч Л., Навіцкі У. Гісторыя культуры Беларусі. Мінск: Экаперспектыва, 1997. 486 с.
4. Харэвіч А. Школа і палітыка // Польшча. 1924. № 3. С. 90–96.
5. Восьмы Усебеларускі з'езд Саветаў. Стэнаграфічная справаздача. Мінск: Выд-ва ЦВК БССР, 1927. 86 с.
6. Дунец Х. Яўрэйскае культурнае будаўніцтва ў БССР // Маладняк. 1929. № 2. С. 75–81.

References

1. Bydin Sh. A. *Natsyyanal'nae pytanne* [National question]. Minsk, Dzyarzhhaunae vydavetstva BSSR Publ., 1932. 392 p.
2. *Asnoynyya vyniki raboty uradu BSSR. Da peravyabarau savetau. 1928–1929* [The main results of the government of the BSSR. For reelection of the Soviets. 1928–1929]. Minsk, TsVK i SNK BSSR Publ., 1928. 150 p.
3. Lych L., Novitsky U. *Gistoriya kul'tury Belarusi* [History of Belarusian culture]. Minsk, Ekaperspektyva Publ., 1997. 486 p.
4. Kharevich A. School and politics. *Polymya* [Flame], 1924, no. 3, pp. 90–96 (In Belarusian).
5. *Vos'my Usebelaruski z'ezd Savetau. Stenagrafichnaya spravazdacha* [The Eighth All-Belarusian Congress of Soviets. Verbatim Report]. Minsk, TsVK BSSR Publ., 1927. 86 p.
6. Dunets H. Jewish cultural construction in the BSSR. *Maladnyak* [Youth], 1929, no. 2, pp. 75–81 (In Belarusian).

Інфармацыя пра аўтара

Каляда Іна Уладзіміраўна – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры гісторыі Беларусі і паліталогіі. Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт (220006, г. Мінск, вул. Свярдлова, 13а, Рэспубліка Беларусь).

Information about the author

Kolyada Ina Uladzimirauna – PhD (History), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus).

Паступіў 10.05.2018

УДК378(476-25)(091)

Л. И. Мосейчук

Белорусский государственный университет

**ПРИМЕНЕНИЕ БРИГАДНО-ЛАБОРАТОРНОГО МЕТОДА
В БЕЛОРУССКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ**

Бригадно-лабораторный метод получил широкое распространение в Белорусском государственном университете на протяжении 1925/1926–1931/1932 учебных лет. Предметные комиссии и ведущие педагоги этого времени занимались разработкой и внедрением данного метода в образовательный процесс университета, стараясь адаптировать его под возможности студентов и профессорско-преподавательского состава.

В статье описываются возможности и недостатки в применении данного метода. Прослеживаются изменения в функциях преподавателей. Делается вывод о том, что бригадно-лабораторный метод в условиях нехватки учебного материала и свободного времени у большинства студентов привел к снижению общего уровня образования обучающихся.

Ключевые слова: образовательные практики, методология, университет, бригадно-лабораторный метод, групповые занятия.

L. I. Maseichuk

Belarusian State University

**APPLICATION OF THE BRIGADE-LABORATORY METHOD
IN THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY**

Brigade-laboratory method was widely used at the Belarusian State University from 1925/1926 to 1931/1932 academic years. Subject commissions and leading teachers were engaged in the development and implementation of this method in the educational process of the university. They tried to adapt it to the capabilities of students and teachers. The article describes the possibilities and disadvantages of this method. Changes the teachers' functions are traced. Conclusion: the brigade-laboratory method in conditions of lack of educational material and free time for the majority of students led to a decrease in the general level of education of students.

Key words: educational practices, methodology, university, brigade-laboratory method, group classes.

Введение. В 20-е гг. XX в. одновременно с выпускниками школ за университетские парты сели люди, чье образование было недостаточным для усвоения учебной программы высшего учебного заведения. Это были рабочие, служащие советских контор, крестьяне, которые окончили только начальную школу или училище, после этого работали, затем занимались два года на рабфаке и без экзаменов зачислялись на 1-й курс. Таким образом, рядом оказывались люди не только с разным уровнем подготовки и жизненным опытом, но и существенной разницей в возрасте [1]. От преподавателей требовалось большое педагогическое мастерство при работе с такой «разношерстной» аудиторией.

Основная часть. Дефицит преподавательских кадров, неопределенность экономических и идеологических ориентиров в условиях новой экономической политики и политики белорусизации, отсутствие необходимых условий для использования научно-методического опыта дореволюционных университетов требовали применения новых образовательных технологий и иного научно-методического обеспечения образовательного процесса в университете, по-

иска новых методик и форм организации учебной деятельности.

В октябре 1924 г. на Ректорском совещании было принято решение о внедрении в образовательный процесс БГУ бригадно-лабораторного метода как «наиболее отвечающего требованиям современной Высшей школы» [2, л. 3]. По мнению присутствовавших на данном заседании, сущность этого метода заключалась в том, что изучение студентами научного материала будет «происходить не в виде пассивного восприятия преподносимой профессором с кафедры лекции, а путем самостоятельной работы аудитории над этим материалом по данному профессором списку вопросов или тем, составляющих сущность изучаемой дисциплины» [2, л. 3]. На основании принятой резолюции Главпробром была разработана инструкция «О проверке знаний учащихся ВУЗа» [2, л. 3–5]. После ее утверждения (6 января 1925 г.) лекционная система, до этого использовавшаяся в качестве основной, была ликвидирована. Лекция получила второстепенное, «подсобное» значение. Исключение было сделано лишь для предметов, «носящих характер общеобразовательных», а

также для второстепенных тем в пределах дисциплин, которые изучались при помощи бригадно-лабораторного метода [2, л. 5].

Из студентов создавались учебные группы (по 5–6 человек) во главе с бригадиром. Студенты работали по заданию, определенному преподавателем конкретно для каждой бригады. Студенческие бригады самостоятельно, без помощи преподавателей занимались изучением («проработкой») учебных заданий [2, л. 3]. В зависимости от сложности заданий срок исполнения мог варьироваться от 2 недель до 1 месяца. После изучения темы бригада должна была написать письменную работу или ответить на ряд сложных вопросов, для «решения которых требуется усвоение всего материала пройденного раздела» [2, л. 4]. На завершающем этапе перед преподавателем отчитывался лидер – бригадир.

В связи с внедрением такой коллективной формы работы отменялась индивидуальная сдача экзаменов и зачетов, студенты представляли коллективный отчет о выполнении своих заданий без организации особых зачетных сессий [2, л. 2].

Существенно менялись функции преподавателя. Так, деятельность профессора с 1925/1926 учебного года заключалась в чтении лекций (вступительной вводной и завершающей обобщающей), проведении занятий с одной и более группами, в руководстве и корректировании работы ассистентов, а также обсуждении с ними и представителями групп результатов занятий [2, л. 3]. Кроме того, он был обязан разделить свой курс на отдельные темы (главы), которые, в свою очередь, должны были содержать ряд последовательно идущих вопросов. К каждой главе прилагалась соответствующая подборка источников, «необходимых для проработки этого материала» [2, л. 3]. Преподаватель занимался также «разбивкой» студентов на учебные группы, с которыми в дальнейшем работал либо сам преподаватель, либо (что случалось чаще всего – Л. М.) ассистент-преподаватель [2, л. 3].

Для повышения уровня контроля руководитель группы (ассистент-преподаватель – Л. М.) или профессор вел журнал учета работы группы, в котором записывались разбираемые вопросы, отмечался уровень подготовки бригады и подводился общий итог занятия, фиксировалась активность студентов. Студенты, не проявившие достаточной инициативности, получали дополнительную контрольную работу [2, л. 2]. На практике последнее дополнение практически не выполнялось.

Применение бригадно-лабораторного метода предполагало, по образцу дальтон-плана*, педагогическое руководство самостоятельной

работой студентов. Для оказания студентам квалифицированной преподавательской поддержки вводились «дежурные часы» для руководителей групп (ассистентов), которые должны были находиться в кабинетах и/или лабораториях в определенные часы. К дежурному консультанту студенты могли обратиться за разъяснениями непонятных моментов, указаниями по организации научной работы, применению методического инструментария в процессе выполнения практического задания и т. д.

Бригадно-лабораторный метод получил широкое распространение в Белорусском государственном университете на протяжении 1925/1926–1931/1932 учебных лет.

В этот период, по свидетельству документов, одной из сложнейших задач, стоявших перед администрацией БГУ, было определение образовательных предметов, которые «должны быть проработаны лабораторно-групповым путем», а «по каким предметам можно оставить “лекцию” хотя бы с дополнительными практическими занятиями» [2, л. 5].

В инструкции от 6 января 1925 г. Главпрофобр особо подчеркивал, что переход на бригадно-лабораторный метод должен быть внедрен по двум разрядам дисциплин: по тем, которые являются основными для данной специальности, закладывающими фундамент всего последующего прохождения курса, и по специальным дисциплинам, «формирующим студента и практического работника по данной специальности». Предметы, носящие характер общеобразовательных, должны были оставаться «при лекционной системе» [2, л. 5]. Предметные комиссии и президиумы факультетов определяли предметы, которые должны изучаться с помощью бригадно-лабораторного метода [3].

Очень скоро стало понятно, что широкое распространение «бригадного метода», направленного на «преодоление буржуазного индивидуализма», привело к снижению дисциплины среди студентов и преподавателей. Вместе с тем изменение роли преподавателя в процессе изучения студентами учебного материала не способствовало повышению уровня образования обучающихся, поскольку бригадная форма работы зачастую использовалась не в дополнение к индивидуальной, а вместо нее. Так, зачеты сдавались не поодиночке, а бригадой. Если на вопросы преподавателя отвечал хотя бы один человек из бригады, то зачет выставлялся всей группе [4]. Следовательно, индивидуальный учет успеваемости учащихся отсутствовал.

* Дальтон-план (Dalton Plan) («лабораторная система», «система мастерских») разработан в 1905 г. Е. Паркхерст. Учащиеся не связывались общей классной работой, им предоставлялась свобода в выборе занятий, очередности изучения отдельных предметов и пр. Целью обучения по дальтон-плану являлась организация индивидуальной учебной работы с максимальным учетом особенностей каждого ученика [6].

Фактически учились лишь те, кто сдавал за свою бригаду учебные задания, чаще всего это были бригадиры, которыми становились изначально наиболее подготовленные студенты.

Как отмечал ректор БГУ В. И. Пичета, «необходимые знания приобретаются не только работой в университете, но, в особенности, домашней работой, чтением специальных книг, на что у студентов нет времени. Получается одно недоразумение: студенты прежних университетов, более подготовленные и более развитые, имели больше времени на чтение и занятия, чем наши студенты, менее развитые и менее подготовленные. Никакой переход на бригадно-групповой метод, который требует от студентов самостоятельных занятий, не даст никаких результатов, если только студент не будет иметь возможности заниматься дома или читать в кабинете» [5]. Такой возможности не было. В ситуации нехватки учебной литературы и огромной загруженности студентов (многие были вынуждены работать, чтобы прокормиться) лекция была единственным доступным способом получения новых знаний.

Постановление ЦИК СССР от 19 сентября 1932 г. «со всей резкостью и решительностью» осудило бригадно-лабораторный метод и другие «перегибы и извращения» в организации учебного процесса. Вновь были введены твердые учебные планы, восстановлены лекции, зимние

и весенние сессии, обязательное написание и защита дипломных работ на последнем курсе, увеличилось время на изучение общетеоретических дисциплин, были возвращены также обязательные вступительные экзамены и др.

В 1932/1933 учебном году БГУ вновь перешел на лекционно-семинарскую систему обучения. В конце 1933 г. начали проводить защиты первых кандидатских диссертаций, а с 1936/1937 года – выпускные государственные экзамены.

Заключение. Таким образом, поиски оптимальных, недорогих и эффективных методик преподавания привели к повсеместному применению бригадно-лабораторного метода в Белорусском государственном университете на протяжении 1925/1926–1931/1932 учебных лет. Предметные комиссии и ведущие педагоги этого времени занимались разработкой и внедрением данного метода в образовательный процесс университета, стараясь адаптировать его под возможности студентов и профессорско-преподавательского состава.

Применение данного метода способствовало развитию самостоятельной работы студентов, снизило аудиторную нагрузку профессорско-преподавательского состава и ускорило развитие предметных методических кабинетов. Вместе с тем бригадно-лабораторный метод в условиях нехватки учебного материала и свободного времени у большинства студентов привел к снижению общего уровня образования обучающихся.

Литература

1. НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 206.
2. НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 166.
3. НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 177.
4. Новиков А. Формы обучения в современных условиях [Электронный ресурс]. URL: <http://www.anovikov.ru/artikle/forms.pdf> (дата обращения: 04.12.2017).
5. НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 178.
6. Сидоров С. Система обучения по Далтон-плану [Электронный ресурс]. URL: <http://si-sv.com/publ/1/14-1-0-185> (дата обращения: 14.12.2017).

References

1. NARB. Fund 205. I. 1. F. 206.
2. NARB. Fund 205. I. 1. F. 166.
3. NARB. Fund 205. I. 1. F. 177.
4. Novikov A. *Formy obucheniya w sovremennykh usloviyakh* [Forms of training in modern conditions]. Available at: <http://www.anovikov.ru/artikle/forms.pdf> (accessed 04.12.2017).
5. NARB. Fund. 205. I. 1. F. 178.
6. Sidorov S. *Sistema obucheniya po Dalton-planu* [The Dalton Plan Training System]. Available at: <http://si-sv.com/publ/1/14-1-0-185> (accessed 14.12.2017).

Информация об авторе

Мосейчук Людмила Ивановна – научный сотрудник кафедры истории России. Белорусский государственный университет (220030, г. Минск, пр-т Независимости, 4, Республика Беларусь). E-mail: Mosejchuk@tut.by

Information about the author

Maseichuk Liudmila Ivanovna – Researcher, the Department of History of Russia. Belarusian State University (4, Nezavisimosti Ave., 220030, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: Mosejchuk@tut.by

Поступила 31.08.2018

УДК (001+37):9(476)

В. А. Острога

Белорусский государственный университет

**ПРЕПОДАВАНИЕ И ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ НОВОГО
И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ В СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫХ ВУЗАХ БССР**

В статье рассматривается преподавание и научное изучение истории Нового и Новейшего времени в специализированных высших учебных заведениях Советской Беларуси – Минского института культуры и Минского государственного педагогического института иностранных языков. Анализируются проблемы, которые не позволили этим институтам стать крупными центрами в области зарубежной истории. Особое внимание уделяется институциональному развитию Новой и Новейшей истории в анализируемых институтах. Изучена деятельность специализированных в области зарубежной истории институтских исторических или гуманитарных кафедр. Сделан вывод, что преподавание и исследование новистики в институтах отражало интересы фундаментальной подготовки специалистов в области культуры и иностранных языков и носило вспомогательный характер.

Ключевые слова: Новая и Новейшая история, институт, кафедра, научно-образовательный центр, научные исследования, научный потенциал, преподавательские кадры.

V. A. Astroga

Belarusian State University

**TEACHING AND STUDYING MODERN AND CONTEMPORARY HISTORY
IN SPECIALIZED HIGH SCHOOLS OF BSSR**

The article deals with the teaching and scientific study of the modern and contemporary history in specialized higher educational institutions of Soviet Belarus – Minsk Institute of Culture and Minsk State Pedagogical Institute of Foreign Languages. The problems that prevented these institutions from becoming major centers in the field of foreign history are analyzed. Particular attention is paid to the institutional development of modern and contemporary history in the analyzed institutions. The activity of specialized in the field of foreign history Institute of history or humanities departments. It is concluded that teaching and research of novelty in the institutes reflected the interests of fundamental training of specialists in the field of culture and foreign languages and was auxiliary.

Key words: modern and contemporary history, institute, department, scientific and educational center, scientific research, scientific potential, teaching staff.

Введение. История Нового и Новейшего времени в Советской Беларуси преподавалась и изучалась не только на специальных профильных кафедрах всеобщей истории университетов и педагогических институтов. Образовательный и научный интерес к этой отрасли истории существовал и на исторических или гуманитарных кафедрах в так называемых специализированных и ведомственных высших учебных заведениях. Однако преподавание и исследование новистики в них были специфическими, отражали интересы фундаментальной подготовки соответствующих специалистов и носили вспомогательный характер.

Среди существовавших в БССР вузов различной ведомственной принадлежности можно отметить пять, в которых в послевоенный период проходила активная образовательноразрабатываемая деятельность в этой сфере: белорусский государственный институт народного хозяйства, Минский государственный институт иностранных языков, Минский институт куль-

туры, Минская высшая партийная школа при ЦК КПБ, Минская школа профсоюзного движения ВЦСПС. Исторические кафедры этих вузов, конечно, уступали по своим возможностям кафедрам всеобщей истории университетов или пединститутов, но они имели большой потенциал стать достаточно значительными научно-образовательными центрами отраслевой всеобщей истории, а к 1991 г. часть из них были сравнительно развитыми научно-образовательными центрами в области Новой и Новейшей истории. На наш взгляд, приоритетный исследовательский интерес представляет деятельность в этой сфере двух вузов – Минского института культуры (МИК) и Минского государственного педагогического института иностранных языков (МнГПИИЯ).

Необходимо отметить, что история изучения новистики в специализированных и ведомственных вузах фактически не исследована. Существующие публикации приурочены к юбилеям и имеют справочный характер, не от-

ражая проблемы развития этой сферы науки. В имеющихся общих историях вузов содержатся лишь краткие сведения о кафедрах и преподавателях-новистах.

Основная часть. Минский институт культуры был образован в 1975 г. на базе факультетов, выделенных из Минского ГПИ и Белорусского государственного театрально-художественного института. В том же году на факультете библиотековедения и библиографии института была создана кафедра истории СССР, БССР и зарубежных стран [1, с. 3]. Заведующим стал А. П. Грицкевич. Планировалось, что на кафедре для специализации «Библиотековедение и библиография общественно-политической литературы» будет читаться курс всеобщей истории, но вскоре курсы всеобщей истории стали вести на всех факультетах.

В 1975/1976 учебном году кафедра состояла из 6 сотрудников: А. П. Грицкевич, Л. А. Савицкая, Л. Н. Устинова, В. И. Лысак, А. В. Решетникова (Новейшая история зарубежных стран), А. Н. Литовка. С 1976 г. на кафедре начал работу выпускник аспирантуры по кафедре истории Древнего мира и Средних веков БГУ В. А. Федосик. Он стал первым профессиональным историком-всеобщником на кафедре. С этого года на кафедре читаются специализированные учебные курсы: «Экономика и политика зарубежных стран» (А. В. Решетникова) и «Историография и источниковедение истории СССР и зарубежных стран» (В. А. Федосик) [2, л. 8, 141]. В 1977 г. на заседании кафедры была заслушана лекция белорусиста А. П. Грицкевича на необычную тему – «Китайская Народная Республика на современном этапе», рекомендованная к публикации [3, л. 147]. Выступление свидетельствовало, с одной стороны, о многопрофильности кафедры, стремлении развивать всеобщую историю, но с другой – демонстрировало кадровую слабость в этой отрасли. В 1978 г. на кафедре была сформирована предметно-методическая комиссия (ПМК) по всеобщей истории и вспомогательным историческим дисциплинам в составе: В. А. Федосик (председатель), А. В. Решетникова и А. Н. Литовка. Члены комиссии стали активнее работать в области изучения всеобщей истории. Так, А. Н. Литовка трудился над научной темой «Влияние передовой общественной мысли России и Польши на развитие культуры Белоруссии в 30–50-х гг. XIX в.» [4, л. 83]. А. В. Решетникова прошла стажировку на кафедре истории Нового и Новейшего времени БГУ.

С 1979 г. на кафедре начала работать М. А. Беспалая, выпускница БГУ, специалист по Новой истории Германии. Она стала первым профессиональным новистом на кафедре, но ее

квалификация оказалась невостребованной, так как со следующего учебного года количество часов по «Новейшей истории зарубежных стран» сократилось почти в 2 раза и в 1979/1980 учебном году она смогла прочесть лишь одну лекцию по Новейшей истории. Со следующего года М. А. Беспалая в рамках темы докторской диссертации начала исследовать молодежное движение Германии в 1918–1925 гг. Но одновременно ей пришлось работать и над кафедральной темой по истории БССР. В это же время и А. В. Решетникова, читавшая Новейшую историю, также научную работу вела только по белорусской истории. Однако в 1981 г. количество часов по курсу Новейшей истории зарубежных стран несколько увеличилось. Но периодическое усиление преподавания всеобщей истории не сказывалось на НИР в этой области. В целом на 1982 г. из 6 научных тем только одна касалась этой сферы. Это была упомянутая тема М. А. Беспалой. Однако уже в 1982 г. М. А. Беспалая официально сняла свою научную тему по истории Германии и «ушла» из всеобщей истории, сосредоточив усилия на истории Беларуси. Как и в других случаях, значительно большая научно-организационная доступность белорусской тематики уводила новистов из «родной» отрасли.

В 1982 г. кафедрой впервые был дан отзыв на автореферат по специальности «Всеобщая история» для соискателя ученой степени кандидата исторических наук С. Ф. Свилас. Положительные отзывы и заключения кафедры по этой специальности на свои авторефераты и диссертации впоследствии также получили: С. Ю. Лившиц, Т. И. Повалихина, Л. А. Ортис-Эрнандес, И. В. Варивончик, В. А. Космач, М. В. Стрелец и другие. Но со второй половины 1980-х гг. отзывы перестали даваться, так как научный профиль кафедры, оставаясь формально «универсальным», на практике соответствовал лишь одной сфере – истории Беларуси.

1983/1984 учебный год во многом стал рубежом в области развития всеобщей истории на кафедре. А. В. Решетникова вышла на пенсию, В. А. Федосик перешел в БГУ. Курс «Историография и источниковедение истории СССР и зарубежных стран» был упразднен. Позиции всеобщей истории на кафедре значительно ослабли. Чтение Новой и Новейшей истории зарубежных стран обеспечивала М. А. Беспалая. Она же стала и председателем ПМК по Новейшей истории в составе Е. К. Анищенко и Л. Л. Смиловицкого. В следующем учебном году был утвержден план кафедральной НИР на 1986 г., где теперь все 6 тем были по истории Беларуси. Существовавшая тема № 7 «Интернациональное сотруд-

ничество БССР и ГДР в развитии социалистической культуры (1945–1960 гг.)» по предложению ее разработчика М. А. Беспалой снята. Вследствие уменьшения количества часов по Новейшей истории на сентябрь 1986 г. из 10 преподавателей кафедры только четверо работали в области зарубежной истории: М. А. Беспалая, Е. К. Рогач, Л. Л. Смиловицкий, А. К. Титов, которые исследований по всеобщей истории не проводили.

Отметим, что теперь не коллектив кафедры, а ректорат института подталкивал к активизации преподавания и изучения всеобщей истории. Так, на ее заседании в марте 1990 г. проректор А. Г. Клецков предложил читать историю «в более широком диапазоне (историю Средних веков, Новую историю)». На что в ответ было оптимистично заявлено – «С точки зрения широты научных интересов ... наша кафедра самая сильная в республике» [5, л. 104]. В 1991 г. кафедра была переименована в кафедру «Истории Беларуси и всемирной истории». Таким образом, в институте, несмотря на существование профильной кафедры и кадровый потенциал, к 1991 г. не сформировался научно-образовательный центр в области истории зарубежной истории и культуры.

Минский государственный педагогический институт иностранных языков создан 4 октября 1947 г. на базе факультета иностранных языков (с 1932 г.) Минского ГПИ и начал свою работу в 1948 г. В 1948/1949 учебном году курсы истории в институте не читались. Но на кафедре «Литературы и истории» преподавалась история страны изучаемого языка (Великобритании, Франции и немецкоязычных государств). Эта дисциплина почти десятилетие была фактически единственным читаемым в вузе курсом всеобщей истории. В 1951 г. на кафедре, которой руководил Г. Г. Новицкий, читавший историю Великобритании, Германии и Франции, работало 3 человека. С 1954 г. там трудилось уже 5 человек: Г. Н. Гендриксон, Н. Ф. Голованов и совместители Л. М. Шнеерсон, Т. Н. Альбицкая и А. Я. Скир. Однако руководство института считало существование кафедры нецелесообразным. В 1955 г. она была ликвидирована, а курс истории стран изучаемого языка был передан на кафедру политической экономии. Как отмечалось в годовом отчете института, «эти дисциплины были переведены на кафедры, которые не имеют к ним отношения» [6, л. 3].

На кафедре политэкономии курс был разбит на три: «Новейшая история Великобритании», «Новейшая история Германии» и «Новейшая история Франции», однако в 1956 г. их чтение было прекращено. Но уже в августе 1957 г. ее заведующий М. Ф. Жаврид объявил,

что с нового учебного года в институте вновь будет преподаваться история и география стран изучаемого языка. Курс истории Германии и Англии было поручено читать В. А. Бадею, а историю Франции и географию этих стран вел М. Ф. Жаврид [7, л. 1]. Но вскоре эти предметы были переданы Н. А. Лохманенко. Курс «Истории страны изучаемого языка» был небольшим по объему и на 90% охватывал Новейший период истории. Несмотря на отсутствие в институте историков-всеобщников, в этой области велась и определенная научная работа. Так, на упомянутой кафедре в 1956–1958 гг. В. Л. Уваров исследовал проблемы экономической истории Австрии. С 1960/1961 учебного года курс истории стран изучаемого языка был сокращен, и отныне на кафедре политэкономии Н. А. Лохманенко читал лишь новейшую историю Англии. В следующем учебном году, после объединения кафедр философии и политэкономии в одну, он продолжил свою работу.

С 1962 г. преподавание всеобщей истории в институте было прекращено. Считалось, что в читаемых в вузе обществоведческих курсах достаточное количество учебных часов отводится на зарубежную историю и более не требуется специальной исторической дисциплины. К примеру, с этого года на кафедре философии и политэкономии курс «Политэкономии капитализма» вел В. К. Дашкевич, специалист по колониальной истории XX в. Однако в 1966 г. он, единственный в институте кандидат исторических наук, уволился, что усугубило реально существовавшую проблему преподавания и изучения всеобщей истории в вузе.

В последующие годы ситуация не менялась, лишь осталось требование чтения лекций с учетом профиля института. Ликвидация историко-страноведческих дисциплин негативно сказалась на подготовке студентов. Так, в годовом отчете кафедры философии и политэкономии подчеркивалось: «на экзаменах отмечались факты, когда отдельные студенты слабо знают современную обстановку, политику в странах изучаемого языка» [8, л. 96]. Но специфика обучения и воспитательной работы в МнГПИИЯ требовала именно преподавателей-новистов, они были необходимы и для осуществления особой работы со студентами, выезжающими за рубеж или вернувшимися из зарубежных практик.

В 1967/1968 учебном году были сформированы кафедры философии и политэкономии и научного коммунизма. Помимо прочего, они обеспечивали чтение спецкурсов по актуальным проблемам современности. Так, на кафедре научного коммунизма работал институтский клуб «Политика и жизнь». Кафедра философии

готовила из числа студентов комментаторов по вопросам международного положения [9, с. 90, 23]. В 1969 г. был открыт переводческий факультет, где преподавался арабский язык, а в перспективе планировалось введение итальянского и португальского. Это создавало условия для потенциального развития научного интереса к арабскому и африканскому регионам, Италии и Португалии, в дальнейшем изучения и популяризации в БССР их истории. С 1970 г. кафедра истории КПСС специально для переводческого факультета предложила чтение спецкурсов – «Международные отношения и внешняя политика Советского Союза» и «Идеологическая борьба социализма с империализмом на современном этапе». Считалось, что выпускники факультета нуждаются в основательной идеологической подготовке в связи с их возможным контактом с «классовым и идеологическим противником». Заметим, что и потенциал научного исследования всеобщей истории в институте, несмотря на все негативные трансформации, оставался. К примеру, Б. И. Загорский был известным в республике экспертом по польско-французским отношениям в межвоенный период.

В 1971 г. на 4–5-м курсах всех факультетов института кафедрами лексикологии соответствующих языков вновь начал преподаваться курс «География, история и культура страны изучаемого языка». Однако теперь его вели филологи, а не историки, поэтому исторические сведения и анализ в курсах лекций давались схематично. В последующем страноведческий курс продолжал читаться по этим кафедрам, но преподавателей-страноведов курировала кафедра научного коммунизма. Занятия по истории и культуре страны изучаемого языка велись на изучаемом языке. На русском языке читались факультативные курсы «История мирового коммунистического движения» и «Международные отношения и вне-

шняя политика СССР» [10, л. 17]. Например, преподаватель А. В. Руденко с кафедры лексикологии испанского языка вел курс «Испания и Латинская Америка». Сам он был аспирантом Института Латинской Америки АН СССР и в 1976 г. на научной конференции МнГПИИЯ выступил с докладом «Участие белорусских эмигрантов в борьбе против фашизма в Испании». В конце 1970-х гг. А. В. Руденко и аспирант Института Латинской Америки АН СССР З. В. Ивановский разрабатывали тему «Прогрессивное и рабочее движение в Латинской Америке» [11, л. 135]. Одним из итогов его работы в этом плане стало учебное пособие «Страноведение Испании» (1987 г.), где треть текста относилась к событиям Новейшей истории Испании. Активно шла работа на кафедре лексикологии английского языка, где кружком страноведения руководил Л. С. Барановский. На этой кафедре проводил исследовательскую работу по истории Ирландии Д. Д. Козикис, выступивший на научной конференции института с докладом «60 лет Ирландского национального восстания» [12, л. 16]. Одним из результатов его работы стала книга по страноведению Великобритании (1990 г.).

Однако институту к 1991 г. не удалось стать каким-либо заметным центром в области зарубежной истории, несмотря на имеющийся потенциал и несомненную востребованность.

Заключение. Таким образом, в МИК и МнГПИИЯ в целях фундаментальной подготовки специалистов своего профиля предпринимались усилия в преподавании и изучении Новой и Новейшей истории. Однако кадровый дефицит, режим экономии учебных часов не позволял реализовать эти планы и институты, имея несомненный потенциал, а в случае с МнГПИИЯ и языковые возможности, так и не стали одними из центров изучения всеобщей истории в БССР.

Литература

1. Хроніка асноўных падзей БДУ культуры і мастацтваў. 1975–2005 / М. А. Бяспалая [і інш.]. Мінск: БДУ культуры і мастацтваў, 2005. 49 с.
2. НАРБ. Ф. 553. Оп. 1. Д. 43.
3. НАРБ. Ф. 553. Оп. 1. Д. 104.
4. Центральный научный архив НАН Беларуси. Ф. 3. Оп. 1. Д. 727.
5. НАРБ. Ф. 553. Оп. 1. Д. 913.
6. НАРБ. Ф. 1154. Оп. 1. Д. 109.
7. НАРБ. Ф. 1154. Оп. 1. Д. 148.
8. НАРБ. Ф. 1154. Оп. 1. Д. 319.
9. Минский государственный педагогический институт иностранных языков. Краткий исторический очерк. Минск: Вышэйшая школа, 1974. 136 с.
10. НАРБ. Ф. 1154. Оп. 1. Д. 485.
11. НАРБ. Ф. 1154. Оп. 1. Д. 807.
12. НАРБ. Ф. 1154. Оп. 1. Д. 807.

References

1. М. А. Быспалая [et al.]. *Khronika asnounykh padzey BDU kul'tury i mastatstvau. 1975–2005* [Chronicle of main events of Belarusian State University of Culture and Arts. 1975–2005]. Minsk, BDU kul'tury i mastatstvau Publ., 2005. 49 p.
2. NARB. Fund 553. I. 1. F. 43.
3. NARB. Fund 553. I. 1. F. 104.
4. Central Scientific Archive of the National Academy of Sciences of Belarus. Fund 3. I. 1. F. 727.
5. NARB. Fund 553. I. 1. F. 913.
6. NARB. Fund 1154. I. 1. F. 109.
7. NARB. Fund 1154. I. 1. F. 148.
8. NARB. Fund 1154. I. 1. F. 319.
9. *Minskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy institut inostrannykh yazykov. Kratkiy istoricheskiy ocherk* [Minsk State Pedagogical Institute of Foreign Languages. Brief historical essay]. Minsk, Vysheysheya shkola Publ., 1974. 136 p.
10. NARB. Fund 1154. I. 1. F. 485.
11. NARB. Fund 1154. I. 1. F. 807.
12. NARB. Fund 1154. I. 1. F. 807.

Информация об авторе

Острога Виктор Александрович – доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой таможенного дела. Белорусский государственный университет (220030, г. Минск, ул. Ленинградская, 20, Республика Беларусь). E-mail: ostroga.v@mail.ru

Information about the author

Astroga Viktor Alyksandravich – DSc (History), Associate Professor, Head of the Department of Customs Affairs. Belarusian State University (20, Leningradskaya str., Minsk, 220030, Republic of Belarus). E-mail: ostroga.v@mail.ru

Поступила 11.09.2018

УДК 355.42.424

А. А. Зайцев¹, Н. В. Зайцева²¹Военная академия Республики Беларусь²Белорусский национальный технический университет**АУТСОРСИНГ В ВООРУЖЕННЫХ СИЛАХ НАТО**

В статье рассмотрены аспекты развития аутсорсинга в вооруженных силах США и НАТО, основополагающие документы, регламентирующие деятельность аутсорсинговых компаний, практика аутсорсинга в ходе военных действий последнего времени, деление аутсорсинговых компаний по предназначению, их задачи. Выделены и отмечены положительные и отрицательные стороны. Определены основные направления применения практики аутсорсинга в вооруженных силах указанных стран, учитывая основные тенденции развития международных отношений.

Ключевые слова: аутсорсинг, частная военная компания, консалтинговая компания, обеспечивающая компания, наемник.

A. A. Zaytsev¹, N. V. Zaytseva²¹Military Academy of the Republic of Belarus²Belarusian National Technical University**OUTSOURCING IN NATO ARMED FORCES**

The article considers aspects of outsourcing development in the US and NATO armed forces, basic documents regulating the activity of outsourcing companies, the practice of outsourcing in the course of recent military operations, the division of out-sourcing companies by purpose, their tasks. Positive and negative sides are singled out and marked. The main directions of applying the practice of out-sourcing in the armed forces of these countries are determined, taking into account the main trends in the development of international relations

Keywords: outsourcing, private military company, consulting company, providing company, mercenary.

Введение. В последнее время много говорится об аутсорсинговых компаниях в вооруженных силах (ВС) США и других странах НАТО, обеспечивающих выигрыш в проводимых военных кампаниях. Попробуем разобраться, что они есть на самом деле.

Основная часть. Под термином «аутсорсинг» понимается передача определенных функций, ранее выполнявшихся ВС, подрядчикам из других ведомств, т. е. привлечение к решению различных военных задач государственных гражданских и частных коммерческих структур.

Основным документом (руководством), в соответствии с которым принимается решение о передаче отдельных функций военных другим национальным структурам на коммерческой основе, является циркуляр А-76 административно-бюджетного управления Белого дома [1]. Согласно ему, субъекты частного предпринимательства могут привлекаться к выполнению определенных работ в ВС, если выиграют конкурс и стоимость их работ как минимум на 10% меньше. Поэтому первоочередная цель – это экономия бюджетных средств, выделяемых на национальную оборону.

Основными видами деятельности, переданными Пентагоном на аутсорсинг, являются коммунально-бытовые, банно-прачечные услу-

ги, торговля, общественное питание и капитальное строительство [2].

Следует отметить принципиальное отличие подрядчиков от традиционных наемников – это коммерциализация военной деятельности с учетом дальнейшего развития сферы военных услуг на основе организации, типичной для коммерческих структур. Тенденция превращения фирм-подрядчиков в неотъемлемую часть рынка такого рода услуг подтверждается также следующими данными.

Если во время войны в Персидском заливе (1990–1991) соотношение числа военных подрядчиков и общей численности войск, развернутых в регионе, было 1:50, а к началу афганской кампании 1:10, то через шесть лет (к началу 2008 года) практически на каждого американского военнослужащего приходился один и более сотрудник частной компании [3].

В период с 1994 по 2003 г. Пентагон заключил около 3 тыс. контрактов на сумму около 300 млрд. долларов с американскими компаниями в интересах обеспечения повседневной деятельности войск (тыловое обеспечение, разведка, боевая подготовка и др.).

Согласно официальным данным МО США, расходы на привлечение подрядчиков в операциях в Ираке и Афганистане за период с 2005 по 2012 гг. составили 150 млрд. долларов, или

20% всех затрат на проведение этих операций за тот же период.

По данным военных специалистов, рынок «околовоенных» услуг в мире до 2001 г. в целом оценивался в 100 млрд. долларов в год, а в связи с афганской и иракской кампаниями этот показатель увеличился до 150–160 млрд. долларов. Сейчас, учитывая события в Сирии, он составляет от 200 до 350 млрд. долларов.

Бывший министр обороны США Д. Чейни, возглавивший компанию «Халлибертон», добился контракта от Пентагона на разработку наставления для МО США о порядке привлечения частных компаний для оказания услуг военного характера. А затем, руководствуясь этим наставлением, за пять лет своего пребывания в компании увеличил портфель заказов от МО со 100 млн. долларов до 1,5 млрд. в год. На основании требований наставления были внесены изменения в соответствующие руководства, уставы и наставления по боевому применению группировок вооруженных сил США и ОВС НАТО, их обеспечению [4].

Сегодня в мире, по предварительной оценке, насчитывается свыше 600 фирм, представляющих государственные гражданские и частные коммерческие структуры или «контракторы» (подрядчики) и действующих более чем в 50 государствах. Их можно подразделить на частные военные компании (ЧВК) и их разновидность – частные разведывательные компании (ЧРК), консалтинговые и обеспечивающие фирмы.

ЧВК, как правило, привлекаются для выполнения чисто боевых задач и чаще всего действуют под различными «крышами» (советников, охранных фирм и др.). Наиболее известные из них «Блэкуотер» (Academi), G4S («Джифорс»), «Экзекютив ауткам», «Сэнд-лайн», «Эрскан», SCI, «Армор групп», «Дилидженс», «Контрол рискс групп», «Бечтел» и др. Штаб-квартиры самых крупных ЧВК и ЧРК находятся в США, Великобритании и Израиле.

Число сотрудников самих ЧВК в мире в настоящее время приближается к 1,5 млн. человек. Одна из наиболее крупных компаний – «Джифорс» – насчитывает более 360 тыс. человек [5].

Консалтинговые фирмы предлагают услуги в области стратегического и оперативного планирования, организации оперативной и боевой подготовки, разработки военных доктрин и концепций, инструкций и наставлений, планов отдельных операций. Сами никогда в боевых действиях не участвуют. Примерами таких компаний являются MPRI, «Левдан», «Динкорп», «Виннель» и ряд других.

Обеспечивающие фирмы – самая многочисленная группа подрядчиков, услуги которых включают все виды тылового обеспечения,

а также отдельные виды оперативного (боевого) обеспечения. В настоящее время до 70% сферы организации и обеспечения мероприятий оперативной и боевой подготовки армейской авиации приватизировано, а обслуживание современной авиационной техники осуществляется частными компаниями.

Привлечению подрядчиков в рамках военных конфликтов, миротворческих и других операций, согласно уставам и наставлениям ВС США и ОВС НАТО, могут способствовать следующие обстоятельства:

- численность штатных подразделений тыла недостаточна для эффективного обеспечения длительных действий группировок сил блока или ограничена в связи с политическими факторами;

- ресурсы штатных подразделений тылового обеспечения вооруженных сил необходимы в первую очередь для непосредственного обеспечения боевых действий;

- привлечение подрядчиков предусмотрено в рамках заблаговременного (долгосрочного) военного планирования;

- ожидаемый экономический эффект от привлечения подрядчиков для выполнения определенных функций обеспечения и в определенные периоды времени.

Принято утверждать, что расширение масштабов аутсорсинга в ВС США и других стран НАТО связано с такими факторами, как сокращение ВС и массовое появление на рынке труда невостребованных военных профессионалов при одновременном расширении спектра задач и напряженности деятельности ВС, рост числа локальных и региональных конфликтов.

Вместе с тем комплексная оценка и анализ различных факторов, связанных с развитием аутсорсинга, и прежде всего в странах Запада, позволяют заключить, что усиление потенциала, в первую очередь ЧВК и ЧРК, следует рассматривать как составную часть военных приготовлений НАТО, ориентированных на подготовку к «экспедиционным» и «сетевым» действиям.

Подрядчики выступают в качестве передового отряда реализации «стратегии не прямых действий», т. е. способа ведения войны против стран, с которыми отсутствует состояние официально объявленной войны. Так, американские ЧВК совместно с израильскими компаниями действовали против России в ходе подготовки и во время войны в Осетии в 2008 г. Среди них особую активность проявили такие фирмы, как «Дефенс шильд», «Нитрал» и «Глобал CST». Необходимо также отметить, что авторство военной доктрины Грузии принадлежит частной американской компании Military Professionals Resources Incorporated.

Немаловажна и разноплановость интересов и разномасштабность потребителей услуг частных компаний, среди которых могут быть террористические сети, частные лица и организованные преступные группы. Одновременно рост спроса на их услуги стимулирует расширение неформальных теневых экономик в разных странах и потерю контроля над собственной экономикой в ряде развивающихся государств.

ЧВК чрезвычайно эффективны в зонах локальных конфликтов, где из-за причин юридическо-правового характера затруднено использование регулярных армий. При этом личный состав подобных подразделений, не связанный никакими моральными и этическими ограничениями, действует, как правило, безнаказанно. Сегодня невозможно привлечь ЧВК к суду за военные преступления, а также к юридической и финансовой ответственности, особенно если нарушения совершены за пределами страны основного базирования или регистрации.

Личный состав фирм-подрядчиков (гражданский персонал, находящийся в составе сил) имеет юридический статус некомбатантов.

ЧВК признаны значимым фактором, способным решающим образом влиять на региональную стабильность. Сотрудники таких компаний заинтересованы в высоких доходах, а значит, и в разжигании военных конфликтов.

В настоящее время идет процесс легализации наемничества в международном праве путем тесного увязывания правовых аспектов привлечения наемников с международным гуманитарным правом и законодательством в области прав человека. Так, в 2008 г. принят Документ Монтре и 2010 г. – Международный кодекс частных охранных компаний, к которому к 2013 г. присоединились более чем 592 ЧВК из 70 стран.

В ВС США и ОВС НАТО особое внимание обращается на оценку риска при привлечении подрядчиков и анализ возможности невыполнения поставленных боевых задач. Привлечение подрядчиков намного повышает вероятность невыполнения боевых задач в силу того, что сотрудники частных фирм могут отказаться от возложенных на них функций в связи с различными субъективными и объективными причинами, особенно при ведении высокоинтенсивных боевых действий или резком ухудшении обстановки на ТВД.

Руководство НАТО пытается решить эту проблему, разрешая приватизировать только «несущественные виды обеспечения». Однако на практике этого трудно достичь. Например, в ходе военной кампании в Ираке тот же подвоз горюче-смазочных материалов (ГСМ) был полностью приватизирован. По закону большинства западных стран, если состояние войны не объяв-

лено, что характерно для условий локальных конфликтов, то фирма-подрядчик не несет никакой ответственности за разрыв контракта, кроме коммерческой, которую еще надо доказать в суде.

Неоднозначность экономии бюджетных средств за счет аутсорсинга в наибольшей мере относится и непосредственно к аутсорсингу тылового обеспечения боевых действий. Так, чрезвычайно высокую стоимость своих услуг руководство компании KBR объясняет не только сложной с точки зрения безопасности обстановкой, но и постоянно меняющимися планами командования с очень коротким периодом времени уведомления компании, а также неопределенностью развития ситуации.

Учитывая важность ряда задач, например снабжения ГСМ и боеприпасами в ходе боевых действий, и соответствующее дублирование функций обеспечения, невозможно вести речь об экономии средств. В отдельных случаях могут значительно возрасти дополнительные накладные расходы, обусловленные необходимостью обеспечения безопасности и защиты персонала фирм-подрядчиков.

Вместе с тем в качестве положительного момента можно выделить реальное повышение эффективности функционирования и боеготовности сложной техники и систем их технического обслуживания при привлечении фирм-производителей на основе долгосрочных контрактов по последующей модернизации и техническому обеспечению этих систем вооружений вплоть до снятия с вооружения и утилизации.

Отмечается масштабность привлечения подрядчиков к техническому обеспечению ВС. Только в трех центрах ВВС США по техническому обслуживанию летательных аппаратов около 50% объема работ выполняется частными фирмами. Такая же ситуация сложилась в вопросах содержания и управления складскими запасами ВВС. Ежегодный объем работ частных компаний по контрактам с командованием ВВС оценивается в 11 млрд. долларов. Техническое обслуживание ни одной из современных систем техники не обходится без привлечения персонала фирм-производителей.

Заключение. Таким образом, можно утверждать, что в настоящее время ВС США и других стран НАТО не в состоянии провести даже ограниченную операцию без привлечения подрядчиков в количестве, сравнимом с численностью развернутой группировки войск (сил). Тем не менее значительное число военных специалистов склонны рассматривать аутсорсинг, например, тылового обеспечения группировок сил приемлемым только в условиях миротворческих операций и низкой степени угрозы персоналу частных фирм. Напротив, в конфликтах высокой

интенсивности и крупномасштабных операциях тыловое обеспечение в рамках интеграции тыла видов ВС как компонентов объединенной группировки или коалиционных (многонациональных) войск (сил) может стать эффективной альтернативой аутсорсингу. В настоящее время в

НАТО ведется работа по совершенствованию механизмов аутсорсинга отдельных функций Минобороны. Речь о полном отказе от привлечения субъектов частного предпринимательства к выполнению отдельных видов деятельности в интересах ВС не идет.

Литература

1. Circular No. A-76 to the Heads of Executive Departments and Establishments “Performance of Commercial Activities” [Электронный ресурс]. URL: https://www.whitehouse.gov/sites/whitehouse.gov/files/omb/circulars/A76/a76_incl_tech_correction.pdf (дата обращения: 09.01.2018).
2. Федорович В. А., Муравник В. Б., Бочкарев О. И. США: военная экономика (организация и управление) / под общ. ред. П. С. Золотарева, Е. А. Роговского. М.: Международные отношения, 2013. С. 76.
3. Печорский В. Опыт использования аутсорсинга в вооруженных силах США // Зарубежное военное обозрение. 2013. № 2. С. 37.
4. FM 100-21 Contractors on the Battlefield // Washington U.S. Army Headquarters. 1999 [Электронный ресурс]. URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/monographs/2005/RAND_MG296.pdf (дата обращения 09.01.2018).
5. Башкиров Н. Аутсорсинг в странах НАТО // Зарубежное военное обозрение. 2013. № 6. С. 29–34.

References

1. Circular No. A-76 to the Heads of Executive Departments and Establishments “Performance of Commercial Activities” [Electronic resource]. Available at: https://www.whitehouse.gov/sites/whitehouse.gov/files/omb/circulars/A76/a76_incl_tech_correction.pdf (accessed 09.01.2018).
2. Fedorovich V. A., Muravnik V. B., Bochkarev O. I. *SSHA: voennaya ehkonomika (organizaciya i upravleniye)* [USA: military economy (organization and maagement)]. Moscow, Mezhdunarodnyye otnosheniya Publ., 2013. P. 76.
3. Pechorsky V. The experience of using outsourcing in the US armed forces. *Zarubezhnoye voyennoye obozreniye* [Foreign military review], 2013, no. 2, pp. 37 (In Russian).
4. FM 100-21 Contractors on the Battlefield. *Washington U.S. Army Headquarters*. 1999 [Electronic resource]. Available at: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/monographs/2005/RAND_MG296.pdf. (accessed 09.01.2018).
5. Bashkirov N. Outsourcing in the NATO countries. *Zarubezhnoye voyennoye obozreniye* [Foreign military review], 2013, no. 6, pp. 29–34 (In Russian).

Информация об авторах

Зайцев Александр Александрович – кандидат военных наук, доцент, профессор кафедры военной стратегии факультета Генерального штаба. Военная академия Республики Беларусь (220057, г. Минск, пр-т Независимости, 220, Республика Беларусь).

Зайцева Надежда Викторовна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры экономической теории. Белорусский национальный технический университет (220013, г. Минск, пр-т Независимости, 65, Республика Беларусь).

Information about the authors

Zaytsev Aleksandr Aleksandrovich – PhD (Military), Associate Professor, Professor, the Department of Military Strategy. Military Academy of the Republic of Belarus (220, Nezavisimosti Ave., 220057, Minsk, Republic of Belarus).

Zaytseva Nadezhda Viktorovna — PhD (History), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of Economic Theories. Belarusian National Technical University (65, Nezavisimosti Ave., 220013, Minsk, Republic of Belarus).

Поступила 23.02.2018

УДК 930.1

В. А. Матусевич

Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт

«ВОЙНЫ ПАМЯЦІ» НА ПОСТСАВЕЦКАЙ ПРАСТОРЫ

У артыкуле аўтар аналізуе канфлікты, выкліканыя рознымі ацэнкамі падзей мінулага ў краінах постсавецкага рэгіёна, а таксама гістарычную палітыку, якая праводзіцца ў сумежных дзяржавах, і спробы заканадаўча рэгуляваць фарміраванне гістарычных уяўленняў. У артыкуле разглядаюцца мемарыяльныя законы Расіі, Польшчы і Украіны, прычыны іх прыняцця і асноўныя наступствы. Аўтар прыходзіць да высновы, што палітызацыя гісторыі прыводзіць да маніпулявання масавай гістарычнай свядомасцю, а мемарыяльныя законы з'яўляюцца неэфектыўным інструментам унутрынацыянальнага і міждзяржаўнага дыялога.

Ключавыя словы: гістарычная памяць, мемарыяльнае заканадаўства, гістарычная палітыка.

V. A. Matusевич

Belarusian State Technological University

“MEMORY WARS” IN THE POST-SOVIET SPACE

The author analyzes the conflicts caused by different assessments of past events in the countries of the post-Soviet region as well as the historical policy carried out by the neighboring states and attempts to regulate the formation of historical representation at the legislative level. The article deals with the memory laws of Russia, Poland and Ukraine, the main consequences and the reason for their adoption. The author comes to the conclusion that the politicization of history leads to the manipulation of mass historical consciousness and the memorial laws are an ineffective instrument of an intra- and inter-State dialogue.

Key words: historical memory, memory laws, historical policy.

Уводзіны. Яшчэ некалькі гадоў таму словазлучэнні «бітвы за памяць» ці «войны памяці» не сустракаліся ў навуковым лексіконе. Асаблівасці ўзаемаадносін нашых суседзяў зрабілі гэта словазлучэнне не толькі распаўсюджаным, а нават прадметам навуковага вывучэння. «Войны памяці» – гэта востры канфлікт інтэрпрэтацый і ацэнак падзей мінулага. На поле мемарыяльных баталій найбольш актыўнымі ўдзельнікамі апошняга часу з'яўляюцца Расія, Украіна і Польшча. Беларусь з-за свайго геапалітычнага становішча і непадзельна звязанага з гэтымі дзяржавамі мінулага рызыкуе быць уцягнутай ў падобныя гістарычныя спрэчкі і спробы звесці гістарычныя рахункі паміж сумежнымі краінамі.

Асноўная частка. Розныя інтэрпрэтацыі мінулага выкарыстоўваюць для фарміравання ў свядомасці насельніцтва сваёй краіны і іншых дзяржаў пажаданых ацэнак сучасных падзей і палітычных працэсаў. Гісторыкі розных краін занепакоеныя сітуацыяй, якая склалася, таму што бачаць у палітызацыі гісторыі замах на іх прафесійны суверэнітэт і спробу выкарыстаць іх саміх і вынікі іх навуковай дзейнасці ў палітычных мэтах. Па сутнасці, палітычная практыка ставіць знак роўнасці паміж папулярна-рызацыяй гісторыі і маніпуляцыяй або фальсіфікацыяй інфармацыі пра мінулае, што выклікае негатыўную рэакцыю гістарычнай супольнасці. У 2005 г. адзін з самых аўтарытэ-

ных у свеце гісторыкаў, які займаецца вывучэннем гістарычнай памяці, П. Нара, занепакоены «небяспэкай рэтраспектыўнай маралізацыі гісторыі і ўсталяваннем цензуры над інтэлектуальнай сферай» [1], стаў ініцыятарам стварэння асацыяцыі «За свабоду гісторыі» [2]. Яе мэтай стала змаганне з ідэалагічным ціскам у дачыненні да гісторыкаў і ўмяшаннем палітыкаў у ацэнку падзей мінулага. Гэта ініцыятыва знайшла водгук сярод расійскай гістарычнай супольнасці, але не была рэалізавана [3].

У сучасным грамадстве назіраецца мэтанакіраваная дзейнасць эліты па фарміраванні гістарычнай памяці, якая прадугледжвае інстытуалізаваную ў дзяржаве селекцыю мінулага ў падтрымку ўнутранай і знешняй палітыкі. Аналіз мемарыяльнай і камемаратыўнай практыкі дазваляе гаварыць пра тое, што мінулае і памяць пра яго ператвараюцца ў рэсурсы кіравання для здабывання эканамічнай і палітычнай выгады. Пра тое, што мінулае стала рэсурсам, могуць сведчыць і камерцыялізацыя гісторыі: турызм, антыкварны рынак, камп'ютарныя гульні і кінематограф, якія паспяхова эксплуатаюць вобразы мінулага і манетызуюць іх, а таксама «войны памяці», якія выкарыстоўваюцца ў сучаснай дыпламатыі. Апошнім часам складваецца ўражанне, што менавіта гістарычная аргументацыя з'яўляецца адзінай даступнай шматлікім палітыкам пры абгрунтаванні сваіх прэтэнзій як да ўнутрыдзяржаўных, так і замеж-

ных апанентаў, што значна змяняе палітычны дыскурс і ператварае яго з праспектыўнага (што норма для палітыкі як праекта будучыні) у рэтраспектыўны.

Імкненне кантраляваць вобраз мінулага ў грамадскай свядомасці прывяло да з'яўлення мемарыяльнага заканадаўства. Законапраекты, якія прадугледжваюць пакаранне за адмаўленне злачыстваў фашызму і сталінізму, былі прынятыя ў суседніх краінах. Дадзеныя законы дэманструюць спецыфіку памяці постсавецкага рэгіёна, якая праяўляецца ў імкненні крміналізаваць падзеі, звязаныя не толькі з фашызмам, але і з камуністычным мінулым [4]. Актыўна прасоўваецца ідэя аб роўнай адказнасці Германіі і СССР у развязванні вайны і супастаўнасці злачыстваў нацызму і камунізму (гэты падыход рэалізаваны ў шматлікіх музейных экспазіцыях, у тым ліку ў новым музеі Другой сусветнай вайны ў Гданьску). Польскі закон аб дэкамунізацыі забараняе прапаганду камунізму ці іншага таталітарнага рэжыму і прадугледжвае змену назваў вуліц, гарадоў, грамадскіх аб'ектаў і знос помнікаў, паколькі яны «не могуць увекавечваць людзей, арганізацыі, падзеі або даты, якія сімвалізуюць камунізм ці іншы таталітарны рэжым, ці прапагандаваць такі рэжым іншым спосабам» [5].

Ідэя роўнай адказнасці камунізму і нацызму шмат гадоў таму знайшла заканадаўчае афармленне ва ўставе Інстытута нацыянальнай памяці (IPN), згодна з якім адмаўленне злачыстваў камунізму і нацызму супраць палякаў або польскіх грамадзян караецца штрафам або пазбаўленнем волі да трох гадоў [6]. У студзені 2018 г. унясенне змяненняў у статут IPN выклікала міжнародны скандал у сувязі са значным пашырэннем пераліку дзеянняў, якім надаецца крмінальны характар. Згодна з навілізацыяй статута, штрафам або турэмным зняволеннем караецца адмаўленне таксама злачыстваў супраць польскіх грамадзян у перыяд з 1925 па 1950 гг. украінскіх нацыяналістаў і членаў украінскіх фармаванняў, якія супрацоўнічалі з Трэцім Рэйхам. Пад крмінальнае пакаранне, згодна з арт. 55а, падпадаюць публічныя выказванні аб дачыненні польскага народа ці польскай дзяржавы да злачыстваў нацыстаў і іншых злачыстваў супраць міру, чалавечнасці або ваенных злачыстваў ці выказванні, якія іншым чынам груба памяншаюць адказнасць фактычных выканаўцаў гэтых злачыстваў. Аднак калі ўсё вышэйпералічанае будзе зроблена ў рамках навуковай або мастацкай дзейнасці, то гэта ўжо злачыствам не будзе з'яўляецца. Такім чынам, можна азнаёміцца з навуковай або мастацкай працай, дзе асвятляецца, напрыклад, тэма кала-

барацыі ў Польшчы ў перыяд вайны. Але не варта абмяркоўваць гэтыя працы публічна, таму што ёсць верагоднасць, што IPN ці недзяржаўная арганізацыя, калі гэта прадугледжана яе статутам, палічаць гэтыя выказванні не адпавядаючымі гістарычным фактам і могуць прыцягнуць да крмінальнай адказнасці. Польскія заканадаўцы неверагодным, з пункту гледжання правапрымяняльнай практыкі, чынам расцягнулі межы дзеяння закона на ўвесь свет, прадугледзеўшы ў арт. 55b адказнасць і для замежных грамадзян нават у выпадку здзяйснення падобных дзеянняў у іншай краіне [7]. Статут абавязвае IPN займацца аховай добрага імя Польшчы і польскага народа, але польскі істэблшмент трактуе гэтую дзейнасць шырэй. Тлумачыўшы мэты ўнясення змяненняў у статут IPN, маршал сената Ст. Карчэўскі звярнуўся да польскай дыяспары з заклікам «дакументаваць і рэагаваць на праявы паланафобіі, несправядлівых фармулёвак і меркаванняў... апавяшчаць нашы амбасады, консульства і ганаровых консулаў пра паклёп, які робіць замах на добрае імя Польшчы» [8].

Усе вышэйпералічаныя навацыі выклікалі такую аглушальную рэакцыю сярод спецыялістаў і грамадскасці іншых краін (асабліва Ізраіля і Украіны), што прэзідэнт, падпісваючы гэтыя змяненні ў статуте IPN, адправіў іх на разгляд у канстытуцыйны суд. Аднак, не дачакаўшыся рашэння суда, урад паз некалькі месяцаў у экстраным парадку ўнёс ў сейм чарговыя змяненні ў статут, а менавіта адмяніў скандальныя пункты 55а і 55b [9]. Спрэчнымі, у тым ліку і з юрыдычнага пункту гледжання, застаюцца навілы, якія тычацца ўкраінскага пытання (аморфнасць паняцця «ўкраінскія нацыяналісты» і абсурднасць выкарыстання ў сучасным заканадаўстве гістарычнага тапоніма «Усходняя Малапольшча»).

Шэраг мемарыяльных законаў быў прыняты на Украіне. Дадзеныя прававыя акты павінны былі ўрэгуляваць каменаратыўныя практыкі і гістарычныя інтэрпрэтацыі па найбольш важных з пункту гледжання фармавання ідэнтычнасці пытаннях. У дачыненні да Вялікай Айчыннай вайны закон уяўляе сабой спробу ўпісаць афіцыйны ўкраінскі гістарычны наратыў у рамкі кантынентальнага еўрапейскага канона, змяшчаючы акцэнт на ўвекавечанне памяці пра Другую сусветную вайну [10]. Неаднаразова прадпрымаліся спробы крміналізаваць адмаўленне галадамору, які прызнаецца генацыдам украінскага народа [11]. Афіцыйная пазіцыя адносна гісторыі барацьбы за незалежнасць была аформлена ў законе «Аб прававым статусе і ўшанаванні памяці змагароў за незалежнасць Украіны ў XX стагоддзі» [12],

які зраўняў у правах ветэранаў УПА і Вялікай Айчыннай вайны. Таксама быў прыняты закон, які асуджае камуністычны і нацысцкі таталітарныя рэжымы і легітымізуе дэкамунізацыю не толькі масавай свядомасці, але і сімвалічнай прасторы, напрыклад гарадскога ландшафту [13]. Завяршаў пакет мемарыяльных законаў прававы акт, які прадугледжвае адкрыццё савецкіх архіваў і люстрацыю [14]. Аналізуючы ўкраінскую гістарычную палітыку апошніх гадоў, можна адзначыць, што спосабы дэкамунізацыі грамадства, прапісаныя ў мемарыяльных законах, і іх рэалізацыя вельмі падобныя да савецкай мемарыяльнай практыкі. Як слухна заўважыў Г. Касьянаў, «антыкамуністычнае іканабарства нагадвае бальшавіцкі экстаз у знішчэнні помнікаў самадзяржаўя, “дэкамунізацыя” тапаграфіі з’яўляецца адваротным бокам яе “камунізацыі”» [15].

У Расіі, як дзяржаве-прадаўжальніку СССР [16], у адказ на ўраўноўванне ў мемарыяльных законах суседзяў камунізму і нацызму (асабліва ў пытанні развязвання Другой сусветнай вайны) падрыхтавалі свой варыянт мемарыяльнага закона, які прадугледжвае крымінальнае пакаранне за перагляд ацэнак падзей Другой сусветнай вайны, а дакладней за «адмаўленне фактаў, устаноўленых прыговарам Міжнароднага ваеннага трыбунала для суда і пакарання галоўных ваенных злачынцаў еўрапейскіх краін восі, адабрэнне злачынстваў, устаноўленых указаным прыговарам, а роўна распаўсюджванне заведама непраўдзівых звестак аб дзейнасці СССР падчас Другой сусветнай вайны, спалучаных з абвінавачваннем у здзяйсненні злачынстваў, устаноўленых указаным прыговарам, учыненыя публічна, караюцца штрафам ... або пазбаўленнем волі на тэрмін да трох гадоў», таксама за апаганьванне дзён вайсковай славы і памятных дат Расіі, звязаных з Вялікай Айчыннай вайной, уведзіцца крымінальная адказнасць да пяці гадоў пазбаўлення волі [17]. Дадзены закон ужо мае прыклад правапрымяняльнай практыкі за перапошт артыкула ў інтэрнэце, у якім распаўсюдзлася пра сумесны напад Германіі і СССР на Польшчу ў верасні 1939 г. і адказнасць за пачатак Другой сусветнай вайны, што згодна з абвінавачваннем «не адпавядае пазіцыі, прызнанай на міжнародным узроўні» [18], г. зн. прысудам Нюрнбергскага трыбунала. Трэба адзначыць, што спасылка на вынікі Нюрнбергскага трыбунала ў якасці эталона, з якім параўноўваюць сучасныя трактоўкі падзей тых гадоў, як у расійскім, гэтак і ў польскім мемарыяльных законах ад пачатку рабіла гэтыя законы сумнеўнымі. Папершае, чаму нязгода з прысудам якога б то ні было суда павінна карацца законам, і, па-

другое, добра вядома і гісторыкам, і юрыстам, што гэты судовы працэс нельга лічыць узорам аб’ектыўнасці.

Развіццё мемарыяльнага заканадаўства з’яўляецца характэрнай асаблівасцю сучасных «войнаў памяці», своеасаблівым ахоўным механізмам дзяржавы дзеля падтрымання афіцыйнай версіі мінулага. Мемарыяльныя законы накіраваныя на абарону сталага вобраза мінулага, але прадметам рэгулявання выступаюць сучасныя грамадскія адносіны. Аналіз умоў і мэтай прыняцця мемарыяльных законаў гаворыць пра тое, што заканадаўцы імкнуцца не абараняць добрую памяць прадзедаў, а адказаць на выклікі бягучай палітычнай сітуацыі.

Мемарыяльныя працэсы, якія адбываюцца ў нашых суседзяў, маюць адрозненні, але і шмат агульнага, аднак апошняе не збліжае іх, а прымушае канкурыраваць. У гэтых дзяржавах адстойваецца права ўлады ствараць міфы, якія кансалідуюць і ўзвышаюць краіну, і не вітаецца іх крытыка з боку гісторыкаў, якіх ставяць у сітуацыю выбару паміж патрыятызмам і прафесіяналізмам. У ствараемым у Польшчы і Расіі вобразе мінулага выразна прагледжваецца постімперскі сіндром. Для расійскай гістарычнай палітыкі характэрна ўзмацненне рэстаўрацыйных і кансерватыўных тэндэнцый, сцвярдэнне каштоўнасці імперскага мінулага і практыка замяшчэння і фрагментацыі савецкай гісторыі. Пры гэтым калі Расія аддае перавагу пафасу пераможцы, то Украіна і Польшча развіваюць гераізаваную мартыралогію, з намікам на выкананне ролі апошняга фарпоста захаду (на Украіне актуалізавалася гэтая тэндэнцыя апошнім часам). Польшча, мяркуючы па рэакцыі Ізраіля на навілізацыю статута IPN, імкнецца аспрэчыць вобраз габрэяў як найбольш пацярпелага народа ў час вайны, падкрэсліваючы, што яна падверглася агрэсіі двух таталітарных рэжымаў. Пры асвятленні падзей Другой сусветнай вайны ў адрозненні ад Польшчы і Украіны гуманітарныя аспекты вайны ў Расіі не акцэнтуюцца, паколькі выклікаюць пытанні аб прычынах гуманітарнай катастрофы, адказы на якія не ўпісваюцца ў гераічна-пераможны наратыў.

Эксплуатацыя вобраза ахвяры пры гэтым павінна прыносіць адчувальны эканамічны эффект, таму мартыралогія з’яўляецца абгрунтаваннем эканамічных прэтэнзій да суседзяў і суправаджае тэмы кампенсацыі страт або выплаты рэпарацый. Так, напрыклад, Украіна падлічыла памер кампенсацыі за галадамор [19]. У Польшчы ў канцы 2015 г. была створана парламенцкая камісія па рэпарацыях, у якую ўвайшлі сенатары ад партыі PiS, якая з’яўляецца галоўным правадніком гістарычнай

палітыкі ў краіне. Асноўнымі мэтамі гэтай камісіі з'яўляюцца аналіз існуючых прававых актаў у сферы ацэнкі ваенных страт і рэпарацый; аказанне падтрымкі дзейнасці, накіраванай на вызначэнне сумы страт, выкліканых дзеяннямі замежных войскаў у час Другой сусветнай вайны на тэрыторыі Польшчы; супрацоўніцтва з грамадскімі і недзяржаўнымі арганізацыямі, якія дзейнічаюць у інтарэсах падліку страт, панесеных Польшчай падчас Другой сусветнай вайны [20]. На фоне міжнароднага абмеркавання змянення статута IPN актуалізавалася пытанне разліку па пасляваенных рахунках. З гэтай нагоды кіраўнік вышэйназванай камісіі прайнфармаваў, што ў выніку праведзенай працы яны падлічылі суму кампенсацыі і будуць дамагацца праз сейм афіцыйнага прадстаўлення Германіі да аплаты рахунку ў памеры 850 млрд. даляраў ЗША [21].

Яшчэ адной праявай мемарыяльных баталій сталі войны з помнікамі. Як гаварылася вышэй, і ў Польшчы, і на Украіне прыняты спецыяльныя законы па дэкамунізацыі культурнай прасторы і гарадскога ландшафту, якія актыўна ажыццяўляюцца. У абодвух выпадках расійскі бок выступаў супраць падобных дзеянняў, асабліва калі яны закраналі помнікі, павязаныя з падзеямі Вялікай Айчыннай вайны [22]. Асаблівасцю апошніх гадоў сталі сімвалічныя войны (уключаючы акты вандалізму) менавіта паміж Польшчай і Украінай у сувязі з непрымірымымі разыходжаннем адносна вальнскіх падзей [23, 24, 25, 26].

Дэкамунізацыя ў Расіі таксама мае месца быць, але яна носіць фрагментарны характар і ніколі не падымалася да ўзроўню дзяржаўнай палітыкі, што робіць гістарычную палітыку і гістарычную свядомасць яшчэ больш эклектычнымі. Паказальным прыкладам з'яўляюцца спробы ў некаторых рэгіёнах Паўночнага Каўказа прыняць мясцовыя мемарыяльныя законы, якія б забаранялі ўвекавечваць памяць Сталіна, адмаўляць ці ўхваляць сталінскія дэпартацыі [27]. Пры гэтым, па апытаннях сацыёлагаў, Сталін займае ў Расіі першыя месцы ў рэйтынгах самых значных гістарычных асоб [28].

«Войны памяці» ў нашым рэгіёне выкліканыя ўздывам пасля распаду СССР нацы-

янальнай памяці і спробамі гэты працэс кантраляваць, што прывяло не толькі да ідэалагізацыі гісторыі, але і да гістарызацыі ідэалогіі. Нярэдка менавіта палітычны фактар стварае рамку ўспрымання грамадствам падзей мінулага, у выпадку з былой сумеснай гісторыяй гэта стварае добрую глебу для мемарыяльных баталій. Інтэрнацыяналізацыя гістарычнай палітыкі і экспарт нацыянальнай калектыўнай памяці ў спалучэнні з нарцысічным стаўленнем да ўласнай гісторыі непазбежна будзе прыводзіць да міжнародных мемарыяльных канфліктаў. Аднак гэта не адзінае негатыўнае наступства сучасных мемарыяльных працэсаў. Значна змяняюцца сацыяльна-палітычныя ўмовы працы прафесійнай гістарычнай супольнасці. Палітызацыя гісторыі ў спалучэнні з архаізацыяй масавай гістарычнай свядомасці можа справакаваць непрыманне любых спробаў рэвізіі існуючай карціны мінулага або вывучэння «белых плям» ці «нязручных» падзей гісторыі. Такая сітуацыя можа прывесці да павелічэння разрыву паміж навуковым і звычайным узроўнямі гістарычнай свядомасці, што небяспечна стварэннем востра канкуруючых версій гістарычнай памяці.

Заклучэнне. Усе ўдзельнікі «войнаў памяці» на постсавецкай прасторы праводзяць актыўную гістарычную палітыку, закліканую запіць «медыйны дэфіцыт гістарычнай праўды», менавіта ён, а не інструментальнае выкарыстанне гісторыі для вырашэння бягучых палітычных выклікаў, з пункту гледжання IPN, з'яўляецца прычынай міжнароднага непаразумення [29]. Аднак заклікі да барацьбы за распаўсюджванне адзінай дакладнай версіі мінулага, якая пры гэтым грунтуецца на прычыпе нацыяцэнтрызму і мегаламаніі, будуць прыводзіць да абвастрэння мемарыяльных канфліктаў, росту міжнацыянальнай варажасці і ўкаранення негатыўных нацыянальных стэрэатыпаў, што, у сваю чаргу, можа зрабіць немагчымым прадуктыўны міждзяржаўны дыялог. «Войны памяці» ствараюць значны інфармацыйны шум, у выніку чаго з-за кананады ўзаемных абвінавачванняў адносна мінулага будзе практычна немагчыма ўбачыць праблемы сучаснасці і перспектывы будучыні.

Літаратура

1. Хапаева Д. Свобода истории – это свобода всех // Русский журнал [Электронны рэсурс]. URL: <http://www.russ.ru/layout/set/print/pole/Svoboda-istorii-eto-svoboda-vseh> (дата звароту: 08.03.2018).
2. Liberté pour l'histoire [Электронны рэсурс]. URL: http://www.lph-asso.fr/indexfcd9.html?option=com_content&view=category&layout=blog&id=1&Itemid=5&lang=en (дата звароту: 08.03.2018).
3. Пресс-конференция «За свободу истории» // Пресс-клуб «Зеленая лампа» [Электронны рэсурс]. URL: <http://www.greenlamp.spb.ru/2009/05/25/пресс-конференция-«за-свободу-истории/> (дата звароту: 08.03.2018).

4. Поп В. Шесть государств требуют от ЕС запретить отрицание преступлений коммунистов // ИноСМИ [Электронны рэсурц]. URL: <https://inosmi.ru/europe/20101216/164974802.html> (дата звароту: 16.12.2010).

5. Ustawa z dnia 1 kwietnia 2016 r. o zakazie propagowania komunizmu lub innego ustroju totalitarnego przez nazwy jednostek organizacyjnych, jednostek pomocniczych gminy, budowli, obiektów i urządzeń użyteczności publicznej oraz pomniki // Internetowy System Aktów Prawnych [Электронны рэсурц]. URL: <http://prawo.sejm.gov.pl/isap.nsf/DocDetails.xsp?id=WDU20160000744> (дата звароту: 08.03.2018).

6. Ustawa z dnia 18 grudnia 1998 r. o Instytucie Pamięci Narodowej – Komisji Ścigania Zbrodni przeciwko Narodowi Polskiemu // Instytut Pamięci Narodowej [Электронны рэсурц]. URL: http://ipn.gov.pl/_data/assets/pdf_file/0008/49292/DzU_2014_1075.pdf (дата звароту: 10.02.2015).

7. Ustawa z dnia 26 stycznia 2018 r. o zmianie ustawy o Instytucie Pamięci Narodowej – Komisji Ścigania Zbrodni przeciwko Narodowi Polskiemu, ustawy o grobach i cmentarzach wojennych, ustawy o muzeach oraz ustawy o odpowiedzialności podmiotów zbiorowych za czyny zabronione pod groźbą kary // Instytut Pamięci Narodowej [Электронны рэсурц]. URL: <https://ipn.gov.pl/pl/o-ipn/ustawa/24216,Ustawa.html> (дата звароту: 03.03.2018).

8. List marszałka Senatu do Polonii i Polaków za granicą // Senat RP [Электронны рэсурц]. URL: <https://www.senat.gov.pl/aktualnosci/art,10422,list-marszalka-senatu-do-polonii-i-polakow-za-granica-w-zwiazku-z-ustawa-o-ipn.html> (дата звароту: 03.03.2018).

9. Ustawa z dnia 27 czerwca 2018 r. o zmianie ustawy o Instytucie Pamięci Narodowej – Komisji Ścigania Zbrodni przeciwko Narodowi Polskiemu oraz ustawy o odpowiedzialności podmiotów zbiorowych za czyny zabronione pod groźbą kary // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej [Электронны рэсурц]. URL: <http://www.dziennikustaw.gov.pl/DU/2018/1277> (дата звароту: 03.09.2018).

10. Закон України «Про увічнення перемоги над нацизмом у Другій світовій війні 1939–1945 років» (від 09.04.2015 № 315-VIII) // Ліга: Закон [Электронны рэсурц]. URL: http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/T150315.html (дата звароту: 08.03.2018).

11. Закон України «Про Голодомор 1932–1933 років в Україні» (від 28.11.2006 № 376-V) // Ліга: Закон [Электронны рэсурц]. URL: https://ips.ligazakon.net/document/view/T060376?an=3&q=закон%20украини%20про%20голодомор&snippet_id=snippet_7100 (дата звароту: 08.03.2018).

12. Закон України «Про правовий статус та вшанування пам'яті борців за незалежність України у ХХ столітті» (від 09.04.2015 № 314-VIII) // Ліга: Закон [Электронны рэсурц]. URL: http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/T150314.html (дата звароту: 08.03.2018).

13. Закон України «Про засудження комуністичного та націонал-соціалістичного (нацистського) тоталітарних режимів в Україні та заборону пропаганди їхньої символіки» (від 09.04.2015 № 317-VIII) // Ліга: Закон [Электронны рэсурц]. URL: http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/T150317.html (дата звароту: 08.03.2018).

14. Закон України «Про доступ до архівів репресивних органів комуністичного тоталітарного режиму 1917–1991 років» (від 09.04.2015 № 316-VIII) // Ліга: Закон [Электронны рэсурц]. URL: https://ips.ligazakon.net/document/view/T150316?an=3&q=закон%20украини%20про%20голодомор&snippet_id=snippet_25704 (дата звароту: 08.03.2018).

15. Косьянов Г. В. Историческая политика и «мемориальные» законы в Украине: начало ХХІ в. // Историческая экспертиза [Электронны рэсурц]. URL: http://istorex.ru/page/kasyanov_gv_istoricheskaya_politika_i_memorialnie_zakoni_v_ukraine_nachalo_xxi_v (дата звароту: 09.01.2018).

16. Черниченко С. В. Является ли Россия продолжателем или правопреемником СССР? // Агентство стратегических исследований [Электронны рэсурц]. URL: http://sd.net.ua/2005/01/06/javljaetsja_li_rossija_prodolzhatelem_ili_pravopreemnikom_sssr.html (дата звароту: 09.01.2018).

17. Путин подписал закон об уголовной ответственности за публичную реабилитацию нацизма // Ведомости [Электронны рэсурц]. URL: <http://www.vedomosti.ru/politics/news/26123921/putin-podpisal-zakon-ob-ugolovnoj-otvetstvennosti-za> (дата звароту: 09.01.2015).

18. Первый в РФ осужденный «за реабилитацию нацизма» подал жалобу в ЕСПЧ // Deutsche Welle [Электронны рэсурц]. URL: <http://www.dw.com/ru/первый-в-рф-осужденный-за-реабилитацию-нацизма-подал-жалобу-в-еспч/a-37799711> (дата звароту: 09.01.2018).

19. Голодомор 1933: эксперты подсчитали, сколько Россия должна выплатить Украине // World News [Электронны рэсурц]. URL: <http://w-n.com.ua/archives/7048> (дата звароту: 28.11.2016).

20. Regulamin parlamentarnego zespolu ds. Reparacji należnych Polsce // Senat RP [Электронны рэсурц]. URL: <https://www.senat.gov.pl/sklad/senatorowie/zespoly/parlamentarny,90,parlamentarny-zespol-ds-reparacji-naleznych-polsce.html> (дата звароту: 03.03.2018).

21. Mularczyk: Reparacje od Niemiec? 850 mld dolarów // Rzeczpospolita [Электронны рэсурс]. URL: <http://www.rp.pl/Prawo-i-Sprawiedliwosc/180309839-Mularczyk-Reparacje-od-Niemiec-850-mld-dolarow.html> (дата звароту: 02.03.2018).

22. Война с памятниками: как в разных странах сносят советские монументы // РБК [Электронны рэсурс]. URL: <https://www.rbc.ru/photoreport/26/07/2017/597733189a79471ff533720d> (дата звароту: 07.02.2018).

23. Ukraina stawia warunki wznowienia prac ekshumacyjnych // Tygodnik DO RZECZY [Электронны рэсурс]. URL: <https://dorzeczy.pl/kraj/56928/Ukraina-stawia-warunki-wznowienia-prac-ekshumacyjnych.html> (дата звароту: 23.02.2018).

24. У Польщі дошку радянському генералові замінили на дошку жертвам Волині // Українська правда, Історична правда [Электронны рэсурс]. URL: <http://www.istpravda.com.ua/short/2018/02/14/152071/> (дата звароту: 04.03.2018).

25. Зоценко Д. Украина-Польша: «война памятников» или «игра третьей силы»? // BBC [Электронны рэсурс]. URL: <http://www.bbc.com/ukrainian/features-russian-38771287> (дата звароту: 04.03.2018).

26. Мы охраняем польские памятники в Украине, то же самое должна делать и Польша с нашими // Канал 24 [Электронны рэсурс]. URL: https://24tv.ua/ru/my_ohranjaem_polskie_pamjatniki_v_ukraine_to_zhe_samoe_dolzha_delat_i_polsha_s_nashimi_rozenko_n930291 (дата звароту: 04.03.2018).

27. Сугуева Ю. Сталин шагает по Северному Кавказу // Кавказ. Реалии [Электронны рэсурс]. URL: <https://www.kavkazr.com/a/stalin-shagaet-po-kavkazu/28328941.html> (дата звароту: 09.03.2018).

28. Емельяненко В. Почему в обществе растет популярность Сталина // Российская газета [Электронны рэсурс]. URL: <https://rg.ru/2017/07/25/pochemu-v-obshchestve-rastet-popularnost-stalina.html> (дата звароту: 09.03.2018).

29. Oświadczenie Kolegium Instytutu Pamięci Narodowej // Instytut Pamięci Narodowej [Электронны рэсурс]. URL: <https://ipn.gov.pl/pl/dla-mediow/komunikaty/47803,Oswiadczenie-Kolegium-Instytutu-Pamieci-Narodowej.html> (дата звароту: 27.02.2018).

References

1. Khapaeva D. *Svoboda istorii – eto svoboda vsekh* [Freedom of history is everybody freedom]. Available at: <http://www.russ.ru/layout/set/print/pole/Svoboda-istorii-eto-svoboda-vseh> (accessed 08.03.2018).

2. Liberté pour l'histoire. Available at: http://www.lph-asso.fr/indexfcd9.html?option=com_content&view=category&layout=blog&id=1&Itemid=5&lang=en (accessed 08.03.2018).

3. *Press-konferentsiya "Za svobodu istorii"* [Press conference "For the freedom of history"]. Available at: <http://www.greenlamp.spb.ru/2009/05/25/пресс-конференция-«за-свободу-истори/> (accessed 08.03.2018).

4. Pop V. *Shest' gosudarstv trebuyut ot ES zapretit' otritsanie prestupleniy kommunistov* [Six states demand from the EU to prohibit the denial of communist crimes]. Available at: <https://inosmi.ru/europe/20101216/164974802.html> (accessed 16.12.2010).

5. Ustawa z dnia 1 kwietnia 2016 r. o zakazie propagowania komunizmu lub innego ustroju totalitarnego przez nazwy jednostek organizacyjnych, jednostek pomocniczych gminy, budowli, obiektów i urządzeń użyteczności publicznej oraz pomniki. Available at: <http://prawo.sejm.gov.pl/isap.nsf/DocDetails.xsp?id=WDU20160000744> (accessed 08.03.2018).

6. Ustawa z dnia 18 grudnia 1998 r. o Instytucie Pamięci Narodowej – Komisji Ścigania Zbrodni przeciwko Narodowi Polskiemu. Available at: http://ipn.gov.pl/_data/assets/pdf_file/0008/49292/DzU_2014_1075.pdf (accessed 10.02.2015).

7. Ustawa z dnia 26 stycznia 2018 r. o zmianie ustawy o Instytucie Pamięci Narodowej – Komisji Ścigania Zbrodni przeciwko Narodowi Polskiemu, ustawy o grobach i cmentarzach wojennych, ustawy o muzeach oraz ustawy o odpowiedzialności podmiotów zbiorowych za czyny zabronione pod groźbą kary. Available at: <https://ipn.gov.pl/pl/o-ipn/ustawa/24216,Ustawa.html> (accessed 03.03.2018).

8. List marszałka Senatu do Polonii i Polaków za granicą. Available at: <https://www.senat.gov.pl/aktualnosc/art,10422,list-marszalka-senatu-do-polonii-i-polakow-za-granica-w-zwiazku-z-ustawa-o-ipn.html> (accessed 03.03.2018).

9. Ustawa z dnia 27 czerwca 2018 r. o zmianie ustawy o Instytucie Pamięci Narodowej – Komisji Ścigania Zbrodni przeciwko Narodowi Polskiemu oraz ustawy o odpowiedzialności podmiotów zbiorowych za czyny zabronione pod groźbą kary. Available at: <http://www.dziennikustaw.gov.pl/DU/2018/1277> (accessed 03.09.2018).

10. *Zakon Ukrai'ny "Pro uvichnennya peremogy nad natsyzmom u Drugiy svitoviy viyni 1939–1945 rokiv"* (09.04.2015 № 315-VIII) [Law of Ukraine "On Perpetuation of the Victory over Nazism in World War II of 1939–1945"]. Available at: http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/T150315.html (accessed 08.03.2018).

11. *Zakon Ukrainy "Pro Golodomor 1932–1933 rokiv v Ukraini"* (28.11.2006 № 376-V) [Law of Ukraine "On the Holodomor of 1932–1933 in Ukraine"]. Available at: https://ips.ligazakon.net/document/view/T060376?an=3&q=закон%20украины%20про%20голодомор&snippet_id=snippet_7100 (accessed 08.03.2018).

12. *Zakon Ukrainy "Pro pravovyy status ta vshanuvannya pam'yati bortsiv za nezalezhnist' Ukrainy u XX stolitti"* (09.04.2015 № 314-VIII) [Law of Ukraine "On the Legal Status and Honoring the Memory of Fighters for Ukraine's Independence in the Twentieth Century"]. Available at: http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/T150314.html (accessed 08.03.2018).

13. *Zakon Ukrainy "Pro zasudzhennya komunistychnogo ta natsional-sotsialistychnogo (natsysts'kogo) totalitarnykh rezhymiv v Ukraini ta zaboronu propagandy i 'hn'oi' symvoliky"* (09.04.2015 № 317-VIII) [Law of Ukraine "On the condemnation of the communist and national socialist (Nazi) regimes, and prohibition of propaganda of their symbols"]. Available at: http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/T150317.html (accessed 08.03.2018).

14. *Zakon Ukrainy "Pro dostup do arhiviv represyynykh organiv komunistychnogo totalitarnogo rezhymu 1917–1991 rokiv"* (09.04.2015 № 316-VIII) [Law of Ukraine "On access to Archives of Repressive Agencies of Totalitarian Communist Regime of 1917–1991"]. Available at: https://ips.ligazakon.net/document/view/T150316?an=3&q=закон%20украины%20про%20голодомор&snippet_id=snippet_25704 (accessed 08.03.2018).

15. Kos'janov G. V. *Istoricheskaya politika i "memorial'nye, zakony v Ukraine: nachalo XXI v.* [Historical policy and memory laws in Ukraine: the beginning of the XXI century]. Available at: http://istorex.ru/page/kasyanov_gv_istoricheskaya_politika_i_memorialnie_zakoni_v_ukraine_nachalo_xx_i_v (accessed 09.01.2018).

16. Chernichenko S. V. *Yavlyetsya li Rossiya prodolzhatel'nyy ili pravopreemnikom SSSR?* [Is Russia successor or assignee of the USSR?]. Available at: http://sd.net.ua/2005/01/06/javljaetsja_li_rossija_prodolzhatel'nyy_ili_pravopreemnikom_sssr.html (accessed 09.01.2018).

17. *Putin podpisal zakon ob ugovolnoy otvetstvennosti za publichnyuyu reabilitatsiyu natsizma* [Putin signed the law criminalizing the public rehabilitation of Nazism]. Available at: <http://www.vedomosti.ru/politics/news/26123921/putin-podpisal-zakon-ob-ugolovnoj-otvetstvennosti-za> (accessed 09.01.2015).

18. *Pervyy v RF osuzhdenny "za reabilitatsiyu natsizma" podal zhalobu v ESPCh* [The first convict in the Russian Federation "for the rehabilitation of Nazism" lodged a complaint to the ECHR]. Available at: <http://www.dw.com/ru/первый-в-рф-осужденный-за-реабилитацию-нацизма-подал-жалобу-в-еспч/a-37799711> (accessed 09.01.2018).

19. *Golodomor 1933: eksperty podschitali, skol'ko Rossiya dolzhna vyplatit' Ukraine* [Holodomor 1933: experts calculated how much Russia must pay Ukraine]. Available at: <http://w-n.com.ua/archives/7048> (accessed 28.11.2016).

20. *Regulamin parlamentarnego zespolu ds. Reparacji naleznych Polsce.* Available at: <https://www.senat.gov.pl/sklad/senatorowie/zespolu/parlamentarny,90,parlamentarny-zespol-ds-reparacji-naleznych-polsce.html> (accessed 03.03.2018).

21. *Mularczyk: Reparacje od Niemiec? 850 mld dolarow.* Available at: <http://www.rp.pl/Prawo-i-Sprawiedliwosc/180309839-Mularczyk-Reparacje-od-Niemiec-850-mld-dolarow.html> (accessed 02.03.2018).

22. *Voyna s pamjatnikami: kak v raznykh stranakh snosyat sovetskie monumenty* [War with monuments: how the Soviet monuments are being demolished in different countries]. Available at: <https://www.rbc.ru/photoreport/26/07/2017/597733189a79471ff533720d> (accessed 07.02.2018).

23. *Ukraina stawia warunki wznowienia prac ekshumacyjnych.* Available at: <https://dorzeczy.pl/kraj/56928/Ukraina-stawia-warunki-wznowienia-prac-ekshumacyjnych.html> (accessed 23.02.2018).

24. *U Pol'shhi doshku radyans'komu generalovi zaminyly na doshku zhertvam Volyni* [In Poland the plaque of a Soviet general was replaced on the plaque of the victims of Volyn]. Available at: <http://www.istpravda.com.ua/short/2018/02/14/152071/> (accessed 04.03.2018).

25. *Zotsenko D. Ukraina-Pol'sha: "voyna pamyatnikov" ili "igra tret'ey sily"?* [Ukraine-Poland: "war of monuments" or "game of the third force"?]. Available at: <http://www.bbc.com/ukrainian/features-russian-38771287> (accessed 04.03.2018).

26. *My ohranyaem pol'skie pamyatniki v Ukraine, to zhe samoe dolzhna delat' i Pol'sha s nashimi* [We guard Polish monuments in Ukraine, Poland must do the same with ours]. Available at: https://24tv.ua/ru/my_ohranjaem_polskie_pamyatniki_v_ukraine_to_zhe_samoe_dolzhna_delat_i_polsha_s_nashimi_rozhenko_n930291 (accessed 04.03.2018).

27. *Sugueva Ju. Stalin shagayet po Severnomu Kavkazu* [Stalin walks on the North Caucasus]. Available at: <https://www.kavkazr.com/a/stalin-shagaet-po-kavkazu/28328941.html> (accessed 09.03.2018).

28. Emel'yanenko V. *Pochemu v obshchestve rastet populyarnost' Stalina* [Why Stalin's popularity is growing up in the society?]. Available at: <https://rg.ru/2017/07/25/pochemu-v-obshchestve-rastet-populyarnost-stalina.html> (accessed 09.03.2018).

29. Oświadczenie Kolegium Instytutu Pamięci Narodowej. Available at: <https://ipn.gov.pl/pl/dla-mediow/komunikaty/47803,Oswiadczenie-Kolegium-Instytutu-Pamieci-Narodowej.html> (accessed 27.02.2018).

Інфармацыя пра аўтара

Матусевіч Вольга Аляксандраўна – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры філасофіі і права. Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт (220006, г. Мінск, вул. Свядлова, 13а, Рэспубліка Беларусь). E-mail: matusevich.olga@gmail.com

Information about the author

Matusevich Volha Aleksandrovna – PhD (History), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of Philosophy and Law. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: matusevich.olga@gmail.com

Паступіў 12.09.2018

ФИЛОСОФИЯ

УДК 101.8:116:168

П. М. Бурак

Белорусский государственный технологический университет

КОЭВОЛЮЦИЯ И НООСФЕРА В ПАНОРАМЕ АКТУАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ: КРАТКИЙ ОБЗОР

В статье излагаются результаты краткого анализа ряда монографий, диссертационных работ и статей известных в мире исследователей, белорусских философов и ученых, специалистов ближнего и дальнего зарубежья, разрабатывающих проблематику коэволюции и ноосферогенеза. Разносторонне раскрываются теоретическая актуальность и практическая значимость формирования методологии познания коэволюции в различных аспектах ее проявления, обозначаются характерные черты складывающихся подходов в познании и конкретизации роли коэволюционных механизмов в природе и обществе, в их взаимодействии, обеспечении их гармоничного со-развития, сохранении и преодолении негативных тенденций глобального экологического кризиса. Конкретизированы вклады многих авторов в развитие представлений о коэволюции, в теоретическое обоснование актуальной необходимости и перспективности формирования коэволюционного подхода как нового аспекта научной и философской методологии. Отмечается тенденция эволюции термина «коэволюция» в общенаучное понятие, приобретающее широкие поисковые, эвристические и методологические «полномочия» в естественных, технических и гуманитарных науках, в системе образования, коммуникации, в управлении и других сферах. Во многих работах анализируются возможности, необходимость, тенденции становления ноосферы, ее характерные черты и органическая связь с коэволюцией как необходимым механизмом ноосферной регуляции взаимодействия общества и природы. Отмечаются различные подходы в оценке возможностей формирования ноосферы, ее характерных черт и роли в социальной перспективе.

Ключевые слова: коэволюция, ноосфера, общество, природа, исследование.

P. M. Burak

Belarusian State Technological University

COEVOLUTION AND NOOSPHERE IN THE PANORAMA OF ACTUAL RESEARCHES: A BRIEF OVERVIEW

The article presents the results of a brief analysis of a number of monographs, dissertations and articles of well-known researchers in the world, Belarusian philosophers and scientists, specialists of near and far abroad, developing problems of co-evolution and noospheregenesis. The theoretical relevance and practical significance of the formation of the methodology of cognitive co-evolution in various aspects of its manifestation are revealed in many ways, the characteristic features of the emerging approaches in cognition and the concretization of the role of co-evolutionary mechanisms in nature and society, in their interaction, in ensuring their harmonious co-development, preservation and overcoming of negative tendencies of global ecological crisis. The contributions of many authors to the development of ideas on co-evolution, to the theoretical substantiation of the actual need and prospects for the formation of the co-evolutionary approach as a new aspect of scientific and philosophical methodology have been concretized. The tendency of the evolution of the term “co-evolution” into a general scientific concept is marked, acquiring broad search, heuristic and methodological “powers” in natural, technical and humanities, in the education, communication, management and other spheres. In many works, the possibilities, necessity, trends in the formation of the noosphere, its characteristic features and the organic connection with co-evolution as an indispensable mechanism for noospheric regulation of the interaction of society and nature are analyzed. There are various approaches in assessing the possibilities for the formation of the noosphere, its characteristics and role in the social perspective.

Key words: coevolution, noosphere, society, nature, research.

Введение. Теоретическая и практическая актуальность разработки коэволюционной стратегии вызвана все более обостряющейся масштабной потребностью в решении задач согласования развития общества, живой и неживой природы, искусственной (технической) реальности в силу несоразмерности их динамики, роста использования природных ресурсов, разрушения экосистемных механизмов воспроизводства биосферы, обуславливающих глобальный экологический кризис, угрожающий стабильности социума и будущему человечества. Кризисный характер социоприродного развития осложняется нестабильностью международных отношений, несоординированностью и дисгармонией научно-технического и социального прогресса в различных странах, ростом разнообразных рисков, угроз и катастроф, вызовов гуманитарного, технического и экологического характера, несбалансированностью политических решений и обусловленными процессами глобализации и ее результатами во всех основных сферах жизни современного общества. В этих условиях приобретает глобальные масштабы и неотложный характер объективное требование замены антропоцентристски-потребительского проекта жизнеустройства общества на более безопасный, сбалансированный, коэволюционный способ реализации нормативов устойчивого развития общества, имеющий целью формирование более гармоничного, гуманного мироустройства с помощью современного научного знания.

В этой связи разрабатывать коэволюционную стратегию в качестве ноосферной альтернативы негативным тенденциям социоцентристских предпочтений потребительской цивилизации побуждают ее глобальные, детерминирующие будущее человечества, результаты. Это – антропологический, духовный и экологический кризисы, углубляющееся противоречие между объективными условиями воспроизводства биосферы и доминирующей направленностью социальных притязаний, нацеленных на постоянный рост благосостояния увеличивающейся численности населения.

Основная часть. В рассмотрении данной проблемы автор представленной работы учитывал методологические подходы и результаты исследований проблем коэволюции в контексте становления ноосферной организации общества, которые нашли отражение в трудах отечественных философов и ученых, в исследованиях специалистов ближнего и дальнего зарубежья. Социоприродные экологические, генетические, синергетические, космологические и другие аспекты коэволюции, закономерностей и принципов, а также предпосылки, факторы, тенден-

ции, условия, перспективы и другие сущностные характеристики ноосферогенеза нашли отражение в работах Н. С. Абросова, А. К. Адамова, А. И. Адуло, Э. А. Афонина, Э. А. Байкова, О. Е. Баксанского, Р. К. Баландина, А. М. Бандурко, О. А. Барга, В. Р. Бганба, В. В. Бибихина, А. Г. Боголюбова, М. И. Будыко, А. В. Винобера, П. А. Водопьянова, И. П. Гетманова, Ф. И. Гиренок, Э. В. Гирусова, А. А. Гордиенко, Э. С. Демиденко, Е. А. Дергачевой, А. И. Зеленкова, В. П. Казначеева, Р. С. Карпинской, П. С. Карако, Е. Н. Князевой, С. П. Курдюмова, С. А. Кутومانова, В. А. Кутырева, Ч. Ламсдена, И. К. Лисеева, Р. Маргалефа, А. Ю. Мартынова, Н. Н. Моисеева, Н. А. Некрасова, С. И. Некрасова, А. П. Огурцова, Ю. В. Олейникова, А. А. Оносова, С. П. Онуприенко, Ю. Одума, С. Н. Родина, А. Л. Самсонова, В. С. Степина, Е. М. Бабосова, А. Д. Урсула, Т. А. Урсул, Т. А. Горолевич, Э. Янча, И. Л. Андреева, А. А. Яшина, А. Л. Яншина, Ф. Т. Яншиной, С. Г. Семеновой, П. Г. Никитенко, В. С. Голубева, А. А. Горелова, В. Н. Василенко, Н. А. Васильевой, Н. Н. Лукьянчикова, А. К. Адамова, Ч. С. Кирвеля, Н. В. Масловой, Э. Уилсона, П. Тейяр де Шардена, Н. В. Тимофеева-Ресовского, А. И. Субетто, Е. Н. Шульги и многих других.

Тейяр де Шарден под ноосферой понимал заключительный этап эволюции природы и истории человечества. По его убеждению, в историческом существовании человечества наступает такой период, когда все народы объединятся и неизбежно осуществится их слияние с природой и Богом, т. е. возникнет ноосфера [1].

В работах В. И. Вернадского [2] о биосфере, ее эволюции и переходе в новое состояние – ноосферу, историческое возникновение и развитие которой он связывал с появлением человека разумного, расширением его трудовой деятельности (геологическая сила), наукой и социальной организацией жизни, нигде не упоминается термин «коэволюция». Вместе с тем в основных положениях и идеях учения о биосфере, ее переходе в ноосферу отражены знания о выявленных им структурах, процессах и механизмах взаимозависимого сосуществования, воспроизводства и сопряженного развития различных форм «живого вещества», живых организмов и неживой природы, автономности и зависимости, неотделимости всего живого, включая и человека, от биосферы, исторического изменения форм живого в связи с изменяемой им средой существования. Представления В. И. Вернадского о ноосферогенезе как стихийном процессе, закономерно обусловленном ходом развития биосферы, связаны с установленными им тенденциями экспансии чело-

веческой деятельности, направленной на развитие общества. Тенденции же изменения общества на пути к ноосфере, на которые он указывает, например, в статье «Несколько слов о ноосфере», выявляют особую ответственность общества за развитие ноосферного сопряжения природы и общества как качественно нового уровня самоорганизации, целостности бытия, зарождения новых возможностей и активной реализации перспективных условий сохранения взаимосвязанного сосуществования биологической жизни, человека и природы в целом. Размышления о ноосфере с позиций социоцентризма логически приводят к заключению о том, что если ее целью должно быть сохранение лишь человечества, которое ни в кои веки, по своей природе, не может достичь гармонии отношений, духовного совершенства и необоримого гуманизма, то и активное стремление к ноосферному будущему является очередным утопическим проектом или ложным путем. Сама же идея ноосферы объявляется опасным заблуждением, а всякое обоснование ноосферного будущего оценивается как утопия. За подобными замечаниями порой скрывается вера в конструктивность собственного разума увлеченных критикой партикулярных субъектов социальных отношений. В то же время известно, что человеческий разум любого человека внутренне противоречив, поскольку он выражает противоречивость как общий принцип бытия природы и общества или той среды, в которой он зарождается и существует, адаптируется к ней и воспроизводит ее свойства. Такое правило характеризует взаимодействие умов различных представителей человеческого рода, что может быть не только препятствием, но и условием обмена идеи и источником развития разума (Сократ, Платон, Гегель и др.). Поскольку человек принадлежит биосфере, является ее частью (функцией, включая и сознание), то никакие концепции не снимут с него обязанность или функцию (согласно учению В. И. Вернадского) сохранения, воспроизводства и развития биосферы в сопряжении с обеспечением собственного бытия. В. И. Вернадский не отделял ноосферогенез от истории развития жизни в целом, от возникновения человека, его жизнедеятельности в настоящее время и от возможностей существования человечества в перспективе. Ноосфера, по оценке ученого, есть развивающееся явление природно-социального характера или сопряженного бытия человека и природы в прошлом, настоящем и будущем. Поэтому проблемы коэволюции, общества и природы во всех трех темпоральных параметрах одновременно являются и проблемами познания происхождения, современного

состояния и перспектив формирования ноосферы и человеческого разума в особенности.

Учитывая растущую численность людей на Земле и предвидя возможные разрушения естественной среды их жизни в связи с увеличением потребления природных ресурсов, Н. В. Тимофеев-Ресовский обосновал, как наиболее важную для всего естествознания, задачу изучения проблемы взаимодействия человечества и биосферы, обеспечения их взаимосвязанного сохранения (коэволюции), поскольку биосфера формирует все окружение человека и без биосферы или с плохо работающей биосферой люди не смогут существовать [3].

По мнению Н. Н. Моисеева [4], ноосфера в таком виде, как ее понимали В. И. Вернадский и Тейяр де Шарден, с учетом современной социальной реальности и деформации природы масштабной человеческой деятельностью является утопией. Для обозначения возможностей гармоничного совместного развития общества и природы он ввел термин «коэволюция человека и биосферы». В своих работах Н. Н. Моисеев раскрывает возможности наступления эпохи ноосферы или такого этапа в истории человечества, когда произойдет единение всех стран и народов и будут сформированы коллективный разум и коллективная воля. С их помощью люди будут способны обеспечить совместное развитие или коэволюцию общества и природы как первостепенное условие собственного будущего во взаимосвязи с сохранением биосферы, частью которой человечество и является. Изучение проблем коэволюции Н. Н. Моисеев считал новым, важнейшим направлением фундаментальных исследований. Наука об обеспечении коэволюции общества и природы должна дать знания о том, что необходимо делать для сохранения и дальнейшего развития человечества. Путь к эпохе ноосферы необходимо начинать с разработки образовательных программ, ориентированных на достижение социоприродной стабильности. Ученый предупреждал, что формирование новых знаний о коэволюции и ноосферной морали недопустимо затягивать, поскольку возрастающие антропогенные нагрузки на биосферу могут привести к ее переходу в новое квазистационарное состояние, и условия этого состояния могут оказаться неприемлемыми для существования человеческой цивилизации. Согласно оценке Н. Н. Моисеева, выражение «коэволюция человека и биосферы» очень точно отражает особенности той альтернативы, в которой нуждается человечество, и по своему смыслу оно представляет собой практически синоним термина «ноосфера». Обеспечение коэволюции, или гармоничного соразвития природы и общества, он считал

центральной проблемой формирования ноосферы. Н. Н. Моисеев обосновал необходимость введения в практику хозяйственной деятельности экологического императива в качестве возможного шага по применению коэволюционной стратегии в регуляции отношений общества и природы. Сущность данного императива заключается в том, чтобы запретить те виды природообразующей деятельности человека, которые вызывают необратимые изменения в биосфере, создающие условия, несовместимые с сохранением человека.

Отправной позицией А. Д. Урсула [5] в разработке концепции ноосферы является убежденность в том, что преодоление глубокого кризиса современной цивилизации, выживание человечества и сохранение биосферы связаны со становлением сферы разума, которая будет являться альтернативой глобальному омнициду и станет осуществлять кардинальную трансформацию взаимодействия общества и природы, их коэволюцию. Ноосфера характеризуется им как высшая цель и перспективная модель социоприродного развития планетарного масштаба, обеспечивающая приоритет императива нравственного разума, нового гуманизма и устойчивого развития цивилизации. Сферу разума А. Д. Урсул представляет как такое состояние цивилизации, которое появится только в результате подготовки совокупности обязательных условий, к которым относятся: выживание человечества, его переход к устойчивому развитию, устранение глобальных опасностей и катастроф, осуществление рационально направляемой глобальной коэволюции общества и природы. Футурологические презентации ноосферной перспективы человечества А. Д. Урсул выстраивает на методологической основе триадичного принципа «устойчивое развитие – коэволюция – ноосфера», который выполняет ключевую роль в разрабатываемых им конкретных направлениях возможного перехода общества на ноосферный путь развития. Это – опережающие стратегии образования и научно-технических преобразований, экологизация культуры, агроноосферная революция, приоритетность «УР-функций» государства как субъекта ноосферогенеза.

А. И. Зеленков и П. А. Водопьянов [6] в своем монографическом исследовании одни из первых в Беларуси проанализировали экологическую ситуацию в мире, рассмотрели основные закономерности функционирования и изменения биосферы в условиях НТР, аргументировали необходимость, раскрыли направления, обосновали методы и средства формирования экологического сознания, экологической культуры и экологизации человеческой деятельности. Ими осуществлен актуальный и в настоя-

щее время содержательный анализ теоретических предпосылок коэволюции человека и биосферы и выявлена ее роль в решении одной из глобальных проблем – гармонизации взаимодействия общества и природы.

В коллективном исследовании Р. С. Карпинской, И. К. Лисеева, А. П. Огурцова [7] обосновывается теоретико-практическое значение разработки концепции коэволюции, включая коэволюционный подход. Это необходимо для осуществления направленного поиска путей нового синтеза знаний для достижения гармоничной целостности современной культуры, науки и философии, для преодоления отчуждения человека от природы и гармонизации отношений человечества с биосферой, для устранения разрывов между искусственной средой и биологической природой человека, естественнонаучной и гуманитарной культурами, для формирования нового целостного представления о мире и регулирования деятельности по его преобразованию.

Свою монографическую работу С. Н. Родин [8] посвятил исследованию селективных механизмов, основных закономерностей и тенденций коэволюционного усложнения биосистем, начиная от внутригеномной совместной эволюции генов и вплоть до антагонизма человека и окружающей среды в процессах преобразования биосферы в ноосферу. С позиций коэволюционного подхода С. Н. Родин проанализировал некоторые проблемы и парадигмы коэволюционной теории. Им установлена связь коэволюционных процессов, осуществляющихся на различных уровнях организации биосистем, в особенности молекулярно-генетической коэволюции и коэволюции видовых геномов, что обуславливает коэволюционный характер любой экосистемы, ее природу как продукта коэволюции. С. Н. Родин обосновал продуктивную роль идеи коэволюции теории познания и в развитии культуры в целом.

В. А. Кутырев [9] в своих работах подчеркивает научное, мировоззренческое, общекультурное значение ориентации на диалог, взаимодействие и коэволюцию, которые обуславливают выживание человека в процессах становления «ноотехносферы». Рассматривая сущность и оценивая роль ноосферы по отношению к перспективам человечества и сохранению биосферы, В. А. Кутырев отмечает ее противоречивый характер как искусственно созданной реальности и приходит к выводу о том, что учение о ноосфере с самого начала несло в себе элементы утопии, поскольку ценностные характеристики неогенеза были и остаются однозначно положительными. Такая позиция в понимании роли ноосферы противоречит диалек-

тике жизни. Ноосфера не только решает проблемы сохранения человечества, но и производит разрушения в природе и социальной среде, что также свидетельствует о неразумности человеческого разума и самой ноосферы. Поэтому необходимо разрабатывать проблемы коэволюции естественного и искусственного, биосферы и ноосферы, изучать прогрессивные и регрессивные ветви развития в ноосфере, формировать новое научное направление – биополитику, в рамках которой будут решаться вопросы управления самой ноосферой.

Э. Янч [10] раскрывает многоступенчатый, имманентный характер и особенности механизмов коэволюции в качестве неотъемлемых свойств различных уровней самоорганизации (эволюции) объектов Вселенной в последовательности и преемственности этапов исторических изменений. Данный подход включает коэволюционную интерпретацию образования химических веществ, зарождения жизни, развития ее системных формирований, возникновения человека разумного и создания им культурной среды существования.

Э. А. Афонин, А. М. Бандурко, Ю. А. Мартынов [11] в коллективном исследовании анализируют содержание и функции коэволюционных процессов в глобальной трансформации государств и локальных цивилизаций соответственно выдвинутой ими гипотезе об универсальном социальном цикле взаимосвязи последовательно сменяющихся одна другую фаз: «революция – инволюция – коэволюция – эволюция – революция». Методологическая интерпретация такого рода цикла применяется авторами в качестве средства моделирования процесса социального развития и обоснования возможности формирования единого человечества.

Актуальные проблемы коэволюции ноосферогенеза рассмотрены исследователями ближнего зарубежья в ряде докторских диссертаций. С. В. Коваленко решает задачи формирования философско-антропологических оснований самоорганизации человека в его ноосферном развитии. В работе Д. Г. Смирнова раскрывается содержание понятия «ноосферная история», проанализирован ее смысл как ноосферно-семиосферной реальности. В диссертационном исследовании В. Н. Мангасаряна выявлены основания процессов социоприродной коэволюции и осуществлен их философско-методологический анализ. Научный вклад А. А. Гордиенко заключается в разработке теоретической модели институализации коэволюционного развития как условия перехода к новой, сопряженной с природой социальности. Предметом исследовательской работы И. В. Крайнюченко

явилась природа и функции информации, ее эволюционные преобразования, которые обусловили возникновение человеческого разума на пути к ноосфере. А. Л. Романович анализирует коэволюцию и ноосферогенез в качестве форм развития, обеспечивающих безопасность системы «человек – общество – природа». И. П. Гетманов разработал иерархическую систему коэволюционных принципов, лежащих в основе взаимодействия между всеми природными, техническими, идеальными и социокультурными системами. В исследовании Г. С. Смирнова определяется статус ноосферного сознания, раскрывается его содержание, структура, функции и специфические черты, выделяются этапы его становления и анализируются основные проявления. В диссертации В. Н. Василенко разрабатывается ноосферная концепция развития социальных институтов, выявлены социально-экологические основы природно-территориальной организации общества и ноосферной функции государства в управлении устойчивым развитием общества. В работе М. А. Кузнецова проанализированы философские основания ноосферного мировоззрения, обоснована его необходимость в целях адекватного отражения современного состояния цивилизации, преодоления ее кризисного состояния и обеспечения устойчивого развития. Ю. А. Никитина осуществила социально-философский анализ коэволюционной инноватики как принципа управления развитием общества в условиях системного кризиса. М. А. Басилаиа осуществлена попытка построения модели стратегии универсального, модернизированного взаимодействия человека и природы в аспекте ноосферного развития с учетом принципов снижения экологической опасности в условиях глобального кризиса общества. О. Глосиковой предложена концепция конструктивной онтологии, на основе которой коэволюция социокультурной и природной реальности презентуется с позиций единых эволюционных закономерностей. Н. З. Алиева обосновывает необходимость ноосферизации естественнонаучного образования в XXI веке.

В работах И. К. Лисеева [12] представлена широкая панорама теоретико-методологического, философского, естественнонаучного, экологического, практического, общекультурного значения развития идеи коэволюции. Им сделан ряд существенных обобщений относительно причин и условий возникновения и применения коэволюционной методологии, коэволюционного стиля мышления и разработки коэволюционной стратегии для целей познания и практической деятельности. Во-первых, современные методы биологических наук обнаружи-

вают козволюционные механизмы на всех уровнях организации живых систем, начиная от молекулярно-генетического и заканчивая биосферой. Во-вторых, современный синтез знаний, методов, принципов, предметных областей, идей в биологии, ее развитие осуществляется с позиций козволюционного стиля мышления. В-третьих, козволюционная стратегия становится центральной в формировании современной философии биологии. В-четвертых, козволюционная познавательная модель, возникшая в конце XX века, из философии биологии переходит в различные сферы культуры и становится источником новых исследовательских программ не только в разработке философии природы, но и в формировании новой философии человека, новой философии науки, новой философии культуры. В-пятых, идея козволюции становится центральной в эволюционистском способе мышления. В-шестых, необходимость разработки козволюционной стратегии обуславливается потребностью в новых знаниях о взаимосвязях живой и неживой природы, природы и человека, биосферы и ноосферы, биологической и социокультурной эволюции, в определении новых ценностных ориентаций человеческой деятельности, в решении глобальных проблем современности.

В работах П. С. Карачо [13] прослеживается генезис козволюционного подхода и подчеркивается, что козволюция человека и биосферы может стать реальностью при условии, если человек и общество будут способны осуществлять контроль эволюционных процессов в биосфере и управлять ими, развиваться сопряженно с биосферой. Первостепенное значение для реализации такого рода проекта будет иметь соответствие технологий материальной производственной деятельности человека и процессов саморегуляции биосферы, включая практическое внедрение экологического императива в хозяйственную деятельность для снижения антропогенных воздействий на биосферу.

Исследования различных актуальных вопросов, связанных с проблематикой ноосферогенеза и козволюции, осуществлялись последние два с лишним десятилетия в кандидатских диссертациях Н. С. Павловой, Е. Г. Туркиной, Г. Н. Исмаковой, Е. И. Салова, Л. И. Плотниковой, Ю. А. Кувшинова, А. А. Энгель, М. Ю. Цветкова, М. В. Жулькова, О. А. Рагимовой, О. А. Гафиатуллиной, Н. А. Беззубцевой, М. С. Торпова, С. В. Янчий, В. Н. Кимстача, Л. В. Рядинских и других.

Е. Н. Князева и С. П. Курдюмов [14] с позиций синергетического подхода сформулировали основные принципы козволюции нелинейного синтеза простых структур в сложные, пра-

вила устойчивого козволюционного развития структур, которые необходимо использовать для преодоления кризисного состояния общества. К такого рода принципам относятся: общий темп развития связанных структур при образовании из них единого целого; неединственность способов сборки целого из частей; собирание целого крупными блоками из промежуточных сред, которые, в случае прогрессивной эволюции, выстраиваются в виде иерархии сред, обладающих разной нелинейностью; вхождение структуры-части в целое, определенным образом трансформируясь и дифференцируясь в соответствии с особенностями возникающего эволюционного целого; объединение «разновозрастных» структур в единую устойчиво эволюционирующую структуру, осуществляющееся вследствие нарушения симметрии в конфигурации сложных структур; сборка новой сложной структуры происходит в ситуации «на краю хаоса», когда малые флуктуации способны инициировать иной способ сборки сложного целого. Согласно практикоориентированным выводам Е. Н. Князевой и С. П. Курдюмова, для того чтобы обеспечить устойчивый козволюционный процесс сложных структур, строить сложное эволюционное целое, человек должен производить отбор частей, подгонять части друг к другу, согласовывать темп развития, совершать итерации, выявлять возможные варианты построения целого, согласовывать долю необходимого хаоса, спонтанность развития, самоуправления и определенную долю внешнего управления, а также пытаться определить продуктивность данного подхода для обеспечения козволюции человека и природы, козволюции различных стран и геополитических регионов в мировое сообщество. Осуществление подобного рода козволюционных проектов потребует, согласно оценке авторов, развития синергизма познающего и конструирующего субъекта, окружающей его среды, всеобщего сотрудничества, соучастия и солидарности, совместных усилий в конструировании и перестройке мира.

Российский ученый А. А. Яшин [15], опираясь на идеи В. И. Вернадского о переходе ноосферы в биосферу, разработывает концепцию нообиологии – науки, основной задачей которой, как он ее формулирует, является исследование постэволюционного этапа движения живой материи, т. е. такого периода ее изменений, когда породившая человека биосфера в процессе осуществления и своей геологической функции, благодаря активности его разума, научной и трудовой деятельности, оказывается в новом эволюционном – ноосферном состоянии, качество которого зависит, прежде всего, от человеческого фактора.

П. Г. Никитенко [16], опираясь на системный подход в интерпретации роли человеческого разума и знаний в контексте процессов глобализации и ноосферизации современной цивилизации, рассматривает вопросы эволюции и проблемы формирования ноосферной экономики и социальной политики в Беларуси. Объяснение и аргументация содержания и путей формирования ноосферной экономики в органической связи с социальной политикой, что может быть осуществлено в любой стране, выстраиваются в работах П. Г. Никитенко на основе выделения и обоснования решающей роли приоритетного накопления и ненасильственного развития в планетарной сфере человеческого разума (ноосферы) и инновационного труда.

Э. О. Уилсон, Ч. Ламсен, Г. Фольмер [17] и другие осуществили попытку выстроить концепцию генно-культурной коэволюции на основе выяснения закономерностей и взаимообусловленности развития наследственных факторов и социокультурных детерминант в жизни человека. С этой целью исследователями была выдвинута идея существования элементов культуры, подобных генам, с помощью которых в социальном опыте и коммуникации производится передача различных мысленных конструкций и практических навыков деятельности (философских, научных, религиозных идей, стилей в искусстве, мифов, ритуалов, практических навыков, изготовления орудий труда и др.) и их отбор. Ч. Ламсен и Э. О. Уилсон такого рода элементы культуры назвали культургенами, а Р. Докинз – мемами. Согласно их оценке, наибольшие шансы для сохранения имеют культургены, соответствующие эволюционно детерминированным свойствам человека.

А. И. Субетто [18] осуществляет курс на разработку фундаментальной теоретической системы знания – ноосферизма, которая, по его оценке, представляет собой развитие учения В. И. Вернадского о ноосфере. В ноосферизме зафиксировано авторское понимание будущего человечества в XXI веке, раскрываются закономерности становления ноосферы, опасности, связанные с антиноосферными системами ценностей человечества. Его ключевой задачей соответственно авторскому представлению является подготовка ответа на вопрос о будущем человечества, о логике экологического спасения. В более широком и детализированном изложении ноосферизм репрезентируется как теоретическая система философско-научных, социологических, научно-экономических взглядов, в которой раскрываются законы и закономерности, принципы и императивы становления социоприродной гармонии в форме управляемой социоприродной эволюции на основе общественного интеллекта и образованного общества.

В. С. Голубев [19] рассматривает сущность, историческое возникновение и развитие ноосферы с позиций термодинамической концепции эволюции, основанной на синтезе термодинамики и эволюционного учения. Ключевую роль в данной концепции выполняет авторская трактовка второго начала термодинамики на основе сопряженных, противоположных по значению процессов рассеяния и концентрации энергии как общей универсальной тенденции развития открытых геологических, биологических и социальных систем, включая ноосферу.

Н. В. Маслова [20] в монографическом исследовании изложила свое концептуальное представление о ноосферном образовании в условиях России, его содержании, путях и способах осуществления. Белорусский ученый В. К. Савченко развивает представление о коэволюции живой и неживой природы в рамках формирующейся науки «геогеномики», которая изучает исторические и актуальные синергетические взаимодействия геосферы и биосферы в процессе их ассоциативной эволюции.

М. И. Дробжев [21] в монографическом исследовании с позиций исторического подхода анализирует научные и технологические предпосылки, условия и содержание процесса становления ноосферы, характеризуя теоретические и практические основы развития капитализма как естественного, стихийного движения общества в направлении превращения биосферы в ноосферу.

О. А. Барг [22] в концепции единого мирового процесса или развития материи, понимаемого как единый закономерный процесс восхождения от низшего к высшему, раскрывает и объясняет причины современного экологического кризиса и необходимость социоприродной коэволюции. Согласно развиваемой им гипотезе, коэволюция биосферы, техники и самого человека, являющаяся важнейшей практической целью общественного развития, на деле остается благим пожеланием по той причине, что технологии, создаваемые обществом, по степени сложности своего содержания не соответствуют основной полноте содержания материальных форм естественной природы, которые преобразуются человеческой деятельностью в искусственные объекты. Это и является главным фактором экологического кризиса. Возможность осуществления коэволюции природного и социального, в особенности биосферы и общества, О. А. Барг связывает с созданием технологий, обладающих адекватной природным системам совокупностью физических, химических и биологических характеристик. Коэволюция возможна только как процесс совместного усложнения природного и социального.

Заключение. Несмотря на то, что в современной научной и философской литературе, в

диссертационных работах представлены исследования по различным вопросам коэволюции и ноосферогенеза, остается недостаточно разработанным интегрированный подход в исследовании общих («сквозных») закономерностей коэволюции в природе и обществе, позволяющий выявить основные способы стабильного воспроизводства и сохранения природных и социальных систем, определить коэволюционные приоритеты устойчивого развития внутри-социальных отношений и направления становления ноосферы. В этой связи нами выдвинута гипотеза об общей закономерности развития жизни – мегацикле ее развития, в который включается ноосфера на основе коэволюционного взаимодействия неживой, живой природы, техносферы и социосферы. Соответственно выявлены инварианты коэволюции, что является теоретической предпосылкой развития пред-

ставлений о возможностях осуществления регулируемой коэволюции общества и природы в процессе формирования ноосферы. Осуществление современных научных исследований и реализация практикоориентированных проектов научно-технической деятельности в структурах больших, сложных саморазвивающихся систем (биосферы, агроэкологических, экономических, социотехнических и других) требует продолжения изучения коэволюции как сложного, многоуровневого, противоречивого явления, поиска общих закономерностей коэволюционной регуляции объектов различной природы, развития способностей научных и практических работников по адаптивному переключению мышления и деятельности на различные каналы коэволюционных процессов с целью их сбалансированной регуляции и обеспечения социоприродной стабильности.

Литература

1. Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М.: Наука, 1987. 240 с.
2. Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера. М.: Айрис-пресс, 2007. 576 с.
3. Тимофеев-Ресовский В. Н. Биосфера и человечество. М.: СПФО, 2013. 20 с.
4. Моисеев Н. Н. Человек и ноосфера. М.: Молодая гвардия, 1990. 352 с.; Моисеев Н. Н. Судьба цивилизации. Путь разума. М.: Языки Русской Культуры, 1998. 223 с.
5. Урсул А. Д. Феномен ноосферы: глобальная эволюция и ноосферогенез. М.: URSS:ЛЕНАНД, 2015. 331 с.
6. Зеленков А. И., Водопьянов П. А. Динамика биосферы и социокультурные традиции. Минск: Университетское, 1987. 238 с.
7. Карпинская Р. С., Лисеев И. К. Огурцов А. Т. Философия природы: коэволюционная стратегия. М.: Интерпракс, 1995. 350 с.
8. Родин С. Н. Идея коэволюции. Новосибирск: Наука, 1991. 271 с.
9. Кутырёв В. А. Насколько разумна «сфера разума»? // Философия биологии: вчера, сегодня, завтра (Памяти Регины Семеновны Карпинской): сб. ст. М.: ИФ РАН, 1996. С. 148–156; Кутырёв В. А. Унесенные прогрессом: монография. СПб.: Алетей, 2016. 300 с.
10. Янч Э. Самоорганизующаяся Вселенная // Общественные науки и современность. 1999. № 1. С. 143–158.
11. Афонин Э. А., Бандурка А. М., Мартынов А. Ю. Великая коэволюция: глобальные проблемы современности. Историко-социологический анализ. Киев: Парламентское издательство, 2003. 384 с.
12. Лисеев И. К. Философия. Биология. Культура (работы разных лет). М.: ИФРАН, 2011. 315 с.
13. Карако П. С. Философия и методология науки: В. И. Вернадский. Учение о биосфере и ноосфере. Минск: Экоперспектива, 2008. 260 с.
14. Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Синергетические принципы коэволюции сложных систем // Глобализация: синергетический подход: сб. ст. М.: РАГС, 2002. С. 9–30; Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Козволюция сложных социальных структур: баланс доли самоорганизации и хаоса [Электронный ресурс]. URL: <http://spkurdyumov.ru/forecasting/koevoljuciya-slojnyh-socialnyh-str...> (дата обращения: 22.10.2014).
15. Яшин А. А. Живая материя: ноосферная биология (нообиология). М.: Издательство ЛКИ, 2010. 216 с.
16. Никитенко П. Г. Ноосферная экономика и социальная политика: стратегия инновационного развития. Минск: Белорусская наука, 2006. 479 с.
17. Ламсден Ч., Гуршурст А. Генно-культурная коэволюция: человеческий род в становлении // Человек. 1991. № 3. С. 11–22; Ламсден Ч. Дж., Уилсон Э. О. Прометеев огонь: Размышления о происхождении разума. М.: ЛЕНАНД, 2017. 304 с.
18. Субетто А. И. Сочинения. Ноосферизм. В 8 т. Т. 1. Введение в ноосферизм. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2006. 644 с.

19. Голубев В. С. Эволюция: от геохимических систем до ноосферы. М.: Наука, 1992. 106 с.
20. Маслова Н. В. Ноосферное образование. М.: Институт холодинамики. 2001. 344 с.
21. Дробжев М. И. Вернадский: глобализм и ноосфера: монография. Тамбов: Принт-Сервис, 2012. 339 с.
22. Барг О. А. Живое в едином мировом процессе. Пермь: Издательство Пермского университета, 1993. 227 с.

References

1. Tejyar de Sharden P. *Fenomen cheloveka* [Phenomenon of man]. Moscow, Nauka Publ., 1987. 240 p.
2. Vernadskiy V. I. *Biosfera i noosfera* [Biosphere and noosphere]. Moscow, Ayris-press Publ., 2007. 576 p.
3. Timofeev-Resovskij V. N. *Biosfera i chelovechestvo* [Biosphere and humanity]. Moscow, SPFO Publ., 2013. 20 p.
4. Moiseyev N. N. *Chelovek i noosfera* [Man and noosphere]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1990. 352 p.; Moiseyev N. N. *Sud'ba tsivilizatsii. Put' razuma* [Fate of civilization. Way of reason]. Moscow, Yazyki Russkoy Kul'tury Publ., 1998. 223 p.
5. Ursul A. D. *Fenomen noosfery: global'naya evolyutsiya i noosferogenez* [Phenomenon of noosphere: global evolution and noospherogenesis]. Moscow, URSS:LENAND Publ., 2015. 331 p.
6. Zelenkov A. I., Vodop'yanov P. A. *Dinamika biosfery i sotsiokul'turnye traditsii* [Dynamics of the biosphere and socio-cultural traditions]. Minsk, Universitetskoye Publ., 1987. 238 p.
7. Karpinskaya R. S., Liseev K. K., Ogurtsov A. T. *Filosofiya prirody: koevolyutsionnaya strategiya* [Philosophy of nature: coevolutionary strategy]. Moscow, Interpraks Publ., 1995. 350 p.
8. Rodin S.N. *Ideya koevolyutsii* [The idea of co-evolution]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1991. 271 p.
9. Kutyryov V. A. As far as is the "sphere of reason" reasonable? *Filosofiya biologii: vchera, segodnya, zavtra (Pamyati Reginy Semenovny Karpinskoy)* [Philosophy of biology: yesterday, today, tomorrow (To memory of Regina Semenovna Karpinskaya)]. Moscow, IF RAN Publ., 1996, pp. 148–156; Kutyryov V. A. *Unesennyye progressom: monografiya* [Carried away by progress: monograph]. St. Petersburg, Aletejya Publ., 2016. 300 p.
10. Yanch E. Self-optimizing Universe. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and contemporaneity], 1999, no. 1, pp. 143–158 (In Russian).
11. Afonin E. A., Bandurka A. M., Martynov A. U. *Velikaya koevoliutsiya: globalnye problemy sovremennosti. Istoriko-sotsiologicheskij analiz* [Great co-evolution: the global problems of our time. Historical sociological analysis]. Kyiv, Parlamentskoye izdatel'stvo Publ., 2003. 384 p.
12. Liseev I. K. *Filosofiya. Biologiya. Kultura (raboty raznykh let)* [Philosophy. Biology. Culture (work of different years)]. Moscow, IFRAN Publ., 2011. 315 p.
13. Karako P. S. *Filosofiya i metodologiya nauki: V. I. Vernadskiy. Ucheniye o biosfere i noosfere* [Philosophy and methodology of science: V. I. Vernadsky. The doctrine of the biosphere and noosphere]. Minsk, Ekoperspektiva Publ., 2008. 260 p.
14. Knyazeva E. N., Kurdyumov S. P. Synergetic principles of co-evolution of complex systems. *Globalizatsiya: sinergeticheskij podkhod* [Globalization: a synergistic approach.] Moscow, RAGS Publ., 2002, pp. 9–30; Knyazeva E. N., Kurdyumov S. P. *Koevolyutsiya slozhnykh sotsial'nykh struktur: balans doli samoorganizatsii i haosa* [Coevolution of complex social structures: the balance of the share of self-organization and chaos]. Available at: <http://spkurdyumov.ru/forecasting/koevoljuciya-slojnyh-socialnyh-str...> (accessed 22.10.2014).
15. Iashin A. A. *Zhivaya materiya: noosfernaya biologiya (noobiologiya)* [Living matter: noospheric biology (noobiology)]. Moscow, Izdatel'stvo LKI Publ., 2010. 216 p.
16. Nikitenko P. G. *Noosfernaya ekonomika i sotsialnaya politika: strategiya innovatsionnogo razvitiya* [Noospheric economy and social policy: innovation development strategy]. Minsk, Belorusskaya nauka Publ., 2006. 479 p.
17. Lamsden Ch., Gurshurst A. Genetic-cultural co-evolution: the human race in becoming. *Chelovek* [Human], 1991, no. 3, pp. 11–22 (In Russian); Lumsden C. J., Wilson E. O. *Prometeyev ogon': Razmyshleniya o proiskhozhdenii razuma* [Promethean fire: Reflections on the origin of the mind]. Moscow, LENAND Publ., 304 p.
18. Subetto A. I. *Sochineniya. Noosferizm. V 8 t. T. 1. Vvedenie v noosferizm* [Compositions. Noospherism. Volume 1. Introduction to Noosphere]. Kostroma, KGU im. N. A. Nekrasova Publ., 2006. 644 p.
19. Golubev V. S. *Evolyutsiya: ot geokhimicheskikh sistem do noosfery* [Evolution: from geochemical systems to noosphere]. Moscow, Nauka Publ., 1992. 106 p.

20. Maslova N. V. *Noosfernoye obrazovaniye* [Noospheric education]. Moscow, Institut kholodinamiki Publ., 2001. 344 p.

21. Drobzhev M. I. *Vernadskii: globalizm i noosfera: monografiya* [Vernadsky: globalism and noosphere: monograph]. Tambov, Print-Servis Publ., 2012. 339 p.

22. Barg O. A. *Zhivoye v yedinom mirovom protsesse* [Live in a single world process]. Perm, Izdatel'stvo Permskogo universiteta Publ., 1993. 227 p.

Информация об авторе

Бурак Петр Михайлович – кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии и права. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Сverdlova, 13a, Республика Беларусь). E-mail: burak1949@tut.by

Information about the author

Burak Petr Mikhaylovich – PhD (Philosophy), Associate Professor, Head of the Department of Philosophy and Law. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: burak1949@tut.by.

Поступила 18.09.2018

УДК 101.1:316.7(043.3)

Е. В. Радевич

Белорусский государственный университет

**ДИВЕРГЕНЦИЯ СОВРЕМЕННЫХ ОБЩЕСТВ
КАК РЕЗУЛЬТАТ ИНТЕГРАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ
И ПРОЦЕССОВ ГЛОБАЛИЗАЦИИ**

В статье анализируются основные социокультурные трансформации, происходящие под воздействием информационно-коммуникационных технологий в условиях глобализации. Выделяются такие социокультурные трансформации, как фрагментация, индивидуализация и виртуализация общества, появление мозаичной культуры. Акцентируется дивергентный вектор актуального социального развития, особую роль в котором играют современные информационные технологии. Экспоненциальное развитие данных технологий способствовало ускорению всех процессов в обществе, усилению взаимосвязи между людьми, но в то же время детерминировало появление раздробленности социума и усиление дивергентных тенденций в обществе в эпоху глобализации. Одним из существенных факторов дивергенции современного общества является появление нового способа ведения конфликтов – информационные и кибервойны, которые являются разновидностью гибридной войны. Осуществление такого рода противостояний становится возможным благодаря появлению и развитию информационно-компьютерных технологий. Именно данные технологии способствовали формированию раздробленного, фрагментированного общества, а также стали основным инструментом манипуляции человеческим сознанием. Благодаря современным ИКТ появляется особая реальность – виртуальная, формирующая современное киберпространство, в котором оказывается возможным осуществление целого спектра опасных действий с использованием новых технологий: кибершпионаж, кибертерроризм, кибервандализм и другие. Появление информационно-компьютерных технологий стало возможным благодаря процессам глобализации, которая обусловила их экспоненциальное развитие, что позволяет сделать вывод о том, что информационные и кибервойны становятся закономерным результатом глобализации, которая демонстрирует изменение своего вектора от конвергенции к ярко выраженной дивергенции.

Ключевые слова: информационно-коммуникационные технологии, глобализация, дивергенция, культурно-информационное пространство.

E. V. Radevich

Belarusian State University

**DIVERGENCE OF THE MODERN SOCIETIES
AS A RESULT OF THE INTEGRATED INTERACTION
OF INFORMATION AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES
AND THE PROCESSES OF GLOBALIZATION**

The article analyzes the main socio-cultural transformations that occur under the influence of information and communication technologies in the context of globalization. Such social and cultural transformations as fragmentation, individualization and virtualization of society, the appearance of a mosaic culture are singled out. The divergent vector of actual social development is emphasized, a special role in which modern information technologies play. Exponential development of these technologies contributed to the acceleration of all processes in society, the strengthening of the relationship between people, but at the same time, determined the emergence of the fragmentation of society and the increase of divergent tendencies in society in the era of globalization. One of the significant factors of the divergence of modern society is the appearance of a new way of dealing with conflicts – information and cyber war, which are a hybrid war. Implementation of this kind of confrontation is made possible by the emergence and development of information and computer technologies. It was these technologies that contributed to the shaping of a fragmented and individualized society, and also became the main tool for manipulating the human mind. Thanks to modern ICT, a special reality emerges – a virtual one, which forms modern cyberspace, in which it is possible to carry out a whole range of dangerous actions using new technologies: cyber espionage, cyber-terrorism, cyber-vandalism and others. The emergence of information and computer technologies became possible due to the processes of globalization, which led to their exponential development, which allows us to conclude that information and cyber war are be-

coming the logical result of globalization, which demonstrates the change in its vector from convergence to a pronounced divergence.

Keywords: information and communication technologies, globalization, divergence, cultural and information space.

Введение. «Одной из специфических особенностей современных форм социодинамики является интенсивная интеграция культурно-информационных процессов в различных странах и регионах мира. Особую роль в сложившихся условиях приобретает тотальная информатизация всех сфер жизни человека. Политика, экономика, социальная сфера, изменение которых уже не мыслимы без соответствующих культурных трансформаций, становятся объектом воздействия новых информационных технологий» [1]. В связи с этим *целью* данного исследования является выявление дивергентных тенденций развития общества в условиях глобализации, происходящих под влиянием современных информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Основными *задачами* являются: во-первых, выявление роли ИКТ в современном социальном бытии; во-вторых, анализ и экспликация основных социокультурных трансформаций в эпоху высоких технологий; в-третьих, определение роли ИКТ в становлении глобального социального пространства, а также в появлении дивергентных тенденций современного общества.

Основная часть. В современной социальной жизни постоянно возрастает роль массовой коммуникации и информации, существенным изменениям подвергается межличностная коммуникация, уровень развития общества начинает измеряться в количестве мобильных телефонов, подключений к Интернету, числом людей с высшим образованием.

Такого рода социокультурные изменения проявили себя в эпоху глобализации, которая ознаменовала собой не только становление глобальной экономики и политики, но также формирование глобального информационного пространства. Это стало возможным благодаря появлению соответствующих технологий глобальной трансляции информации, таких как спутниковая коммуникация, мобильная связь, цифровое телевидение, компьютерные технологии (прежде всего Интернет). Эта новая информационная среда включает в себя программные и технические ресурсы, используемые для обработки и передачи информации, информационную инфраструктуру и социально-политические условия информатизации, а также подвергает значительной трансформации социокультурное пространство общества – оно *фрагментируется, индивидуализируется и виртуализируется* [2]. Это наглядно демон-

стрирует наличие *дивергентных процессов* в культуре, складывающихся под действием ИКТ в эпоху глобализации.

Как справедливо отмечает В. В. Карпинский, «новые технологии ускоряют процесс движения общества к разнообразию. В современном обществе происходит отход от централизованного распространения информации, что становится возможным благодаря замене традиционных СМИ средствами массовой коммуникации на основе Интернета. Последние обеспечивают совершенно новые возможности – двустороннего, интерактивного общения людей в режиме реального времени» [3, с. 109]. Казалось бы, такая интерактивность технологий и интенсификация всех коммуникационных процессов должна приводить к консолидации социума и способствовать интеграции людей. Однако современная культура демонстрирует тенденцию к индивидуализации и фрагментации социального пространства. Происходит дробление общества на множество сегментов и человек получает возможность одновременного «присутствия» в различных социальных группах соответственно своим личным интересам и предпочтениям. Такая пластичность в выборе своей социальной идентификации порождает фрагментированность социума и мозаичность культуры в целом. Современный человек теряет устойчивые социальные связи, становится носителем множества социальных идентичностей, зачастую утрачивая связь с «корнями». Это погружает индивида в состояние тревоги и фрустрации, способствует нарастанию пессимизма и чувства социального одиночества.

Социальные трансформации, происходящие в XXI веке, демонстрируют амбивалентный характер культурно-информационного взаимодействия: с одной стороны, глобализационные процессы определили появление массмедиа, вовлекая все большее количество людей в информационное поле современности; с другой стороны, культурный «ландшафт» постсовременного общества испытывает на себе неизбежное влияние информационных технологий, посредством которых происходит «медиатизация» социокультурной реальности. Сами медиа формируют особое символическое пространство, задающее определенные каноны и поведенческие стандарты, выполняют функцию создания системы ценностей современного общества.

Массмедиа трансформируют глубинные основания культуры, базирующиеся на традиции:

«медиатизация способствует последовательному “вымыванию” локальной специфики культурных семиосфер, трансформируя социокультурную идентичность, основанную на фундаменте культурной традиции» [4, с. 17]. Создавая особую символическую реальность, масс-медиа влияет на сознание своих реципиентов, посредством чего создается массовый пользователь медиа-продукта со стандартными предпочтениями и вкусами. Такой стандартизированный потребитель легко становится объектом манипуляции, а сама культура превращается в пространство симулякров.

«Еще одним результатом развития информационно-телекоммуникационных и компьютерных технологий становится появление особого рода реальности – виртуальной – которая моделируется компьютерными средствами, создавая объемное изображение и звук. Это своеобразное единство техники и человека, его восприятия и воображения. Однако понимание этого феномена уже давно вышло за рамки компьютеризации. В современной культуре понятие “виртуализация” начинает использоваться для характеристики новых экономических, политических и других феноменов социальной реальности. Сегодня такие явления, как “виртуальное обучение”, “виртуальная дружба”, “виртуальные деньги”, “виртуальная занятость” не являются экстраординарными. Таким образом, вся социальная и культурная жизнь начинает виртуализоваться, т. е. перемещаться в поле виртуальных коммуникаций, которые носят символический характер» [2; 5]. Не случайно характеристикой современной культуры становится симулякр, а социальные интеракции все чаще переходят из сферы реального взаимодействия в виртуальное, в связи с чем очень часто начинают носить анонимный и, как следствие, неподконтрольный характер.

Постепенное «погружение» общества в виртуальную реальность нарушает связь между поколениями. Современное информационно-коммуникативное пространство (символический универсум) способствует появлению новой реальности, содействующей закреплению в массовом и индивидуальном сознании людей специальных ценностно-смысловых установок. Это новое пространство достаточно сильно отличается от всех ранее известных человеку: это не только пространство сетевой культуры, складывающееся стихийно и спонтанно в результате нелинейного взаимодействия множества людей в информационно-коммуникативном пространстве Интернета, но и пространство, «поглощающее» человека и помещающее его в медиасреду, в компьютерную «виртуальную реальность». Сетевая куль-

тура имеет сильную логическую организованность и механизм саморегуляции, что позволяет ей управлять поведением человека за ее пределами, выстраивать определенные программы деятельности, которые не только влияют на индивидуальное и общественное сознание, но также мистифицируют социокультурную реальность. Появляется новый тип идентичности – «сетевой», который еще больше обнажает проблему социокультурной идентичности.

Под действием современных ИКТ изменяется семиотическое поле культуры, поскольку трансформируются сами социокоды, фиксирующие специфику той или иной культурной традиции. Новый тип информационной культуры становится гипертекстуальным – это уже не однородное пространство культурных смыслов, а нелинейная последовательность, которая задается новыми коммуникационными технологиями, позволяющими осуществлять «прыжок» в семантическом пространстве информации. Такая полифоничность в выборе и создании культурных кодов стала возможна благодаря сетевым технологиям, в первую очередь Интернету.

Анализируя современную социальную ситуацию, невозможно игнорировать те тенденции, которые определяют облик мирового пространства сегодня. Речь, прежде всего, идет о тех процессах, которые свидетельствуют о реальной дивергенции мирового сообщества, в то время как информационный контекст происходящих социальных трансформаций зачастую играет решающую роль. Как было отмечено ранее, появление новых информационно-компьютерных технологий существенным образом повлияли на культуру, а также определили характер взаимодействия между людьми в современном мире, как на микро- (межличностном), так и на макроуровне (международном). Увеличение рискованности и нестабильности социума становится основной предпосылкой дивергенции мирового пространства.

Анализ таких нестабильных и потенциально конфликтогенных регионов осуществляется в своей знаковой работе «“Горячие” точки: геополитика, кризис и будущее мира» американский экономист и политолог Дж. Фридман.

Дж. Фридман акцентирует особое внимание как на актуальных конфликтах, которые происходят сегодня в мире (война в Сирии, внутренний раскол Украины, столкновения между Азербайджаном и Арменией за Нагорный Карабах и др.), так и на потенциально возможных, которые по тем или иным причинам находятся в латентном состоянии, но, при определенных условиях, рискуют стать точками военного противостояния. Подробно анализируя историческое прошлое Европы и все те проблемы, с

которыми она столкнулась за последнее столетие, автор приходит к выводу, что уже на сегодняшний день «Европа перенаселена и фрагментирована» [6, с. 10]. Огромные потоки мигрантов, а также «затухшие», но не погасшие конфликты, которые никуда не исчезли, дают основание политологу утверждать, что пограничные зоны – это «горячие точки». Кроме того, мировой финансовый кризис, который начался в 2008 году, привел к ухудшению экономической ситуации во всем Евросоюзе и росту безработицы. Это также увеличивает социальное напряжение и ведет к дестабилизации общества. Более того, старые конфликты между враждующими соседями на Балканах и Кавказе, «какое-то время тлевшие где-то очень глубоко и почти невидимо, вновь стали самыми настоящими горячими точками» [6, с. 214–215].

Эти факты, которые приводит Дж. Фридман, наглядно демонстрируют, что проект создания единого мира в целом является утопичным и поэтому потерпел фиаско. Политолог делает вывод, что «в последние годы европейские общества претерпели значительные изменения своего внутреннего устройства. Открытая дифференциация населения по культурным и религиозным признакам, которая отчетливо проявляется в одежде и манере поведения, привела к серьезной дестабилизации отдельных городов и даже стран» [6, с. 333].

Таким образом, вся Евразия все более фрагментируется и раскалывается по национальным или этнически-религиозным признакам. Даже островное государство Великобритании не стало исключением: решение о выходе из состава Евросоюза свидетельствует о нарастающей дивергенции мирового целого и распаде целостности Европы. Такого рода социально-политические трансформации «отражают текущую революционную европейскую тенденцию, согласно которой каждая нация или даже национальная группа заявляет о своем праве на самоопределение, в результате чего Европа все больше и больше фрагментируется на все более мелкие части» [6, с. 385].

«Данные кризисные ситуации являются закономерным следствием процессов глобализации. Оптимистичная оценка данного феномена на этапе генезиса первых теорий была фундаментальна экономическим детерминизмом, который акцентировал внимание на снятие всех национальных, государственных и территориальных ограничений для перемещения финансов и капиталов, а также главенствующей роли ТНК на международной экономической и политической арене» [7, с. 12]. На основании этого делался вывод о том, что формирование единого мирового экономического пространства с

необходимостью ведет к культурной конвергенции, которая унифицирует этнокультурные особенности. Данному процессу способствует формирование единого информационного пространства, которое усиливает взаимодействие и культурный обмен между различными людьми и сообществами. «Однако актуальная социокультурная ситуация демонстрирует обратную тенденцию – на фоне экономической и информационной конвергенции происходит национальная, этническая и религиозная дивергенция. Происходит локализация, фрагментация и дифференциация общества по вышеперечисленным признакам» [7, с. 12]. На это указывают не только зарубежные исследователи, но и российские ученые. В частности, А. Л. Сафонов отмечает, что «реальные процессы глобализации, вопреки логике экономического детерминизма, неожиданно пошли в сторону цивилизационной, этнической и конфессиональной дивергенции и фрагментации. На первый план все чаще выходят глобальные угрозы социальной порядка, связанные с трансформацией системообразующих социальных общностей, в частности национальных и этнических» [8]. Таким образом, сегодня наблюдается ситуация не глобального единения мирового социума, а глобального противостояния и усиления конфликтности. Как отмечает А. Л. Сафонов, «вопреки ожиданиям, экономическая глобализация с ее конвергентной направленностью ведет к нарастанию этнокультурной дивергенции, отражающей обострение социальной конкуренции за жизненно важные ресурсы, объективно обусловленное углублением мирового ресурсно-демографического кризиса» [9, с. 48–49].

Однако дивергентные процессы, происходящие сегодня в мире, не сводятся исключительно к национальным и этническим конфликтам, которые существовали веками. Обострение старых и возгорание новых очагов противостояния неизбежно связаны с тем информационным «полем», которое окружает то или иное событие, как оно преподносится для всей мировой общественности СМИ. Кроме того, многие конфликты, которые происходят сегодня, являются результатом *информационных* и даже *гибридных* войн.

Под гибридной войной понимается такое противостояние, при котором «противник одновременно использует комбинацию военных, политических, экономических, социальных и информационных средств; а также обычных и нетрадиционных, террористических, разрушительных и криминальных методов борьбы, включая как государственные, так и негосударственные субъекты» [10]. В качестве примера в зарубежной литературе часто приводят войну

Израиля с Ливаном, в ходе которой правительственным войскам противостояла неправительственная группировка Хезболла, которая во многих странах признана террористической [10].

Также примером «гибридного противника» выступает организация Талибан в Афганистане, которая использовала целый спектр методов для захвата власти, в результате чего подобно Хезболле стала «государством в государстве» и создала «теневое правительство» в Афганистане.

Гибридная война предполагает не только открытые вооруженные противостояния, но также использование нетрадиционных средств борьбы, к которым относятся партизанские движения, скрытые диверсии, террористические акты, психологические войны, поддержка неправительственных организаций и движений, подкуп местного населения и др. Кроме того, гибридная война не всегда предполагает официальное объявление войны.

Для современного этапа социокультурного развития характерно появление еще одного, принципиально нового средства ведения гибридных войн – это *информационные и кибервойны*. Данному аспекту межгосударственного противостояния уделяется недостаточное внимание в современных исследованиях гибридных конфликтов, только лишь указывая на его наличие, в то время как большинство современных конфликтов происходят не только на традиционном поле боя, но прежде всего в киберпространстве. Более того, Ф. Д. Хоффман отмечает, что конфликты будущего все больше носят смешанный, мультимодальный характер: «Обычные и нерегулярные силы, военные и не участвующие в боевых операциях, и даже физическое (кинетическое) и виртуальное измерение конфликта становятся размытыми» [11, с. 57].

Наибольший интерес представляют именно информационное и киберпространство, как поле для различного рода гибридных конфликтов. Киберпространство – это область анонимности, не ограниченная территориально, доступная в любой точке мира, с бесконечными возможностями оказывать влияние на отдельных людей и целые нации, которые сегодня так зависимы от информационных технологий. В отличие от войн с использованием кинетического оружия, кибератаки не наносят цели физического вреда, но повреждают или полностью уничтожают программы, связанные с этими целями. Киберпространство дает множество возможностей для использования уязвимости противника. В частности, западные общества, в том числе их военные, стали очень зависимы от киберпространства – банковские операции, телефонные сети, управление воздушным движением, эксплуатация заводов или атомных электро-

станций, управление логистическими сетями – все это становится сферой использования ИКТ. В связи с этим в киберпространстве возможно осуществление целого спектра опасных действий: кибервандализм (распространение вирусных программ), киберпреступность (осуществление противоправных действий с использованием ИКТ), кибершпионаж, кибертерроризм, тактические и стратегические кибервойны и др.

В значительной степени многие современные конфликты и противостояния, как военные, так и политические, являются следствием или, по крайней мере, зависимы от действий в киберпространстве. Как известно, события «Арабской весны», которые дали начало волне революций в арабском мире, стали возможны благодаря активному использованию социальных медиа и Интернета. Забастовки и демонстрации, а также вооруженные восстания в Иране, Тунисе, Египте, Ливии, Ливане, Саудовской Аравии, Ираке и Йемене, Алжире и Судане стали свидетельством того, что мир стоит на грани раскола, который начинает носить глобальный характер. Дивергентные процессы, которые не только происходят в арабо-мусульманском мире, но также характеризуют и Западную цивилизацию, дают возможность говорить о том, что они носят глобальный характер.

В связи с этим можно сделать вывод о том, что гибридные войны, а точнее их современное воплощение – информационные и кибервойны – это *закономерный результат глобализации*, поскольку появление и развитие ИКТ стало возможным именно в результате процессов глобализации. В свою очередь, использование современных технологий формируют новый контекст международных взаимоотношений, которые должны выстраиваться с учетом данного фактора.

Заключение. Описанные выше события, которые происходят в течение последних лет, наглядно демонстрируют наличие реальных процессов дивергенции, в результате которых мир оказался на грани раскола. События «Арабской весны», украинский кризис, военная операция в Сирии, брексит Великобритании (как пример невоенного распада целостности Евросоюза), миграционный кризис в Европе, увеличение количества террористических актов, информационные и кибервойны являются прямыми доказательствами дивергенции мирового сообщества, как на Западе, так и на Востоке. На фоне экономической конвергенции и снятия торговых барьеров, преодоления пространственных ограничений благодаря ИКТ в то же время наблюдается ярко выраженная тенденция локализации и партикуляризма. То есть дивергенция становится основной тенденцией глоба-

лизации на современном этапе социальной динамики и касается, прежде всего, культурных, этнических и религиозных противоречий, которые только усиливаются под действием современных технологий в культурно-информационном пространстве. Глобализация превращается из процесса становления глобальной конвергентной культуры в глобализацию системного цивилизационного кризиса, охватывающего все мировое сообщество: «В конечном счете, мультикризисный характер глобализации означает завершение эпохи устойчивого социально-экономического прогресса и переход к нисходящей, регрессивной ветви развития, от поступательного развития к самосохранению в

условиях тотального антагонизма и неустойчивости» [9, с. 86].

Таким образом, то, что раньше считалось издержками глобализации, своеобразными побочными эффектами процесса становления глобального мирового единства, на сегодняшний день, во втором десятилетии XXI века, становится сущностной характеристикой феномена глобализации. Современный этап социодинамики, который все чаще определяется как «постглобализация», характеризуется сменой конвергентных тенденций (экономических, этнокультурных, идеологических и др.) дивергентными процессами фрагментации и дифференциации мировой социальной системы.

Литература

1. Фролова Е. В. Социокультурные приоритеты глобализации и информационные технологии в современных обществах // Учен. зап. Тавр. нац. ун-та. Сер.: Философия. Социология. 2008. Т. 21, № 1. С. 270–274.
2. Радевич Е. В. Информационные технологии и их влияние на современную духовную жизнь общества // Духовность. Образование. Наука: толерантность и нравственность в структуре духовной жизни общества: материалы Междунар. науч. конф., Минск, 20 апр. 2017 г. / Белорус. нац. техн. ун-т; отв. ред. А. И. Лойко. Минск, 2017. С. 157–161.
3. Карпинский В. В. Социально-культурные последствия информатизации современного общества // Весн. Гродзен. дзярж. ун-та. Сер. 1, Гісторыя, філасофія, паліталогія і сацыялогія, культуралогія, мастацтвазнаўства, педагогіка, псіхалогія, правазнаўства, філалогія. 2008. № 2. С. 108–113.
4. Анохина В. В. Медиатизация как фактор трансформации социальных пространств и метаморфозы культурных традиций // Философия и соц. науки. 2015. № 3. С. 13–18.
5. Фролова Е. В. Информатизация современного общества в ракурсе социально-философской рефлексии // Философия и соц. науки. 2010. № 4. С. 90–95.
6. Фридман, Дж. «Горячие» точки: геополитика, кризис и будущее мира / пер. с англ. Д. Строганова. СПб. [и др.]: Питер пресс, 2016. 398 с.
7. Радевич Е. В. Глобализация культурно-информационного пространства как фактор дивергенции современных обществ: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. Минск, 2018. 26 с.
8. Сафонов А. Л. Этническая фрагментация наций в эпоху глобализации: социально-философские аспекты [Электронный ресурс] // Филос. мысль. 2015. № 6. URL: http://e-notabene.ru/ft/article_15796.html (дата обращения: 13.04.2018).
9. Сафонов А. Л. Глобализация: структура, сущность и атрибуты. М.: Моск. гос. индустр. ун-т, 2014. 101 с.
10. Glenn R. W. Thoughts on “hybrid” conflict [Electronic resource] // Small Wars Journal. URL: <http://smallwarsjournal.com/jrnl/art/thoughts-on-hybrid-conflict> (date of access: 13.04.2018).
11. Hoffman F. G. Conflict in the 21st century: the rise of hybrid wars. Arlington: Potomac Inst. for Policy Studies, 2007. 72 p.

References

1. Frolova E. V. Sociocultural priorities of globalization and information technologies in modern societies. *Uchen. zap. Tavr. nats. un-ta* [Scientific notes of the National Taurida University], series: Philosophy. Sociology, 2008, vol. 21, no. 1, pp. 270–274 (In Russian).
2. Radevich E. V. Information technologies and their influence on the modern spiritual life of society. *Dukhovnost'. Obrazovanie. Nauka: tolerantnost' i нравstvennost' v strukture dukhovnoy zhizni obshchestva: materialy Mezhdunar. nauch. konf., Minsk, 20 apr. 2017 g.* [Spirituality. Education. Science: Tolerance and morality in the structure of the spiritual life of society: Materials of the Intern. scientific conference, Minsk, April 20, 2017]. Minsk, 2017, pp. 157–161 (In Russian).
3. Karpinsky V. V. Socio-cultural consequences of informatization of modern society. *Vesn. Grodzen. dzyarzh. un-ta* [Bulletin of the Grodno State University], series 1, History, philology, political science and sociology, culturology, art history, pedagogy, psychology, jurisprudence, philology, 2008, no. 2, pp. 108–113 (In Russian).

4. Anokhina V. V. Mediatization as a factor in the transformation of social spaces and the metamorphosis of cultural traditions. *Filosofiya i sotsial'nye nauki* [Philosophy and social science], 2015, no. 3, pp. 13–18 (In Russian).
5. Frolova E. V. Informatization of modern society in the view of socio-philosophical reflection. *Filosofiya i sotsial'nye nauki* [Philosophy and social science], 2010, no. 4, pp. 90–95 (In Russian).
6. Friedman J. *Flashpoints: The Emerging Crisis in Europe*. New-York, Anchor books, 2016, 290 p. (Russ. ed.: Fridman, Dzh. «Goryachie» tochki: geopolitika, krizis i budushcheye mira. SPb., Piter press Publ., 2016. 398 p.).
7. Radevich E. V. *Globalizatsiya kul'turno-informatsionnogo prostranstva kak faktor divergentsii sovremennykh obshchestv. Avtoref. dis. kand. filos. nauk* [Globalization of the cultural and information space as a factor in the divergence of modern societies. Abstract of thesis cand. of philos. sci.]. Minsk, 2018. 26 p.
8. Safonov A. L. Etnicheskaya fragmentatsiya natsiy v epokhu globalizatsii: sotsial'no-filosofskie aspekty [Ethnic fragmentation of nations in the era of globalization: socio-philosophical aspects]. Available at: http://e-notabene.ru/fr/article_15796.html (accessed 13.04.2018).
9. Safonov A. L. *Globalizatsiya: struktura, sushchnost' i atributy* [Globalization: structure, essence and attributes]. Moscow, Mosk. gos. industr. un-t Publ., 2014, 101 p.
10. Glenn R. W. Thoughts on “hybrid” conflict [Electronic resource]. Available at: <http://smallwarsjournal.com/jrnl/art/thoughts-on-hybrid-conflict> (accessed 13.04.2018).
11. Hoffman F. G. Conflict in the 21st century: the rise of hybrid wars. Arlington, Potomac Inst. for Policy Studies, 2007. 72 p.

Информация об авторе

Радевич Екатерина Владимировна – старший преподаватель кафедры философии и методологии науки. Белорусский государственный университет (220030, г. Минск, пр-т Независимости, 4, Республика Беларусь. E-mail: katrin_frol@mail.ru

Information about the author

Radevich Ekaterina Vladimirovna – senior lecturer, the Department of Philosophy and Methodology of Science. Belarusian State University (220030, Minsk, Nezavisimosti Ave., 4, Republic of Belarus). E-mail: katrin_frol@mail.ru

Поступила 15.09.2018

УДК 316.7:502.12

Н. В. Самерсова

Белорусский государственный университет культуры и искусств

**СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВАНИЯ
СТАНОВЛЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЛИЧНОСТИ**

В статье раскрываются сущность, а также противоречивость проявлений экологической культуры, ее способность к изменениям под влиянием социокультурных факторов, что обуславливает необходимость теоретико-методологического осмысления данного феномена с учетом опыта его изучения в мировой и отечественной гуманитарной науке. Указывается на необходимость развития знаний о возможностях, конкретных путях, методах и формах совмещения теоретических постулатов экологической культуры, воспитания людей и решения практических вопросов, имеющих экологическую составляющую. В практическом измерении экологическая культура, в разных формах и контекстах ее проявления, включая индивидуальное поведение человека, должна функционировать в виде конкретных регулятивных требований и нормативов решения ситуационных задач, определения стратегических целей и направлений деятельности по формированию экологосообразного образа жизни личности и общества.

Ключевые слова: экологическая культура, социокультурная среда, социоприродное взаимодействие, экологическое сознание.

N. V. Samersova

Belarusian State University of Culture and Arts

**SOCIOCULTURAL FOUNDATION
FOR DEVELOPING INDIVIDUAL'S ECOLOGICAL CULTURE**

The article elaborates on the essence of ecological culture and proves that controversies of its implementation as well as its variability are based on the ever-changing social and cultural factors which altogether requires substantial theoretical and methodological reconsideration of this phenomenon incorporating both national and international experience in the field. The author highlights the vital importance of uniting theoretical knowledge with exact tools and methodologies aimed at developing personal behavioral patterns and resolving practical issues that have ecological component. Practical dimension of ecological culture, whether demonstrated through a large social context or individual behavior, needs to be represented by a set of concrete regulations and guides for resolving situational tasks, by setting up strategic objectives and practical initiatives meant to foster environmentally conscious mindset and lifestyle in the society.

Key words: ecological culture, sociocultural environment, socio-natural relations, environmental consciousness.

Введение. Противоречия между обществом и природой в рамках формирования экологической культуры нужно рассматривать не только с позиций роли данной культуры как средства предотвращения возникновения условий и проявлений опасного обострения данных противоречий. Важнейшая функция экологической культуры должна также состоять в сохранении и конструктивной регуляции противоположных, не связанных между собой, тенденций устойчивого взаимозависимого развития и гармонизации связей общества и природы. Теоретический пласт экологической культуры должен включать обоснование и систематизацию (в виде общих принципов) адекватных нормативных установок, предназначенных для выбора практических методов регулирования противоречивых отношений общества и природы в рамках решения общей задачи их сохранения.

Основная часть. Последовательное описание социокультурных механизмов динамики общества, его исторических изменений дает научная теория, разработанная белорусскими исследователями П. А. Водопьяновым, П. М. Бураком, А. Я. Гуревичем, А. И. Зеленковым, С. Э. Крапивенским и др. Учеными представлен комплексный анализ современной экологической ситуации в контексте основных закономерностей функционирования и динамики биосферы. Исследованы оптимальные направления, средства и методы формирования современного экологического сознания, а также проблемы взаимодействия общества и природы в условиях различных социальных систем. По мнению ученых, комплексный анализ структуры и развития биосферы в условиях интенсификации антропогенных воздействий на процессы ее динамики, выявление экологического потенциала культур-

ных традиций, характерных для различных эпох и социальных систем, позволяют делать обоснованный вывод о том, что гармонизация отношений между обществом и природой может быть успешно решена на основе принципов коэволюции человека и биосферы [1, 2].

В соответствии с коэволюционной стратегией развития человечества именно формирование экологической культуры является одним из условий решения социально-экологических проблем. Можно сказать, что в практическом измерении экологическая культура, в разных формах и контекстах ее проявления, включая индивидуальное поведение человека, должна функционировать в виде конкретных регулятивных требований и нормативов решения ситуационных задач, определения стратегических целей и направлений деятельности по формированию экологосообразного образа жизни личности и общества. Отсюда следует необходимость развития знаний о возможностях, конкретных путях, методах и формах совмещения теоретических постулатов экологической культуры, воспитания людей и решения практических вопросов, имеющих экологическую составляющую.

Взаимодействие природы и культуры сегодня вызывает растущий интерес представителей как естественных, технических наук, так и наук гуманитарных. Вместе с тем следует заметить, что изначально в историко-философской традиции культура выступает как антитеза природе («натуре»), как противостояние человека и его деятельности стихии природы. Культуру часто принято определять через противопоставление ее природным явлениям, поскольку она является продуктом сознательной деятельности субъекта, в отличие от стихийного процесса порождения и существования природных тел. При всем многообразии взглядов на культуру практически никем не оспаривается ее противоположность природе. Однако традиционный подход к рассмотрению экологической проблематики в отрыве от культурологических вопросов является одной из причин его недостаточной конструктивности.

Существуют различные методологические подходы к исследованию экологической культуры, однако нами выделен социокультурный подход, в контексте которого экологическая культура предстает как тип мироотношения и способ освоения социального и культурного опыта в соответствии с принципом коэволюции. Становление коэволюционной парадигмы предполагает создание стройной системы коммуникации общества и природы, обеспечивающей связь и преемственность поколений, творческую трансляцию опыта и ценностей прошлых культур.

В основу социокультурного подхода положена культурно-историческая концепция Л. С. Вы-

готского, а также научные положения П. Я. Гальперина, В. В. Давыдова, Л. И. Божович, А. Лурия, Дж. Брунер и др. Они создают теоретические основания для рассмотрения экологической культуры как продукта культурно-исторического развития человечества в контексте единства гуманитарного и естественнонаучного знания.

В рамках обозначенного подхода социоприродное взаимодействие истолковывается в органической связи с пониманием культуры как особого регулятивного механизма и средства адаптации человека к среде обитания. Культура рассматривается как универсальный механизм, обеспечивающий устойчивое, гармонизирующее взаимодействие общества и природы, особенно востребованное в условиях социальной и экологической нестабильности [3].

Социокультурный подход вбирает в себя различные пути исследования исторического становления человечества, что, в свою очередь, способствует осознанию того, что каждая историческая эпоха формирует целостные, но незавершенные и неокончательные системы ценностей, отношений, представлений, действий и в рамках самого общества, и в его отношениях с природой. Научно-практическая ценность социокультурного подхода обусловлена тем, что с его помощью раскрываются сущность и закономерности становления и развития отношений человека с окружающей средой, а также объясняются глубинные механизмы формирования конкретно-исторического и актуального, ситуационного отношения к ней.

Заключение. Обобщая историко-философскую, культурологическую рефлексию выдающихся философов, гуманистов, а также ученых-естествоиспытателей, анализируя предпосылки возникновения экологической культуры в социогенезе, еще раз отметим, что именно социокультурный детерминизм как методологическая установка в теории и совокупность нормативных регулятивов в практической деятельности является той базисной позицией, которая обуславливает формирование содержания и ответственности экологической культуры личности. Мы представляем социокультурную детерминанту образа жизни человека как фактор, являющийся альтернативой детерминанте технологической (технократической), существовавшей до последнего времени и утверждавшей, что изменение социального поведения индивида обусловлено исключительно технократическими изменениями. Анализируя современную экологическую ситуацию и намечая возможные пути ее оптимизации, мы сталкиваемся с неизбежностью интегративных тенденций в развитии естественнонаучных, обществоведческих и культурологических аспектов экологической культуры.

Литература

1. Бурак П. М. Козволюционная стратегия в становлении ноосферы. Минск: БГТУ, 2005. 228 с.
2. Зеленков А. И., Водопьянов П. А. Динамика биосферы и социокультурные традиции. Минск: Университетское, 1987. 239 с.
3. Кульков Ю. П. Мировоззренческая детерминация познания природы: дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.01. Чебоксары, 2005. 306 с.

References

1. Burak P. M. *Koevoljutsionnaya strategiya v stanovlenii noosfery* [Co-evolutionary strategy of anthroposphere formation]. Minsk, BGTU Publ., 2005. 228 p.
2. Zelenkov A. I., Vodop'yanov P. A. *Dinamika biosfery i sotsiokul'trnye traditsii* [Dynamics of Biosphere and sociocultural traditions]. Minsk, Universitetskoye Publ., 1987. 239 p.
3. Kul'kov Yu. P. *Mirovozzrencheskaya determinatsiya poznaniya prirody. Dis. dokt. filos. nauk* [Midset determination of natural exploration. Doct. diss.]. Cheboksary, 2005. 306 p.

Информация об авторе

Самерсова Надежда Владимировна – кандидат педагогических наук, доцент, профессор кафедры педагогики социально-культурной деятельности. Белорусский государственный университет культуры и искусств (220001, г. Минск, ул. Рабковская, 17, Республика Беларусь). E-mail: samersova@inbox.ru

Information about the author

Samersova Nadezhda Vladimirovna – PhD (Pedagogy), Associate Professor, Professor, the Department of Pedagogy and Sociocultural Activity. Belarusian State University of Culture and Arts (17, Rabkrovskaya str., 220001, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: samersova@inbox.ru

Поступила 10.09.2018

УДК 1(091)(430)

И. М. Ратникова

Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники

**ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ ЭВОЛЮЦИИ КРИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ:
ОТ КЛАССИЧЕСКОЙ К СОВРЕМЕННОЙ МОДЕЛИ**

Данная статья посвящена историко-философской реконструкции имманентной логики развития критической теории как исследовательской программы современной гуманитаристики, начиная с этапа ее становления и заканчивая новейшими разновидностями. Осуществлена понятийная экспликация критической теории, а также установлена область ее применения. Обоснована концептуальная целостность и преемственность в развитии критической теории. Выявлены философские ориентиры классической версии критической теории, а также основания ее концептуальной трансформации. Раскрыты ключевые тенденции развития критической теории на современном этапе.

Ключевые слова: критическая теория, проект модерн, инструментальная рациональность, коммуникативное действие, борьба за признание, право на оправдание.

I. M. Ratnikova

Belarusian State University of Informatics and Radioelectronics

**PHILOSOPHICAL FOUNDATIONS OF EVOLUTION OF CRITICAL THEORY:
FROM CLASSICAL TO MODERN MODEL**

This article is devoted to the historical and philosophical reconstruction of the immanent logic of the development of Critical Theory as a research program of modern Humanities, beginning with the stage of its formation and ending with the newest varieties. A definition of the Critical Theory is explicated, and the field of its application is established. The conceptual integrity and continuity in development of the Critical Theory is grounded. The philosophical reference points of the classical version of the Critical Theory are revealed, as well as the bases for its conceptual transformation. The key trends in the development of the modern Critical Theory are revealed.

Key words: Critical Theory, project of modernity, instrumental rationality, communicative action, struggle for recognition, right to justification.

Введение. Цивилизационные процессы современного глобализирующегося мира характеризуются острыми социальными конфликтами, политическими, экономическими, культурными столкновениями и противоречиями, миграционными и интеграционными явлениями, которые сопровождаются ростом общественного недовольства, возникновением религиозно мотивированного экстремизма, международного терроризма и другими кризисными условиями. Осмысление оснований и генезиса того комплекса проблем, с которым столкнулось постиндустриальное общество, является сегодня первоочередной задачей философии. В этой связи обращение к критической теории, которая разрабатывает практикоориентированную методологию исследования и преодоления патологий развития техногенной цивилизации в контексте трансформационных процессов современности, оказывается чрезвычайно своевременным и продуктивным. Эвристический потенциал критической теории способен внести значительный вклад в раскрытие новых ракурсов в понимании стратегий устойчивого развития нашей страны.

Основная часть. Будучи одним из доминирующих концептуальных трендов в современ-

ном интеллектуальном пространстве, критическая теория по-прежнему пользуется серьезным интересом со стороны научного сообщества. Многочисленность и многоаспектность работ, посвященных вопросам данной исследовательской программы, свидетельствует о ее теоретической и практической значимости. В целом весь массив научной литературы может быть сведен: 1) к исследованиям, посвященным изучению преимущественно социального, политического и культурологического измерений критической теории (С. Броннер, В. С. Михайловский, Дж. Олвей, В. Н. Фурс и др.); 2) к исследованиям историографической направленности, имеющим, в большинстве своем, дескриптивный характер (Дж. Андерсон, Р. Виггерхаус, А. Н. Дмитриев, Д. Келлнер и др.); 3) к исследованиям, в которых ключевые аспекты критической теории раскрываются в контексте изучения концепций отдельных ее представителей (Б. Ван ден Бринк, И. А. Михайлов, Н. В. Мотрошилова, Дж. Финлейсон и др.).

Несмотря на наличие серьезных и глубоких исследований, комплексное изучение философских оснований эволюции критической теории все еще не нашло должного освещения. Каждая

из этих работ вносит важный вклад в осмысление критической теории, но, вместе с тем, в достаточной степени не раскрывает имманентную логику ее развития. В настоящий момент в отечественной науке нет работ, посвященных целостному, систематическому историко-философскому исследованию процесса концептуального становления и развития критической теории, начиная с момента ее возникновения и по настоящий день. Данная статья ставит своей целью хотя бы частично устранить этот пробел.

Критическая теория – это не нечто устоявшееся, завершенное, догматичное, это «живой проект», существующий «здесь и сейчас», парадигмальные установки которого активно развиваются и трансформируются в соответствии принципами современного научного дискурса и динамикой социокультурного развития. Многие представители критической теории являются нашими современниками и продолжают сегодня свою плодотворную деятельность. Вместе с тем ключевые тенденции ее развития, новейшие разновидности и модификации пока еще остаются без должного изучения, задача осуществления которого во многом затруднена отсутствием переводов оригинальных текстов ее программных теоретиков. Русскоязычному читателю в настоящий момент приходится довольствоваться лишь отдельными упоминаниями, статьями и рецензиями, посвященными вопросам современной критической теории.

Кроме того, неоднозначным остается и дефинитивный статус критической теории. Современный интеллектуальный дискурс характеризуется наличием целого ряда различных версий определения данного понятия. В первом приближении можно насчитать около сотни персоналий, относимых сегодня исследователями к представителям критической теории. В некоторых случаях критическая теория трактуется настолько широко, что утрачивает четкое содержательное наполнение и зачастую используется в качестве идентификационной метки.

Можно выделить два основных подхода в толковании критической теории. Первый подход содержательно относит к данной программе исследователей марксистского толка, в большей или меньшей степени объединенных целевыми установками Института социальных исследований во Франкфурте-на-Майне (Р. Виггерхаус, М. Джей, Д. Келлнер и др.). Второй же подход представлен достаточно широкой трактовкой критической теории как совокупности совершенно разных исследовательских программ современной гуманитаристики (марксизм, психоанализ, постструктурализм, феминизм, постколониализм и другие стратегии критики культуры), основанием для объединения которых вы-

ступает критика наличного социального порядка и убежденность в необходимости его трансформации (А. Вуд, Д. В. Иванов, С. Торми и др.).

Такая дефинитивная вариативность несколько затрудняет и, вместе с тем, дополнительно актуализирует необходимость решения поставленных в статье задач. В ходе понятийной экспликации критической теории была выявлена инвариантность ее философского содержания, обеспечивающая целостность и преемственность в ее развитии. Методологически она находит выражение в междисциплинарном, системном подходе к исследованию предельных оснований социокультурной реальности, концептуально – в рефлексии над фундаментальными принципами проекта модерн. Реконструкция внутренней логики эволюции критической теории позволяет установить ее парадигмальные границы, генетически и концептуально восходящие к философской программе ранней Франкфуртской школы, получившей свое развитие в учениях, направленных на ее реактуализацию в соответствии с динамикой принципов научного мышления и социокультурного контекста.

Заданные параметры обуславливают правомерность трактовки критической теории в качестве оригинальной исследовательской программы современной гуманитаристики, широко представленной сегодня рядом направлений (критическая социальная теория, критическая литературная теория, критическая правовая теория и др.), характеризующихся единством концептуально-методологических оснований. Программно критическая теория была сформулирована М. Хоркхаймером в первой трети XX столетия, концептуально фундирована затем в работах Т. Адорно и Г. Маркузе, получила коммуникативное развитие в философии Ю. Хабермаса, а в настоящее время нашла продолжение в концепциях А. Хоннета и Р. Форста. Указанная преемственность в развитии критической теории проявляет себя не в виде содержательных рецептов, но в форме релевантности ее парадигмальных установкам, что позволяет ей оставаться чрезвычайно актуальной и продуктивной программой в пространстве современного социально-гуманитарного знания.

Философские основания классической модели критической теории заданы логикой системной концептуализации проекта модерн в единстве генетического, функционального и проективно-нормативного аспектов. Целевая установка критической теории сопряжена с исследованием генезиса и особенностей функционирования предельных оснований техногенной цивилизации, а также выявлением условий трансформации социального порядка на принципах свободы и справедливости.

Уже на этапе становления критической теории задается своеобразие трактовки понятия «модерн». Модерн здесь понимается как особый мировоззренческий проект, детерминирующий направление развития западного общества, не имеющий жесткой привязки к конкретной исторической эпохе и характеризующийся инструментальной рациональностью, редукционистской интерпретацией природы человека, прогрессистской концепцией исторического процесса [1]. Такое понимание модерна максимально полно описывает тот круг проблем, с которым столкнулось современное общество, а потому приобретает сегодня все больше сторонников в интеллектуальном пространстве.

Несомненным достижением классической модели критической теории является раскрытие конститутивной роли рациональности модерна в становлении современной техногенной цивилизации. На данном этапе были эксплицированы концептуальные основания генезиса западной иерархии ценностей, доминантными стратегиями которой становятся господство и потребление. Классиками критической теории раскрыто значение приоритета рационально организованной познавательной деятельности человека, нивелирующего целостность и многообразие форм субъективного бытия, сопровождающегося овеществлением и утратой способности к критической рефлексии. В том числе выявлена и противоречивость идеологии безудержного стремления к целесообразному и прогрессивному развитию, которое обернулось регрессом, подавлением и угнетением человечества [2].

Эта амбивалентность модерна приводит классиков критической теории к постулированию тезиса о необходимости трансформации капиталистического общества, основанного на модели господства, в целях построения новой модели социального устройства на принципах разумности, свободы и справедливости («эстетическая рациональность» Т. Адорно, «чувственная рациональность» Г. Маркузе, проект «здорового общества» Э. Фромма). Вопреки устоявшемуся в ряде научных источников мнению уже в рамках классической философской модели критической теории была концептуализирована ее эмансипационная направленность, определившая собой общую матрицу дальнейшей эволюции этой программы. Окончание же творческого и жизненного пути основоположников критической теории знаменует собой завершение классического этапа. Реактуализация философского дискурса критической теории была инициирована во второй половине XX столетия группой немецких ученых во главе с Ю. Хабермасом. Реализация системного подхода к исследованию социокультурной ре-

альности в коммуникативном ключе послужила основанием парадигмального переворота в критической теории от принципов философии сознания к языковой модели.

В отличие от классиков критической теории, Ю. Хабермас отказывается от сугубо негативной трактовки проекта модерн. Будучи глубоко убежденным в его незавершенности, потенциал дальнейшего социального развития он связывает с заложенными в нем теоретическими ресурсами. Представленная им модель – это коммуникативная разновидность критической теории, нацеленная на системную концептуализацию социокультурной реальности в соотнесенности с патологиями и противоречиями реализации фундаментальных принципов проекта модерн [3].

Ю. Хабермас устанавливает прямую зависимость социального прогресса и эволюционного развития нормативных оснований коммуникативных практик в контексте повседневных intersubjectивных взаимодействий. Это развитие выражается процессом рационально организованного, дискурсивного формирования коллективного волеизъявления общественными объединениями на принципах открытости, свободы и солидарности. Философская концепция Ю. Хабермаса, фундированная идеей intersubjectивности, обеспечила предпосылки для последующей концептуальной трансформации критической теории от коммуникативной модели к парадигме «признания».

На современном этапе ключевые аспекты развития критической теории заданы intersubjectивистской парадигмой признания и находят выражение в исследовании нормативных аспектов и особенностей динамики социокультурного развития, а также в поиске максимально оптимальных моделей социального порядка и справедливых норм совместного сосуществования представителей различных культур в контексте глобализирующегося мира.

Так, А. Хоннет как ведущий представитель современной критической теории основополагающий фактор социального прогресса связывает с борьбой индивидов за признание их притязаний на значимость и независимость. Нормативными же моделями взаимного признания здесь выступают любовь, право и солидарность, каждой из которых соответствует определенная форма пренебрежения, продуцирующая мотивы и основания генезиса социальных конфликтов.

Критическая теория А. Хоннета представляет собой программу нормативной реконструкции существующих институализированных отношений, в которых индивиды посредством взаимного признания реализовывают свою личную автономию. Нормативные институты должны быть защищены правовыми, ко-

торые, в свою очередь, легитимированы дискурсивными практиками коллективного демократического волеизъявления [4].

Сегодня развитие идей критической теории связано с творчеством Р. Форста. Будучи учеником Ю. Хабермаса и А. Хоннета, он следует требованию критической теории подвергать систематической рефлексии собственные основания и принципы. Исходное положение этой новейшей версии критической теории состоит в том, что социальная жизнь всегда протекает в нормативных контекстах справедливости как сферах взаимного этического, правового, политического и морального признания. Вместе с тем идея признания используется Р. Форстом в целях дополнения и уточнения разрабатываемой им критической теории справедливости, методологический приоритет в которой принадлежит концепции реализации права на оправдание. Это право выражает отказ от поли-

тических или социальных отношений господства, которые не могут быть оправданы теми людьми и сообществами, к которым они имеют непосредственное отношение [5].

Заключение. Таким образом, эволюция критической теории имеет закономерный характер и обусловлена динамикой социально-исторического контекста. Сегодня критическая теория предстает как эмансипационный проект создания правового общества, в основе которого дискурсивная практика оправдания своего образа жизни и социально-политических институтов, приводящая к установлению демократического государства на принципах свободы, справедливости и толерантности. Эта эмансипационная направленность обеспечивает максимальную продуктивность и эффективность критической теории в политических, социальных и культурных исследованиях в контексте цивилизационных процессов современности.

Литература

1. Хоркхаймер М., Адорно Т. Дialeктика Просвещения. Философские фрагменты. М.: Медиум; СПб.: Ювента, 1997. 312 с.
2. Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек: исследование идеологии развитого индустриального общества. М.: АСТ, 2003. 516 с.
3. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2006. 378 с.
4. Honneth A. The struggle for recognition: the moral grammar of social conflicts. Cambridge, Massachusetts: The MIT Press, 1995. 215 p.
5. Forst R. The Right to Justification. New York: Columbia Univ. Press, 2007. 351 p.

References

1. Horkheimer M., Adorno T. *Dialektika Prosveshcheniya* [Dialectic of Enlightenment]. Moscow, Medium Publ.; St. Petersburg, Yuventa Publ., 1997. 312 p.
2. Marcuse H. *Eros i tsivilizatsiya. Odnomernyyu chelovek: issledovanie ideologii razvitogo industrial'nogo obshchestva* [Eros and civilization. One-dimensional man: studies in the ideology of advanced industrial society]. Moscow, AST Publ., 2003. 516 p.
3. Habermas J. *Moral'noye soznaniye i kommunikativnoye deystviye* [Moral consciousness and communicative action]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2006. 378 p.
4. Honneth A. The struggle for recognition: the moral grammar of social conflicts. Cambridge, Massachusetts, The MIT Press, 1995. 215 p.
5. Forst R. The Right to Justification. New York, Columbia Univ. Press, 2007. 351 p.

Информация об авторе

Ратникова Ирина Михайловна – преподаватель кафедры философии. Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники (220013, г. Минск, ул. П. Бровки, 6, Республика Беларусь). E-mail: volira_@mail.ru

Information about the author

Ratnikova Irina Mikhailovna – lecturer, the Department of Philosophy. Belarusian State University of Informatics and Radioelectronics (6, P. Brovki str., 220013, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: volira_@mail.ru

Поступила 20.09.2018

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ	5
Козляков В. Е. Из истории формирования в Беларуси системы подготовки специалистов лесного хозяйства и становления Белорусского лесотехнического института имени С. М. Кирова	5
Крючек П. С. Участие белорусов в формировании этнического пространства Сибири во второй половине XIX – первой трети XX в.	10
Острога В. М. Педагогическая коммуникация в учебных заведениях Беларуси во второй половине XIX – начале XX в.: учителя и ученики	15
Ляхоўскі У. В. Наступствы Першай сусветнай вайны (1914–1917 гг.) для прамысловасці і сельскай гаспадаркі Мінскай губерні.....	22
Семенчик Н. Е. Положение сельского хозяйства и промышленности Беларуси в условиях войны (лето 1915 – зима 1916 г.).....	28
Райченко А. А. К 100-летию провозглашения Белорусской Социалистической Советской Республики	36
Коваль В. У. Роля студэнцкіх і прафесійных арганізацый у працэсе сацыяльна-псіхалагічнай адаптацыі беларускіх эмігрантаў у Чэхаславакіі (1918–1939 гг.).....	40
Каляда І. У. Нацыянальна-этнічныя працэсы на Беларусі ў 1920-я гг.....	46
Мосейчук Л. И. Применение бригадно-лабораторного метода в Белорусском государственном университете.....	51
Острога В. А. Преподавание и изучение истории Нового и Новейшего времени в специализированных вузах БССР	54
Зайцев А. А., Зайцева Н. В. Аутсорсинг в вооруженных силах НАТО.....	59
Матусевич В. А. «Войны памяти» на постсавецкай прасторы	63
ФИЛОСОФИЯ	71
Бурак П. М. Коэволюция и ноосфера в панораме актуальных исследований: краткий обзор ...	71
Радевич Е. В. Дивергенция современных обществ как результат интегрального взаимодействия информационно-коммуникационных технологий и процессов глобализации.....	81
Самерсова Н. В. Социокультурные основания становления экологической культуры личности.....	88
Ратникова И. М. Философские основания эволюции критической теории: от классической к современной модели	89

CONTENTS

HISTORY.....	5
Kazliakou U. Ye. From the formation history of forestry’s specialists system training of S. M. Kirov’s Belarusian Forestry Institute in Belarus.....	5
Kruchek P. S. Participation of Belarusians in formation of ethnic space of Siberia in the second half of 19th – the first third of 20th century	10
Ostroga V. M. Pedagogical communication in the educational establishments of Belarus in the second half of 19th – early 20th century: teachers and students.....	15
Lakhouski U. V. Effects of the First World War (1914–1917) for industry and agriculture of Minsk province	22
Semenchyk N. Ye. The situation of agriculture and industry in Belarus in the conditions of war (summer 1915 – winter 1916).....	28
Raichonak A. A. To the 100th anniversary of the proclamation of the Belarusian Socialist Soviet Republic	36
Koval V. U. The role of the student’s and professional organizations in the social and psychological adaptation of the Belarusian emigrants in Czechoslovakia (1918–1939).....	40
Kolyada I. U. National ethnic processes in Belarus in 1920’s.....	46
Maseichuk L. I. Application of the brigade-laboratory method in the Belarusian State University	51
Astroga V. A. Teaching and studying modern and contemporary history in specialized high schools of BSSR	54
Zaytsev A. A., Zaytseva N. V. Outsourcing in NATO armed forces.....	59
Matusevich V. A. “Memory wars” in the post-soviet space.....	63
PHILOSOPHY	71
Burak P. M. Coevolution and noosphere in the panorama of actual researches: a brief overview	71
Radevich E. V. Divergence of the modern societies as a result of the integrated interaction of information and communication technologies and the processes of globalization	81
Samersova N. V. Sociocultural foundation for developing individual’s ecological culture.....	88
Ratnikova I. M. Philosophical foundations of evolution of Critical Theory: from classical to modern model.....	91

Редактор *О. П. Приходько*
Компьютерная верстка *А. А. Селиванова*
Корректор *О. П. Приходько*

Подписано в печать 14.12.2018. Формат 60×84¹/₈.
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Печать ризографическая.
Усл. печ. л. 11,3. Уч.-изд. л. 12,3.
Тираж 100 экз. Заказ 470.

Издатель и полиграфическое исполнение:
УО «Белорусский государственный технологический университет».
Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/227 от 20.03.2014.
Ул. Свердлова, 13а, 220006, г. Минск.